

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 01-05-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 01-05-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет., 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Роцевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопад Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jvlarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрации ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, ,заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. г Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board

of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in

the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq.

243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Тюрина С.Н. Между изображением и образом: Вторая заповедь в контексте катакомбной живописи	1
Мифтахутдинов Р.Т. Сохранение политической субъектности в условиях цифровизации	26
Толкачев П.А. Нарративы идентичности предпринимателя: от героического модерна к постмодернистскому множеству ролей	42
Глуховский А.С., Сергиенко А.Ю. Роль концепта «абдукции агентности» в индейском перспективизме Эдуарду Вивейруша де Кастру и возможность его применения в исследованиях технологий	56
Грибков А.А. Паллиативные системы с имитационной активностью: факторы устойчивости и сценарии управления	69
Чекрыгин О.В., Надеина Д.А. Статичность Абсолюта в сочетании с процессным теизмом Бога-Отца в новой онтологической перспективе	85
Фуэнтес Гонсалес С. Докритические мысленные эксперименты Канта и спор о Vis Viva	111
Саяпин В.О. Цифровые сети: между конкретизацией и трансиндивидуальным в философии Жильбера Симондона	128
Рахимова М.В., Кузнецова Т.В. В поисках тезауруса «повседневной театральности» как философско-антропологического феномена: «сценарий», «представление», «персона»	140
Одинцова Д.Д. Трансформация смыслообразующей части произведения музыкального искусства	161
Англоязычные метаданные	177

Contents

Tiurina S.N. Between image and depiction: The Second Commandment in the Context of Catacomb Painting	1
Miftakhutdinov R.T. Preservation of political subjectivity in the context of digitalization	26
Tolkachev P. Entrepreneurial Identity Narratives: From Heroic Modernity to the Postmodern Multiplicity of Roles	42
Glukhovskii A.S., Sergienko A.Y. The role of the concept of "abduction of agency" in Eduardo Viveiros de Castro's Amerindian perspectivism and the possibility of applying it to the study of technology	56
Gribkov A.A. Palliative systems with simulation activity: resilience factors and management scenarios	69
Chekrygin O., Nadeina D.A. The static Nature of the Absolute combined with the process Theism of God the Father in a new ontological perspective	85
Fuentes Gonzalez S. Kant's Pre-Critical Thought Experiments and the Vis Viva Controversy	111
Sayapin V.O. Digital networks: between specification and transindividual in the philosophy of Gilbert Simondon.	128
Rakhimova M.V., Kuznetsova T.V. In search of a thesaurus of everyday theatricality as a philosophical and anthropological phenomenon: «scenario», «performance», «persona»	140
Odintsova D.D. Transformation of the semantic part of a piece of musical art	161
Metadata in english	177

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Тюрина С.Н. Между изображением и образом: Вторая заповедь в контексте катакомбной живописи //

Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.73641 EDN: VLHHRS URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73641

Между изображением и образом: Вторая заповедь в контексте катакомбной живописи

Тюрина Светлана Николаевна

ORCID: 0009-0006-3503-6267

аспирант, сектор эстетики; Институт Философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, 501

✉ svetlanatyur@bk.ru

[Статья из рубрики "Эстетика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.73641

EDN:

VLHHRS

Дата направления статьи в редакцию:

10-03-2025

Дата публикации:

04-04-2025

Аннотация: Катакомбная живопись, сформировавшаяся в условиях библейского запрета на изображения (Вторая заповедь), представляет собой уникальный феномен раннехристианской культуры. В статье анализируются методологические подходы к её изучению: иконографический анализ, концепции идентичности, художественного стиля, диалога и роли зрителя. Особое внимание уделено противопоставлению «изображения» (материального объекта) и «образа» (символа, указывающего на трансцендентное), что раскрывает апофатический принцип интерпретации запрета. Автор критикует ограниченность существующих методов, предлагая междисциплинарный анализ, объединяющий контекст погребального пространства, переосмысление античных мотивов и аффективное восприятие. Катакомбное искусство интерпретируется как самостоятельная система, где запрет трансформируется в эстетику отсутствия, а символы

служат инструментами выражения сакрального. Исследование подчеркивает важность сочетания искусствоведческих, теологических и философских подходов для изучения визуального языка катакомбной живописи в контексте религиозных и культурных особенностей поздней античности. Методология сочетает иконографический анализ с концепциями идентичности, зрителя, диалога, стиля и аффекта. Используются сравнительный и контекстуальный подходы для оценки методологий и анализа восприятия Второй Заповеди в раннем христианстве. Оценивается их способность объяснить уникальность катакомбной живописи за пределами традиционного искусствознания. Актуальность исследования обусловлена увеличением числа работ о катакомбном искусстве, включая искусствоведческие («Катакомбный» период в искусстве ранних христиан» Кузнецова-Бондаренко Е.С., Тюлюков Д.И., 2020; «Погребальный портрет в искусстве раннехристианских катакомб» Образцова К., 2021) и культурологические («Свидетельство живописи римских катакомб о мировосприятии христиан доконстантиновой эпохи» Чернова А.В., Шарков И.Г.; «Образы раннехристианского искусства в контексте изучения христианства I–IV веков» Лях Е.Е., 2017). Однако отсутствуют исследования, систематизирующие методологические подходы. Работа восполняет этот пробел, предлагая новую перспективу, основанную на аффективном восприятии и концепции образа как средства духовного общения. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на катакомбную живопись и проблему преодоления Второй Заповеди, выходя за рамки традиционного искусствоведческого анализа.

Ключевые слова:

Катакомбная живопись, Раннехристианское искусство, Вторая заповедь, Поздняя античность, Аниконизм, Философия образа, Визуальный нарратив, Образ, Изображение, Аффективное восприятие

Введение

Катакомбная живопись занимает важное место в изучении раннехристианского искусства. Она представляет собой сложный объект исследования, сочетающий в себе элементы символики, стилистические традиции и богословское содержание. Многозначность и синкретический характер катакомбной живописи требуют применения различных методологических подходов для её анализа и интерпретации.

Предметом исследования являются методологические подходы к изучению катакомбной живописи с акцентом на проблему преодоления Второй заповеди (Исх. 20:4) и её интерпретацию в контексте раннехристианской культуры. *В работе исследуется интерпретация Второй заповеди, запрещающей создание изображений, в контексте раннехристианской культуры. Хотя в новозаветной традиции вторая заповедь ассоциируется с любовью к ближнему, акцент на ветхозаветном запрете позволяет раскрыть уникальные механизмы адаптации и трансформации сакрального в катакомбной живописи, где ограничение становится источником формирования нового художественного языка.*

Изучение катакомбной живописи охватывает широкий спектр дисциплин, включая археологию, историю искусства, культурологию и философию. Это позволяет рассматривать её не только как художественное явление, но и как свидетельства мировоззрения раннехристианских общин. В данной статье рассматриваются как история

изучения катакомбной живописи, начиная с первых археологических исследований, так и современные подходы к её интерпретации. Особое внимание уделяется влиянию культурного и философского контекста на формирование раннехристианского искусства.

Методология исследования сочетает иконографический анализ с междисциплинарными подходами: изучением формирования религиозной и социальной идентичности раннехристианских общин, анализом роли зрителя в интерпретации образов, выявлением диалога между языческой, иудейской и христианской традициями, а также исследованием роли чувственного восприятия в формировании религиозного опыта. Применяется сравнительный анализ для оценки различных методологий, а также контекстуальный подход, чтобы понять, как катакомбная живопись функционировала в условиях восприятия и интерпретации Второй Заповеди в раннехристианской культуре. Критерием оценки подходов является их способность объяснить уникальность катакомбной живописи как явления, выходящего за рамки традиционного искусствоведческого анализа.

Актуальность и новизна данной работы обусловлены тем, что в последние десятилетия появляется все больше исследований катакомбного искусства — как искусствоведческих (««Катакомбный» период в искусстве ранних христиан» Кузнецова-Бондаренко Е.С.; Тюлюков Д.И. 2020 г. и «Погребальный портрет в искусстве раннехристианских катакомб» Образцова К. 2021 г.), так и культурологических («Свидетельство живописи римских катакомб о мировосприятии христиан доконстантиновой эпохи» Чернова А.В.; Шарков И.Г. и «Образы раннехристианского искусства в контексте изучения христианства I – IV веков» Лях Е.Е. 2017 г.). В связи с этим вопрос о категоризации и описании методологии исследований катакомбной живописи становится острее, но на данный момент не существует работ, структурирующих подходы к изучению этого объекта исследования, которые способны предложить новый взгляд на историю изучения катакомбной живописи.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью преодоления некоторых ограничений подходов к изучению катакомбной живописи, которые, фокусируясь на историко-стилистическом или иконографическом анализе, оставляют за рамками философскую интерпретацию воздействия запрета на образы и художественную практику ранних христиан. Несмотря на обширную историографию, ключевой вопрос о том, как буквальное соблюдение ветхозаветного запрета трансформировалось в эстетику символического отсутствия, остаётся недостаточно изученным.

Научная новизна заключается в предложении новой перспективы, основанной на аффективном восприятии и концепции образа как средства духовного общения, что позволяет по-новому взглянуть на проблему интерпретации Второй заповеди.

В заключение катакомбная живопись рассматривается как уникальный феномен, требующий междисциплинарного подхода. Анализ различных подходов позволяет по-новому взглянуть на проблему интерпретации Второй заповеди и подчеркивает значимость катакомбной живописи в контексте раннехристианской культуры.

Описание катакомб

Погребальное искусство Древнего Рима было богато множеством форм: обрядами, памятниками и сооружениями. Обычно подобное искусство было элитарным: его заказчиками являлись представители знати, способные позволить себе затраты на оформление погребальных мест и проведение соответствующих ритуалов. В результате, созданные погребения, кладбища и некрополи варьировались по уровням сложности,

качеству исполнения и использованным материалам, что зависело от финансовых возможностей и предпочтений заказчика.

Начиная с II века нашей эры, в период поздней античности, римляне все чаще отказывались от практики кремации. Распространение христианства ускорило этот процесс, что, в свою очередь, вызвало необходимость в расширении площадей, отводимых для погребений. В результате этого начали возникать новые подземные погребальные галереи и усыпальницы, получившие название катакомб. Эти структуры представляли собой искусственно созданные подземные коридоры и залы, служившие местами захоронения язычников, митраистов, иудеев и христиан [\[2, с. 650-673\]](#). Самая разветвленная и многоярусная сеть катакомб была создана в Риме.

Внутри катакомб также встречались просторные помещения, называемые кубикулами, которые выполняли функцию склепов. Именно в кубикулах было сохранено наибольшее количество раннехристианских изображений. Чаще всего встречались изображения сцен трапез, Доброго Пастыря, орант, агнца, сцен из Ветхого завета. Исследователь А. Фрикен в своем описании катакомб замечает:

«Надо долго бродить в этих подземных галереях, то высоких и, относительно, просторных, то узких и низких, где едва может пройти человек; надо проникать в отдаленные углы катакомб, и спускаться в их последние этажи, чтобы получить полное понятие о громадности этого подземного мира, и, вместе, убедиться, что в нем мы еще можем узнать много нового о тех людях, которые его выкопали, оставили трогательное выражение своих чувств, верований, надежд и были в нем схоронены» [\[8, с. 40\]](#).

Подобное таинственное и трепетное восприятие катакомбного искусства, как видно из описания А. Ф. фон Фрикена было общим местом для многих исследователей начиная с XV века.

Алексей Федорович фон Фрикен был автором первого русскоязычного исследования о живописи катакомб: «Римские катакомбы и памятники древнехристианского искусства» (1872 – 1889 гг.), которое представляет собой переработку и развитие труда Джованни Батиста де Росси «Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства» (1822 – 1894 гг.). Джованни Батиста де Росси принято считать отцом христианской археологии, своими исследованиями он положил начало масштабному исследовательскому интересу к христианским катакомбам.

Как подчеркивает А.Е. Меденникова, Де Росси умел поддерживать активные контакты с учеными всего мира:

«Свидетельство этому — его письма, внимательно и скрупулезно хранимые им самим и впоследствии вошедшие в состав отдела манускриптов Ватиканской библиотеки, которые охватывают период с 1842 по 1894 гг.» [\[4, с. 205\]](#). Среди его корреспондентов были Д. В. Айхенлов, Н. П. Кондаков, Г. С. Строганов, А. С. Уваров, Ю. А. Кулаковский и И.В. Цветаев. Исследовательница также упоминает, что есть некоторые основания полагать, что Федор Рейман - российский художник, которому Цветаев заказал исполнение копий катакомбных фресок, создавал и иллюстрации к знаменитому труду Дж.Б. Де Росси «Roma Sotterranea». Однако реализация этого проекта была прервана из-за кончины учёного [\[4, с. 207\]](#).

Примечательно, что к XIX веку в научной среде существовали ошибочные представления относительно истории и назначения катакомб, которые на сегодняшний день

опровергнуты исследованиями XX века.

Прежде чем перейти к детальному анализу историографии методов изучения живописи катакомб, представляется важным рассмотреть две наиболее распространенные ошибочные гипотезы того времени. В частности, была широко распространена гипотеза об изобретении катакомб ранними христианами, а также представление об их использовании в качестве убежища от гонений. Разрешение данных противоречий и опровержение этих гипотез были достигнуты в первой половине XX века благодаря работам П. Штигера, А. М. Шнайдера и П. Тестини.

Опровержение гипотезы о том, что катакомбы служили убежищем от гонений, стало возможным благодаря внедрению новых принципов датирования. П. Штигер разработал методику датировки, основанную не на стилистическом анализе росписей, а на определении геологического возраста горных пород, из которых были высечены катакомбы. Применяя данный метод, Штигер установил, что основное использование катакомб приходится на IV век, то есть на период после издания Миланского эдикта. Это подтвердило тезис о том, что они не предназначались для укрытия от преследований. Более того, П. Штигер утверждал, что не существует христианских катакомб, относящихся ко времени апостолов, а наиболее ранние из них датируются II веком.

Вторая ошибочная гипотеза заключалась в утверждении об изобретении катакомб ранними христианами. Опровержение этой гипотезы стало возможным благодаря систематизации исторических свидетельств, проведенной А.М. Шнайдером и П. Тестини к середине 1920-х годов. Таким образом, археологическое изучение катакомб получило прочную научную основу. В частности, результаты раскопок показали, что до конца II века строительство катакомб не велось, а ранние христиане были погребены на общих языческих кладбищах. Более того, исследование иудейских катакомб в саду виллы Торлония, датируемых III веком, показало, что они возникли одновременно с христианскими и не являются предшественниками христианских. Скорее, можно говорить об их общей художественной античной базе.

После анализа основных характеристик, гипотез и исторических свидетельств, позволяющих сформировать общее представление о природе катакомб, их назначении и причинах декорирования росписями, представляется целесообразным перейти к рассмотрению актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями. В рамках данного исследования особый акцент будет сделан на вопросах, которые ранее могли оставаться вне поля зрения научного сообщества.

Некоторые вопросы историографии

История изучения живописи римских катакомб берет свое начало в эпоху Ренессанса, в XV веке. Первые исследователи, преимущественно римские антиквары, исходили из предположения, что катакомбы являлись жилищами ранних христиан и служили укрытием от преследований. В частности, Римская академия антиквариев, руководителем которой был Юлий Помпоний Лет (основана в 1465 году), проводила исследования катакомб святых Петра и Марцеллина, а также катакомб святого Каллиста.

Однако, методология ранних изысканий была ограничена: исследования носили описательный характер и базировались на поверхностном изучении археологических данных. Кроме того, их интерпретации были тесно связаны с церковными догмами, что впоследствии, по мнению папы Павла III, привело к приостановке дальнейшего изучения из-за противоречия взглядам Ватиканской церкви.

Среди первопроходцев в изучении катакомб также выделяется церковный историк и археолог XVI века Онуфрий Панвинио. Его подход, основанный на анализе письменных источников, позволил составить список мест захоронения ранних христиан в Риме, включая катакомбы святых Себастьяна, Лаврентия и Валентина. Панвинио, как и его современники Филиппо Нери и Цезарь Барония, придерживался традиции церковного понимания катакомб как памятников веры. Ф. Нери, помимо исследований, также проводил проповеди в катакомбах святого Себастьяна, а Ц. Барония, в своем труде «Церковные анналы», ввел термин «подземный Рим», осветив историю Церкви, опираясь на археологические данные, хотя и в рамках теологической перспективы. В этот период, основной исследовательской задачей было обнаружение свидетельств ранней христианской Церкви, что часто приводило к неточной периодизации из-за влияния религиозных убеждений.

Определенное восхищение, вызываемое римскими катакомбами, вероятно, спровоцировало поиск в них следов ранней Церкви времен апостолов, что повлияло на методологию ранних исследований. Акцент делался на религиозной значимости и упускалась из виду возможность более широкой интерпретации.

Значительный вклад в изучение катакомб внес Антонио Бозио, чьи открытия были изложены в сочинении «Подземный Рим» 1593 года. Несмотря на критику со стороны Ватикана и последующую приостановку исследований, труд Бозио заложил основы нового методологического подхода. Бозио сформулировал принцип примата письменных источников над изображениями в катакомбах. Его подробные рисунки росписей и саркофагов, опубликованные посмертно в «Roma Sotteranea» (1632), стали важным материалом для последующих поколений исследователей [\[16, с. 278\]](#).

В первые столетия изучения катакомб методология характеризовалась двумя ключевыми особенностями: во-первых, приверженностью церковным догмам, что могло снижать объективность исследовательских данных; во-вторых, преимущественным вниманием к описанию материальных свидетельств, обнаруженных в катакомбах, без акцента на интерпретацию сюжетов или архитектурных решений. К середине XVII века научные исследования римских катакомб были приостановлены, и сами катакомбы подверглись опустошению. Изучение катакомб возобновилось лишь в XIX веке, причем в этот период к исследованиям подключились не только итальянские, но и французские, немецкие и британские ученые.

XVIII – XIX веках в методологии изучения римских катакомб произошли значительные изменения. В рамках римской школы начал формироваться собственный научный подход. Джузеппе Марки (1795-1860) выдвинул положение о том, что анализ катакомб невозможен вне их архитектурного и археологического контекста. Он также активно выступал против опустошения катакомб и изъятия росписей, что свидетельствует о нарастании внимания к целостности и сохранности археологического материала.

За пределами Италии в это время Дезире Рауль-Рошетт, французский археолог, опубликовал значительный труд по позднеантичному искусству. Рауль-Рошетт положил начало целой плеяде исследователей, изучавших историю и живопись катакомб, среди которых были Джузеппе Марки и Джованни Баттиста де Росси, труд последнего «Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства» (1822-1894) оказал огромное влияние на последующие исследования. Работы Джованни Баттиста де Росси были впоследствии адаптированы и переработаны учеными-археологами из России (например, Алексеем Фёдоровичем фон Фрикеном), Франции, Великобритании и Германии.

Кроме того, подлинность мощей также оставалась предметом дискуссии. Несмотря на это, Джованни Баттиста де Росси по праву считается основоположником христианской археологии, поскольку его работы заложили фундамент для дальнейшего развития дисциплины.

К началу XX века была сформирована устойчивая археологическая база, в основе которой лежала методология изучения материальных свидетельств эпохи катакомб. Это способствовало расширению исследований, вовлекая специалистов из областей искусствоведения, культурологии, истории и филологии, что открыло новые перспективы для междисциплинарных исследований. Тем не менее, сохранялись два принципиальных вопроса, имеющих значение для всех сфер изучения катакомб, в частности, для исследования катакомбного искусства. Первый вопрос касался функционального назначения катакомб: использовались ли они в качестве убежищ от гонений? Второй вопрос был связан с происхождением раннехристианской живописи, а именно: как было возможно ее появление в контексте библейского запрета на изображения, сформулированного во Второй заповеди? Именно эти два вопроса стали отправной точкой для большинства исследований XX и XXI веков.

Первый вопрос, касающийся использования катакомб в качестве убежищ от гонений, был разрешен в первой половине XX века благодаря работам П. Шитгера, А. М. Шнайдера и П. Тестини, что было подробно рассмотрено в первой части настоящего исследования.

Таким образом, завершая обзор истории методологии изучения живописи римских катакомб с XV по XX век, следует отметить, что вторая половина XX века и начало XXI века ознаменовались смещением исследовательского фокуса в сторону второго принципиального вопроса, касающегося происхождения раннехристианской живописи. Специалисты из областей искусствоведения, культурологии и экзегетики сосредоточили свои усилия на поиске ответа на вопрос о том, как было возможно появление этих изображений в контексте библейского запрета.

В следующей части данного исследования будет представлен детальный анализ методологических подходов, получивших распространение в последние десятилетия и применяемых для изучения происхождения раннехристианской живописи катакомб. Особое внимание будет уделено ключевым вопросам, изучаемым современными исследователями в этой области, а также рассмотрена проблема эффективной интеграции данных из археологии, истории, искусствоведения, филологии и других смежных дисциплин, необходимой для формирования более целостного и многоаспектного понимания живописи катакомб.

Вещи среди вещей и образ среди изображений

Вторая заповедь, запрещающая создание «кумиров и всякого изображения» (Исх. 20:4), ставит под вопрос саму возможность христианского искусства. Как ранние христиане, соблюдая этот запрет, создали визуальный язык, выражающий трансцендентное? Катакомбная живопись, возникшая в раннехристианскую эпоху, предлагает ответ на этот вопрос, однако существующие методологии ее исследования зачастую упускают из виду глубину этого эстетического противоречия.

В контексте исследований катакомбной живописи во второй половине XX века значимой является работа Питера Брауна «The World of Late Antiquity» (1971), в которой автор очерчивает период поздней античности как самостоятельную эпоху на границе между античностью и средневековьем. Хронологические рамки этого периода, по Брауну,

варьируются в зависимости от политических и религиозных факторов, охватывая III – VIII века нашей эры.

«Хотя деление истории на античную, средневековую и новую давно стало общепринятым, его применение к истории философии и культуры вызывает серьёзные трудности» [3, с. 31]. Однако предложенная Питером Брауном периодизация оказала существенное влияние на исследования катакомбного искусства, задав новые условия для его изучения. Прежде всего, расширилось понимание общего исторического контекста, что позволило рассматривать катакомбную живопись не только как начальный этап развития раннехристианского искусства, но и как явление, отражающее особенности отдельной эпохи. Кроме того, Браун подчеркивал характерные для Поздней Античности синкретизм и многообразие религиозных практик, что позволило рассматривать катакомбную живопись в одном ряду с другими формами погребального искусства того времени.

Что касается методологии и постановки вопроса о возникновении катакомбной живописи, то здесь также произошли значительные изменения. В первую очередь, это связано с акцентом Питера Брауна на социальной истории искусства, а именно на том, как социальные процессы и структуры влияли на восприятие и формирование искусства поздней античности. В контексте катакомбного искусства это стимулировало изучение социального статуса заказчиков, исполнителей и зрителей, их повседневной жизни и религиозных представлений. Вторым важным аспектом стала история ментальностей, то есть изучение того, как люди поздней античности мыслили, чувствовали и воспринимали окружающий мир. Это послужило отправной точкой для анализа мировоззрения ранних христиан, истории их восприятия и, в случае данного исследования, позволило обозначить перспективу изучения истории восприятия катакомбной живописи. Наконец, еще одно направление методологических исследований коснулось иконографического анализа сюжетов, представленных в катакомбах. Глубокий и многогранный синкретизм позднеантичного общества привел к пересмотру категорий описания художественных символов и аллегорий. Например, Питер Браун для описания позднеантичной культуры и искусства использовал понятия «диалога» и «преемственности», которые оказались продуктивными и для интерпретации катакомбной живописи.

Влияние исследования Питера Брауна стимулировало развитие междисциплинарных методологий в изучении катакомбной живописи. В настоящем исследовании акцент будет сделан на двух ключевых аспектах: во-первых, на анализе различных методологических подходов к проблеме интерпретации библейского запрета на изображения (Вторая Заповедь); во-вторых, на изучении истории восприятия катакомбной живописи.

В последующем изложении будут рассмотрены пять основных методологических подходов на примере избранных работ, непосредственно затрагивающих указанные вопросы. Анализ будет проведен в следующей последовательности:

- 1) иконографический метод;
- 2) концепция идентичности;
- 3) концепция художественного стиля;
- 4) концепция диалога;
- 5) концепция фигуры зрителя.

1) Иконографический метод

Детальное рассмотрение иконографического метода в изучении живописи катакомб невозможно без обращения к работе археолога и историка искусства Андрея Грабар «Christian Iconography: A Study of Its Origins» (1968), опубликованной за три года до выхода труда Питера Брауна «The World of Late Antiquity». Именно эта монография положила начало системному подходу к изучению раннехристианского искусства. Ключевым аспектом метода Грабар и его последователей является исследование процесса формирования художественных образов в катакомбах и причин их подобного визуального выражения. Таким образом, стремясь ответить на вопрос о возникновении раннехристианского искусства иконографический метод акцентирует внимание на искусствоведческом поле, то есть на вопросе формирования художественного стиля. При этом за скобками остается сама проблема интерпретации Второй заповеди, а фокус смещается в сторону интеграции катакомбной живописи в общую историю раннехристианского искусства.

Методология Андрея Грабар предполагает, что изображения выступали прямым «зеркалом» или транспозицией Священного Писания. Творческий процесс, по Грабар, представляет собой последовательность сознательных и бессознательных этапов. В его интерпретации, катакомбная живопись не носила повествовательного или дидактического характера, а предлагала зрителю образ для самостоятельной рефлексии. Подобный взгляд «исходит из идеи творца, но в том числе от концепции христианства как богооткровенной религии» [14, с. 43]. Ключевым элементом методологии Грабара является система знаков-образов в христианской иконографии [14, с. 46]. Эта система формируется как язык, адаптирующий символы с их первоначальным значением к новой религиозной реальности. Для анализа этой системы необходимо установить семантические поля, то есть группы символов, связанных общим значением. Например, сцены побед, трофеи, лавровые венки и охотничьи успехи образуют семантическое поле триумфа, основанное не на формальном сходстве, а на смысловом единстве. Изучение изображений в их взаимосвязи позволяет выявить эти семантические поля, демонстрируя, как контекст и назначение образа трансформируют значение символов. Переходя от археологии и исторического анализа к интерпретации живописи катакомб, Грабар дополняет иконографический анализ религиозным и культурно-философским измерением, осуществляя переход к иконологии.

Данный методологический подход получил широкое распространение, однако для демонстрации его применения в контексте изучения катакомбной живописи, в частности, после работ Питера Брауна, целесообразно обратиться к анализу более позднего исследования. Одним из значимых современных иконографических исследований в данной области является работа Шона Лизербури «The Iconography of Early Christian Roman Art» (2021). Лизербури анализирует художественное многообразие поздней античности, подчеркивая сосуществование различных стилей и конфессиональных групп (язычников, христиан и иудеев). Он отмечает, что эстетические взгляды этих групп взаимодействовали и пересекались в большей степени, чем это традиционно признавалось в академической среде. Именно в этом контексте Лизербури обращается к исследованиям Грабара, подвергая их критическому рассмотрению.

«Этот взгляд призван послужить корректировкой прежних мнений об искусстве того периода: что оно не заслуживает глубокого изучения и что оно полностью заимствовано из римского искусства (последнее мнение представлено Грабар, который, несмотря на пристальное изучение христианской иконографии, сравнивает ее с "техническим" или

“паразитическим” языком). Вместо этого, картина создания, заимствования и влияния образов искусства считается более сложной» [\[17, с. 464\]](#).

Иконографический метод, обладая очевидными преимуществами в выявлении исторических связей и закономерностей в искусстве, получил широкое распространение среди современных исследователей катакомбной живописи. Однако, его применение порождает ряд важных вопросов. Прежде всего, как иконографический подход, акцентирующийся на анализе символов и их значений, влияет на интерпретацию художественного произведения? Не приводит ли он к редукции изображения к набору технических элементов, собранных по принципу «конструктора», как отмечает Шон Ливербури, упуская при этом его целостность и уникальность? Иными словами, как при таком анализе не потерять из виду специфику контекста художественного высказывания?

Более того, остается неясным, как эти вопросы переплетаются с проблемой интерпретации Второй заповеди. Как иконография, занимающаяся расшифровкой смыслов через визуальные образы, способствует пониманию того, как ранние христиане обходили этот запрет? Не был ли сам процесс отбора и адаптации иконографических элементов своеобразной формой интерпретации и «обхода» Второй заповеди, позволяющим выражать христианские догматы и идеи через посредство уже существующих визуальных форм? Указанные проблемы, однако, зачастую остаются на периферии иконографических исследований, что препятствует всестороннему изучению вопроса интерпретации Второй заповеди в контексте генезиса раннехристианского искусства.

2) Концепция идентичности

Значимым этапом в историографии современных подходов к изучению раннехристианского искусства является работа Пола Корби Финни («The invisible God: The Earliest Christians on Art» (1994), введшая в научный дискурс концепцию идентичности. Финни выдвигает гипотезу о формировании христианского искусства, рассматривая его как продукт становления раннехристианской идентичности и ее визуального выражения. В частности, он исследует, каким образом формировались образы христианского искусства, отличавшиеся по своей визуальной форме от языческого фигуративного искусства, и как эти образы становились посредником между верующим и библейской идеей спасения. Для анализа он сопоставляет литературные свидетельства об эстетических идеях ранних христиан с сохранившимися примерами как христианского, так и языческого искусства. Рассматривая вопрос о происхождении христианской визуальности, Финни акцентирует внимание на роли зрительского восприятия и формировании особого художественного стиля.

Ключевым объектом его анализа становятся катакомбы святого Каллиста, которые, по мнению автора, представляют собой наиболее ранний пример использования визуальных образов христианской общиной. Финни отмечает, что «люди из катакомб Каллиста стояли на пороге римской имперской социальной истории. Они представляют собой переход от адаптации языческих образов, не выходящих за рамки общепринятого визуального контекста, к новому уровню христианской идентичности, которая была ощутимой и видимой. Это сигнализирует о переходе от неявных к явным атрибциям в иконографии и представляет собой раннее материальное выражение христианства как культурно обособленного религиозного меньшинства» [\[13, с.151\]](#). Таким образом, Финни постулирует, что возникновение христианского искусства связано с формированием и самоосознанием христианской общины как отдельной культурной и религиозной группы.

Финни аргументирует, что отсутствие христианского искусства до 200 года не может быть объяснено исключительно действием запрета на изображения. Он полагает, что «невидимость» ранних христиан была обусловлена их маргинальным положением в обществе, а не намеренным следованием принципу иконоклазма.

«Верно, что христиане были малоизвестной группой в течение первых нескольких поколений своей истории; верно и то, что в материальном плане они были невидимой общиной до начала третьего века. Оба эти фактора являются непредвиденными последствиями обстоятельств, которые в значительной степени не зависели от общин. Неизвестность и невидимость не были целями, которые христиане активно или пассивно преследовали в начале своей истории» [\[13, с. 291\]](#).

Финни объясняет отсутствие христианского искусства до II века социально-экономическими факторами, однако не раскрывает причин приоритета катакомбной живописи. В этом случае стоит обратиться к исследованию Черновой А.В. и Шаркова И.Г., где подчёркивается парадокс: даже привлекая нехристианских мастеров, община создавала «язык для посвящённых» — систему символов, понятных только верующим. Это опровергает тезис Финни, демонстрируя, что запрет Второй заповеди трансформируется не через уход от изображений, а их трансформацией в апофатические коды, где форма указывает на трансцендентное [\[9, с. 8\]](#).

Специфической чертой его подхода также является призыв отказаться от современных методов исследования и интерпретировать раннехристианское искусство с позиций мировоззрения самих ранних христиан. По мнению Финни, использование современной методологии искажает объективную картину исторического развития раннехристианского искусства, в особенности, процесса интерпретации Второй заповеди.

Анализ катакомбной живописи через призму концепции идентичности открывает новые перспективы для понимания интерпретации Второй заповеди первыми христианами и ее преломления в условиях социальных и политических реалий поздней античности. Вместе с тем, необходимо признать, что данная интерпретация встречает определенные методологические трудности. Несмотря на ее эвристический потенциал, она не всегда находит поддержку в академических кругах. Это связано, прежде всего, с разнородностью раннехристианского сообщества. Отсутствие достаточного количества письменных свидетельств, позволяющих реконструировать детальный социально-экономический портрет христианской общины II–III веков, усложняет задачу подтверждения или опровержения гипотез, связанных с влиянием идентичности на художественный выбор и соблюдение религиозных предписаний.

3) Концепция художественного стиля

Исследования Пола Финни, заложили основу для дальнейших академических дискуссий, получивших развитие в работах таких ученых, как Джас Элснер и Робин Йенсен. В частности, Р. Йенсен вновь обращается к вопросу происхождения катакомбной живописи, рассматривая ее как одно из ранних визуальных свидетельств христианства. Она развивает концепцию художественного стиля как методологический инструмент, позволяющий анализировать иконографию и ее эволюцию в рамках конкретного религиозного и культурного контекста. Ее подход имеет точки соприкосновения с иконографическим анализом, предлагает несколько иную перспективу. Например, Робин Йенсен описывает различные точки зрения о появлении раннехристианского искусства: из иудейской традиции или как подвид римского искусства, но приходит к выводу о том,

что раннехристианское искусство заслужено относится к отдельной категории [\[15, с.2-3\]](#). Исследовательница в своих работах уделяет особое внимание погребальному искусству, проводя сравнительный анализ символики и мотивов в римском и христианском контекстах. Она тщательно исследует влияние языческих, в том числе имперских, культов на формирование раннехристианской визуальной традиции. Ярким примером такого анализа является ее работа «The Emperor Cult and Christian Iconography» (2011), где прослеживаются параллели между римским культом императора и иконографией катакомб. Отличительной чертой методологии Йенсен является расширение иконографического и иконологического подходов через сравнительное изучение художественных стилей, распространенных в период поздней античности. Ее исследования охватывают широкий спектр вопросов, касающихся взаимодействия раннехристианского искусства и литературы, а также роли визуальных образов и архитектурных пространств в выражении богословских идей. Йенсен убедительно доказывает, что визуальные образы, наряду с толкованием священных текстов, способствуют пониманию раннехристианских ритуалов. В ее работах заметен переход от этнического к конфессиональному подходу в изучении истории искусства, что позволяет более точно интерпретировать культурные и религиозные контексты. Йенсен также стремится преодолеть критику Шона Лизербури, который настаивал на недопустимости сведения катакомбной живописи к набору технических объектов или произвольной «конструкции», утверждая ее культурную и религиозную значимость. Однако, несмотря на введение новой культурологическо-искусствоведческой перспективы, методология художественного стиля, использовавшаяся в работах Р. Йенсен, не ставит в качестве первоочередной задачи исследование вопроса о том, как, при наличии библейского запрета на изображения, стало возможным появление христианского искусства.

4) Концепция фигуры зрителя

Методология, интегрирующая катакомбную живопись в широкий культурный и художественный контекст поздней античности, представлена концепцией «фигуры зрителя», разработанной британским исследователем Джасом Элснером. Он, опираясь на вопросы, поставленные Полом Корби Финни в рамках концепции идентичности, и развивая исследования Робин Йенсен относительно художественных особенностей раннехристианской живописи, стремится расширить эти подходы, интегрируя в них современную философию и визуальные исследования. Он исходит из признания привилегированного и канонического положения искусства западной античности в академической среде, подчеркивая, что изучение его восприятия является одновременно и исследованием разнообразных, конкурирующих и зачастую идеологизированных представлений о собственном прошлом.

В своей работе «Art and the Roman Viewer: The Transformation of Art from the Pagan World to Christianity» (1995) Элснер анализирует формальные изменения в римском искусстве, рассматривая переход от периода ранней империи к поздней, который характеризуется сменой натурализма абстракцией и импрессионистической манерой. Как отмечала и Йенсен, это изменение часто интерпретируется как отказ от языческой фигуративности в пользу символических христианских образов [\[15, с.2\]](#). Однако, ключевой целью Элснера является не просто фиксация этих формальных изменений, но и реконструкция «истории зрительства» («history of viewing»), то есть изучение того, как зритель интерпретировал визуальные образы. Элснер подчеркивает, что изменения в римском искусстве следует рассматривать не только через призму стилистических элементов, но и через призму восприятия зрителя, который привносил в процесс созерцания собственные смыслы и интерпретации. Он расширяет традиционный

искусствоведческий анализ, включая в него философский контекст и внимание к индивидуальному опыту [\[10, с.877–880\]](#).

В других своих работах Элснер отмечает, что изображения в римских катакомбах использовались различными конкурирующими христианскими общинами для определения и укрепления собственной идентичности. При этом, как замечает Элснер, «В катакомбе Марцеллина и Петра есть помещения с явно христианским декором (хотя здесь следует сделать паузу, чтобы отметить, что "христианский декор" означает смесь сцен Ветхого и Нового Завета, которые мы обычно читаем типологически как христианские, хотя в то время они не были бы полностью невосприимчивы к иудейской интерпретации)» [\[12, с.117\]](#). Элснер, следовательно, ставит под сомнение жесткое противопоставление языческого и христианского искусства, и предполагает, что визуальные образы в катакомбах не следует рассматривать исключительно как однозначные выражения христианской догмы, а как элементы культурного диалога и формирования идентичности в условиях религиозного и социального многообразия.

Таким образом, методология «фигуры зрителя», предложенная Джасом Элснером, формирует основу для междисциплинарного исследования, интегрирующего искусствоведческий, культурологический и философский подходы. Однако, несмотря на этот потенциал, подход также сталкивается с определенными методологическими трудностями, аналогичными тем, что препятствовали и предшествовавшим исследованиям. Недостаточность письменных источников, позволяющих реконструировать идентичность раннехристианской общины, затрудняет верификацию гипотез, связанных с восприятием и интерпретацией символики катакомбной живописи. Кроме того, попытка реконструкции восприятия аллегорий и символов на основе культурологических данных эпохи поздней античности оказывается проблематичной, учитывая замечание самого Элснера об идеологической ангажированности в академическом изучении искусства западной античности. Более того, Элснер признает сложность проведения четкой границы между конфессиональной и социальной идентичностью «зрителя», что ставит под вопрос возможность создания объективной картины восприятия. Несмотря на глубину своего анализа, Элснер, как и упомянутые ранее исследователи, в основном оперирует с катакомбной живописью как с изображениями, то есть материальными объектами, вписанными в определенную линию рассуждений о материальности. Это поднимает важный вопрос, нуждающийся в более подробном изучении: являются ли изображения в катакомбах лишь свидетельствами новой религиозной конфессии?

5) Концепция диалога

Концепция диалога, как методологический подход к изучению раннехристианского искусства, представляется наиболее близкой по духу и исследовательскому направлению к труду Питера Брауна «The World of Late Antiquity». Она продолжает намеченную Брауном линию «преемственности» и «диалога» в культуре и искусстве поздней античности, рассматривая религиозные, политические и социальные контексты как неотъемлемые элементы анализа. Фактически, данный подход является прямым следствием интерпретации работ Брауна и их расширением применительно к раннехристианскому искусству с точки зрения культурологического анализа. Появление концепции диалога можно рассматривать как логичный шаг в изучении катакомбного искусства, последовавший за утверждением новой исторической периодизации, где поздняя античность предстает не как период упадка, а как самостоятельная эпоха со своими уникальными характеристиками. Задачи, стоящие перед исследователями, использующими данный подход, заключаются в определении места и роли

раннехристианского и катакомбного искусства в художественном пространстве поздней античности, а также в выявлении его взаимосвязей и взаимодействий с другими культурными феноменами эпохи.

Рассматривая исторические свидетельства эпохи, он вводит понятия «преемственности» и «изменения», которые позволяют выделить известные до появления христианского искусства образы и мотивы и то, как они трансформировались в появившемся христианском контексте.

Данный методологический подход реализует Джас Элснер в своем исследовании «Imperial Rome and Christian Triumph: The Art of the Roman Empire AD 100-450» (1998), где он анализирует диалог религиозных традиций, роль визуальной культуры в Римской империи, проблему стиля позднеантичного искусства, а также его социальную и религиозную функции. Рассматривая исторические свидетельства эпохи, Элснер вводит понятия «преемственности» и «изменения», позволяющие проследить эволюцию художественных образов и мотивов, существовавших до возникновения христианства, и их трансформацию в новом религиозном контексте. Это позволяет ему выявить как элементы непрерывности традиции, так и инновации, привнесенные христианством в художественную практику.

Он утверждает, что «Перемены, по сути, могут быть скорее нашим считыванием явлений империи из вне, чем восприятие тех, кто жил в то время... На арене искусства, я думаю, что как только кто-то отказывается от традиционного стилистического анализа в пользу тематического анализа изображений в соответствии с их социальными и культурными функциями, доказательства указывают на очень глубокую преемственность» [\[11, с.10-11\]](#).

При этом, Элснер выдвигает тезис о том, что наше восприятие «изменений» в искусстве поздней античности часто обусловлено современными интерпретациями, а не аутентичным пониманием эпохи. Он аргументирует это тем, что отказ от формального анализа в пользу тематического и функционального подходов скорее выявляет преемственность в художественной традиции, чем фиксирует резкие разрывы. Таким образом, Элснер призывает к пересмотру традиционной интерпретации христианского искусства как радикального разрыва с языческим наследием, подчеркивая необходимость учета преемственности и диалога между различными культурными традициями.

Концепцию Джаса Элснера о диалоге подтверждает использование античных героев в христианском искусстве. Как подчёркивают А.В. Чернова и И.Г. Шарков, «наличие античных героев демонстрирует диалогичность христиан. Они... взаимодействовали с [античной культурой]» [\[9, с. 9\]](#). Таким образом, форма сохраняется, но содержание трансформируется.

Вопрос интерпретации Второй заповеди в контексте зарождения раннехристианского искусства, который представляет интерес в рамках данного исследования, выходит за пределы области изучения указанного подхода. Более того, его постановка оказывается невозможной на основе исходных данных данного исследовательского метода.

Завершая рассмотрение современных подходов к изучению живописи римских катакомб, возникает вопрос: чем обусловлено столь значительное разнообразие методологий? Этот феномен можно объяснить с двух сторон.

Во-первых, археологические открытия конца XX века, а также выделение поздней античности в отдельный исторический период потребовали пересмотра базовых подходов

к исследованию искусства катакомб. Новые данные и концепции обратили внимание на необходимость учитывать контекст культурных и исторических изменений в этот период.

Во-вторых, сложность изучения катакомбной живописи связана с характером доступных источников. Основной период использования катакомб, охватывающий II–IV века нашей эры, оставил сравнительно немного письменных свидетельств. Это вынуждает исследователей опираться преимущественно на археологические находки и материальные свидетельства, обнаруженные в самих катакомбах. Однако, эти данные не всегда надежны, поскольку многие фрески, саркофаги и другие художественные ценности были изъяты из катакомб в различные периоды, что затрудняет их точную атрибуцию и датировку. Более того, датировка катакомбной живописи как относящейся преимущественно ко II–IV векам нередко ставится под сомнение из-за отсутствия точных данных о времени создания изображений, а также из-за реставраций и изменений, которым они подвергались.

Современные исследования сосредоточены на решении нескольких ключевых проблем. Во-первых, это интерпретация многозначных аллегорий и символов в катакомбной живописи, которые имеют сложный и многогранный характер. Во-вторых, остаётся спорным вопрос об определении социальных групп, создававших и использовавших катакомбы, что также связано с многозначностью символики. Наконец, значительную сложность представляет влияние исторической ангажированности: раннехристианская история на протяжении веков воспринималась как «священная», что зачастую приводило к предвзятости исследований и препятствовало объективной интерпретации.

Рассмотрим более кратко пять методологий, анализ которых проведён в настоящем исследовании, с акцентом на их преимущества и недостатки:

Иконографический метод

Этот подход является важнейшим инструментом искусствоведческого анализа, поскольку позволяет расширить изобразительный контекст любого произведения. Его преимущество заключается в детальной работе с символами и сюжетами, что способствует глубокому пониманию их значения. Однако, как отмечает Шон Лизербури, главный недостаток метода состоит в том, что он склонен рассматривать катакомбную живопись как технический объект, который можно разобрать и собрать подобно конструктору, упуская из виду её культурную уникальность.

Концепция идентичности

Основное достоинство этой методологии заключается в её стремлении реконструировать общий культурный и социальный контекст, в рамках которого интерпретируются символы и аллегории катакомбного искусства. Однако сложность заключается в ограниченности письменных источников, что затрудняет создание полной картины катакомбных общин и их мировоззрения.

Концепция художественного стиля

Этот подход направлен на изучение художественных направлений позднеантичной эпохи, их развития и трансформации. В рамках такого анализа катакомбная живопись рассматривается как переходный этап от языческого искусства к христианской образности. Однако значительный недостаток этого метода заключается в его исторической ангажированности: он часто интерпретирует раннехристианское искусство с позиции телеологического подхода, где оно рассматривается исключительно как предшественник средневековой христианской традиции.

Концепция диалога

Основанная на исследованиях Питера Брауна, эта методология стремится вписать катакомбную живопись в контекст позднеантичной культуры, используя категории «преемственности» и «изменений». Её основное преимущество — способность связать катакомбное искусство с широкой историко-культурной перспективой. Однако метод ограничен в том, что не даёт ответа на вопрос о происхождении подобного рода искусства, оставляя за рамками анализа его уникальные черты.

*Концепция **фигуры зрителя***

Эта методология сосредоточена на реконструкции «истории смотрения» (history of viewing) катакомбной живописи её современниками, что позволяет рассматривать её с позиций взаимодействия зрителя с изображением. Однако, как и концепция идентичности, она сталкивается с проблемой недостаточности письменных источников, что ограничивает её аналитический потенциал.

В настоящем исследовании акцент сделан на интерпретации Второй заповеди и возникновении раннехристианского искусства в контексте религиозных догматов. Этот вопрос важен тем, что он выявляет общее для всех рассмотренных ранее методологий: стремление анализировать катакомбное искусство либо как предтечу христианской образности, либо как закономерный результат развития позднеантичной культуры.

Такие подходы часто сводят катакомбную живопись к статусу «вещи среди вещей», что отражается в характерной черте иконографического метода, рассматривающего её как технический объект. Большинство исследователей обходят стороной вопрос о её самостоятельной значимости и статусе, сосредотачиваясь на вторичных аспектах, таких как символика или связь с позднеантичной традицией. В результате остаётся нераскрытым вопрос о статусе этих изображений, что требует дальнейшего осмысления и углублённого анализа. Катакомбная живопись — не компромисс с запретом, но его **эстетическое преодоление**. Символы функционируют как апофатические жесты: форма отрицается, чтобы указать на трансцендентное. Существующие методологии, фокусируясь на истории или семиотике, упускают эту философскую глубину. Для полного понимания требуется синтез богословского и эстетического анализа, где запрет становится источником, а не барьером творчества.

История «другого» восприятия

Исследование катакомбной живописи сопряжено с рядом методологических и концептуальных проблем, которые вызывают дискуссии, не утихающие до сих пор. Ключевые вопросы, требующие пересмотра, связаны с методологией анализа изображений, переходом от античной фигуративности к христианской образности, а также со статусом самих изображений в христианской культуре. Катакомбная живопись, возникшая в раннехристианскую эпоху, предлагает уникальный ответ на этот парадокс: она не нарушает запрет, но **трансформирует его в эстетику отсутствия**, где символы становятся медиумами трансцендентного, а не идолами. Однако существующие методологии исследования часто упускают эту философскую глубину, сводя анализ к формальным или историческим аспектам.

Доминирующая гипотеза рассматривает катакомбную живопись как часть художественного наследия поздней античности, что создает методологические трудности: от попыток вписать ее в существующую художественную традицию до гипотез о взаимовлиянии стилей одного периода. Однако, катакомбная живопись представляет собой явление, которое не поддается однозначному искусствоведческому или культурологическому анализу. В связи с этим целесообразно в первую очередь

рассмотреть ее статус и исследовать альтернативные подходы к изучению этих изображений. Одним из ключевых вопросов является возможность анализа катакомбных росписей как средства осмысления взаимодействия между язычеством и христианством.

Для более детального обоснования данной гипотезы необходимо обратиться к предшествующим исследованиям, в которых поднимались схожие вопросы, но катакомбная живопись использовалась лишь как иллюстративный материал, а не объект самостоятельного анализа.

Примером такого подхода является работа Макса Дворжак «История искусства как история духа» (1924), где он противопоставляет формальному методу (сконцентрированному на художественной форме) свой метод «обратного исследования». Дворжак рассматривает переходные моменты в истории искусства, в частности, переход от античности к средневековью, и подчеркивает уникальную задачу катакомбного искусства, отличающую его от прочего позднеантичного наследия. Он утверждает, что катакомбная живопись стремится передать духовные переживания, создавая визуальные образы религиозного опыта [\[1, с.29\]](#). Ученый подкреплял это композиционным примером, поскольку в росписях отсутствовал объем, трехмерное пространство практически устраняется, указывая нам на совершенно иной способ отображения реальности – новый религиозный мир. Мы встречали подобные выводы в предыдущих методологиях, например, в концепции фигуры зрителя, но принципиальное различие заключается в том, в случае Дворжака первостепенным становится вопрос о том, к какому аффекту приводили подобные стилистические решения или как религиозные представления опережали визуальные, диктуя новые художественные решения. Следующее важное положение М. Дворжака заключается в следующем: «Таким образом, по содержанию катакомбную живопись отличают от современного ей классического искусства две важные особенности: 1) смысл и цель художественного произведения совершенно смещаются ради отвлеченного, мысленного, богословского содержания; 2) для понимания этого содержания в гораздо большей степени, чем когда-либо в античности, необходимы участие, знание и субъективное мышление зрителя» [\[1, с.25\]](#).

В данном контексте важно рассмотреть смещение акцента в методологии исследований катакомбной живописи. Одним из возможных направлений является рассмотрение религиозного опыта и зрительского восприятия как первоочередных факторов, влияющих на художественно-стилистические решения авторов росписей. Подобный подход позволяет переосмыслить роль изображения в христианской культуре и выйти за рамки традиционного искусствоведческого анализа. Тем не менее, предыдущие концепции зрителя и идентичности сталкиваются с проблемой недостаточного количества источников, поскольку письменных свидетельств о раннехристианских общинах первых веков сохранилось крайне мало.

В контексте настоящего исследования важно отметить, что Макс Дворжак был одним из первых исследователей, предложивших сместить фокус с формального анализа на аффективный, акцентируя внимание на чувственном восприятии и эмоциональном вовлечении зрителя как ключевых элементах понимания катакомбной живописи. Однако, несмотря на этот методологический сдвиг, Дворжак не ставил перед собой задачу определения статуса катакомбных изображений, рассматривая их преимущественно как иллюстративный материал для анализа «переломных эпох». Такой подход, хотя и продуктивный в его время, в современных исследованиях поздней античности XX–XXI веков считается недостаточным, поскольку не учитывает уникальную природу

катакомбного искусства.

Его идеи нашли развитие в трудах Эрвина Панофского, который пытался обосновать переход от языческой фигуративности к христианскому символизму через философские концепции неоплатонизма. Однако его анализ, основанный на иконологическом методе, включал катакомбные росписи в общий контекст истории искусства, что фактически нивелировало их специфику, сводя их роль к предвестникам средневекового символизма. На мой взгляд, подобная интерпретация недостаточна, поскольку преемственность катакомбной живописи и средневекового искусства не является столь очевидной и однозначной. Панофский трактует символизм катакомбных росписей через философские концепции, на которые опиралось и само христианское богословие. Он пишет: «Эстетическое учение неоплатонизма – резком противоречии со словами Мёрике: “Прекрасному довольно для блаженства красоты его” - усматривало в любом проявлении прекрасного лишь несовершенный символ следующей более высокой его формы, так что видимая красота – это как бы отражение невидимой, которая в свою очередь является лишь отражением абсолютной красоты. Такое эстетическое учение, поразительно согласуясь с символически-духовным характером художественных созданий поздней античности- в отличие от созданий классического периода, - могло быть без изменений воспринято раннехристианской философией» [\[7, с.36\]](#).

Панофский рассматривает зарождение христианского искусства как процесс формирования нового типа образности, восприятия и воздействия на зрителя. В его работе *«Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма»* (1960) ключевым понятием становится образ, через который он интерпретирует художественные формы различных периодов. Согласно его концепции, позднеантичное и христианское искусство сыграли решающую роль в создании новой визуальной традиции, продолжившейся в Средние века.

Однако, данная трактовка оставляет открытым вопрос о специфике катакомбной живописи как особого явления, не сводимого к логике эволюции художественных форм. В отличие от средневекового искусства, катакомбные росписи функционируют в ином контексте восприятия, где ключевую роль играет непосредственное вовлечение зрителя в сакральное пространство, а не дистанцированное созерцание символического образа, как это характерно для византийской иконописи.

Критический анализ существующих подходов и выявление новых методологических ориентиров, позволяет осмыслить катакомбную живопись не только в рамках иконографического анализа или философских концепций, но и с учетом ее особого статуса в религиозном и культурном контексте поздней античности. В случае Эрвина Панофского это было невозможно, поскольку на момент написания его исследования поздняя античность еще не рассматривалась как отдельная историческая эпоха.

Из философов, более близких к нашему времени, следует упомянуть Мари-Жозе Мондзен, исследование которой посвящено византийской иконе: *«Образ, икона, экономия. Византийские истоки современного воображаемого»* (2011). Ее труд может быть полезен в настоящем исследовании, поскольку он помогает определить уникальность восприятия и образов катакомбной живописи в сравнении с византийской иконописью.

Ключевое отличие катакомбной живописи от византийской иконописи заключается в концепции дистанции образа, а именно — в восприятии присутствия. Византийская икона, несмотря на такие художественные особенности, как обратная перспектива,

сознательно формирует дистанцию между зрителем и изображаемым образом. В этом контексте показательно исследование Мари-Жозе Мондзен, которая отмечает:

«У иконы, возможно, нет иного образца, чем ее собственная конечная цель, а именно – видимый опыт некоторой истины, чей отпечаток в своей плоти и чью благодать на своем горизонте она наделяет присутствием. Истину иконы – истину как экзистенциальное отношение – производит созерцающий взгляд» [\[6, с.126\]](#).

Икона и катакомбная живопись представляют собой различные визуальные режимы, требующие от зрителя принципиально отличающихся подходов к восприятию. Икона функционирует в рамках специфической формы восприятия, предполагающей созерцательный взгляд и определенный уровень отстраненности. В отличие от нее, катакомбная живопись апеллирует к непосредственной вовлеченности зрителя в образное пространство, основанной на ощущении присутствия. Мондзен, исследуя условия существования иконы, подчеркивает, что она является результатом уже сформировавшегося особого «созерцательного взгляда». Можно предположить, что истоки формирования данного типа восприятия коренятся в традициях катакомбной живописи, однако, несмотря на возможную связь, эти два визуальных режима существенно различаются.

Одним из ключевых аспектов иконы, определяющих ее тип восприятия, является дистанция между образом и зрителем. Как отмечает исследовательница: «Христа в иконе нет, икона обращена к Христу, который от нее непрестанно отступает» [\[6, с.123\]](#).

Эта дистанция формирует чувство трансцендентности и подчеркивает символический характер образа. **«Образ, икона всегда изображает лицо, личность, то есть божественное Слово. В Воплощении Бог Слово воспринял человеческую природу. Следовательно, на иконе изображена личность воплощенного Бога»** [\[5, с. 204\]](#).

В этом заключается принципиальное различие между чувственностью, транслируемой иконой, и включенным восприятием катакомбных росписей. Икона становится возможной благодаря дистанции и созерцательности, в то время как катакомбная живопись, напротив, предполагает целостное восприятие, основанное на непосредственном присутствии зрителя в образном пространстве. Таким образом, визуальные режимы иконы и катакомбной живописи представляют собой два полюса в континууме религиозного искусства, каждый из которых апеллирует к различным формам чувственности и духовного опыта.

На основании проведенного исследования необходимо сформулировать основные гипотезы, предпосылки и методологические принципы разрабатываемого подхода. Отправной точкой становится рассмотрение катакомбной живописи не только как совокупности изображений в рамках материальной истории искусства, но и как свидетельства отличного от языческого позднеантичного мировосприятия. Данный подход предполагает, что катакомбная живопись обладает собственной, уникальной системой значений, отражающей формирующуюся христианскую идентичность.

Следующим важным положением является утверждение о том, что основой анализа росписей катакомб должно служить понятие образа и его восприятия в целостности контекста: от архитектурного пространства катакомб до широкого культурного мира поздней античности. Акцент делается на взаимосвязи материального и духовного, на том, как пространство и культура формируют восприятие образа.

Третья особенность носит методологический характер и заключается в применении

исследовательского подхода, основанного на учете аффективной составляющей восприятия. Этот подход позволяет зафиксировать момент противоречия эстетических парадигм, возникающий при переходе от языческого мировоззрения к христианскому. Анализ аффекта, как реакции на визуальный образ, позволяет более глубоко проникнуть в суть происходящих трансформаций.

Возникает необходимость представить новую линию в истории восприятия визуальной культуры, в которой катакомбная живопись занимает обособленное положение. Она не является ни продолжением существующей традиции, ни непосредственным предшественником новой, а представляет собой уникальный феномен, требующий отдельного изучения.

Предложенный подход, основанный на анализе мировосприятия, контекстуализации образа, учете аффективной составляющей и гипотезе об обособленном месте катакомбной живописи в истории визуальной культуры, позволяет по-новому взглянуть на это значимое явление и углубить наше понимание позднеантичной эпохи. Он открывает перспективы для дальнейших исследований и позволяет расширить горизонты историко-культурного анализа.

Катакомбная живопись, возникшая в условиях библейского запрета на изображения, демонстрирует уникальный синтез религиозного догмата и творческого выражения. Вместо буквального нарушения заповеди ранние христиане переосмыслили её, создав эстетику, где отсутствие становится способом указания на трансцендентное. Схематизм и символичность форм — такие как Агнец или рыба — не являются признаком художественной незрелости, но отражают апофатический подход: отказ от миметического изображения подчёркивает невозможность конечной репрезентации божественного. Пространство катакомб, с его лабиринтами и полумраком, трансформирует физическое движение в духовный ритуал, вовлекая зрителя в активный диалог с сакральным. Тело становится участником этого взаимодействия, а фрески — не объектами созерцания, но медиумами, требующими интерпретации и внутреннего соучастия.

Заимствование античных мотивов, таких как Добрый Пастырь, раскрывает стратегию перекодирования: знакомые образы наполняются новым смыслом, сохраняя визуальную преемственность, но разрывая связь с языческим контекстом. Это позволяет избежать идолопоклонства, превращая форму в символ-жест, направленный за пределы материального. Ключевым здесь становится различие между «изображением» как материальным кумиром и «образом» как окном в духовную реальность. Катакомбные сцены, подобные символической Трапезе, не иллюстрируют события, но актуализируют сакральные смыслы, требующие вовлечённости зрителя.

Таким образом, катакомбное искусство не стоит рассматривать лишь как предшественника средневековой иконописи — это самостоятельная эстетическая система, где запрет на изображения трансформируется в творческий принцип. Её анализ требует интеграции методов из разных дисциплин, объединяющего философское понимание апофатики, теологическое осмысление символа и искусствоведческий контекст поздней античности. Раннехристианские росписи свидетельствуют о том, что ограничение может стать источником новаторства: через отрицание формы здесь утверждается присутствие сакрального, а зритель превращается из наблюдателя в соучастника вечности.

В заключение можно отметить, что катакомбная живопись представляет собой уникальный феномен, требующий междисциплинарного подхода. Анализ различных

методологий показал, что иконографический метод хотя и полезен для расшифровки символов, часто упускает из виду культурную уникальность изображений. Концепция идентичности и фигуры зрителя, напротив, позволяют глубже понять социальный и религиозный контекст, но сталкиваются с проблемой недостаточности источников. Предложенный подход, основанный на аффективном восприятии и концепции образа, открывает новые перспективы для изучения катакомбной живописи как средства духовного общения. Это позволяет по-новому взглянуть на проблему интерпретации Второй заповеди и подчеркивает уникальность катакомбной живописи в контексте раннехристианской культуры.

Библиография

1. Дворжак М. История искусства как история духа. СПб.: Академический проект, 2001. 336 с.
2. Захаров А.В. Катакомбы // Православная энциклопедия: в 32 т. Т. 31: Вероучение: Владимир-Волынская епархия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2004. С. 650-673.
3. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. М.: Мысль, 1979. 320 с.
4. Меденникова А.Е. Иван Владимирович Цветаев и Джованни Баттиста де Росси: об одном научном контакте // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2024. Т. 14. С. 204-213.
5. Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие / пер. с англ. Л. Волохонской. Нью-Йорк: Изд-во Свято-Владимирской семинарии, 1979. 254 с.
6. Мондзен Ж.-М. Образ, икона, экономия. Византийские истоки современного воображаемого. М.: V-A-C Press, 2022. 328 с.
7. Панофски Э. *Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма*. СПб.: Андрей Наследников, 2002. 237 с.
8. Фрикен А. фон. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1885. 1031 с.
9. Чернова А.В., Шарков И.Г. Свидетельство живописи римских катакомб о мировосприятии христиан доконстантиновой эпохи // Наука XXI века: вопросы, гипотезы, ответы. 2020. № 1 (29). С. 7-11.
10. Bassett S.G. Review: Elsner J. *Art and the Roman Viewer: The Transformation of Art from the Pagan World to Christianity* // *Journal of the American Academy of Religion*. 1999. No. 67 (4). P. 877-880.
11. Finney P.C. *The Invisible God: The Earliest Christians on Art*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 352 p.
12. Grabar A. *Christian Iconography; A Study of Its Origins*. Princeton N.J: Princeton University Press, 1980. 202 p.
13. Osborne J. *The Roman Catacombs in the Middle Ages* // *Papers of the British School at Rome*. 1985. Vol. 53. P. 278-328.
14. Leatherbury S.V. *The Iconography of Early Christian Roman Art* // *The Oxford Handbook of Roman Imagery and Iconography* / Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 465-484.
15. Elsner J. *Imperial Rome and Christian triumph: The art of the Roman Empire AD 100-450*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 320 p.
16. Elsner J. *Archaeologies and Agendas: Reflections on Late Ancient Jewish Art and Early Christian Art* // *The Journal of Roman Studies*. 2003. Vol. 93. P. 114-128.
17. Jensen R. M. *The Routledge handbook of early Christian art* / R. M. Jensen, M. D. Ellison (eds.). London: Routledge, 2018. P. 1-19.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена очень интересной теме, она может привлечь внимание широкого круга читателей. Автор рассматривает вопрос о влиянии «Второй заповеди» на становление художественных принципов катакомбной живописи и делает обоснованный вывод, что «запрет на изображения трансформируется в творческий принцип», а «ограничение может стать источником новаторства: через отрицание формы здесь утверждается присутствие сакрального, а зритель превращается из наблюдателя в соучастника вечности». Автор проявляет широкую эрудицию в непосредственной области исследования, а также глубокое понимание особенностей раннехристианского мировоззрения, что позволяет выйти за границы «технического» анализа избранной темы. Замечания, которые будут высказаны ниже, не следует понимать как препятствие к публикации, они могут быть учтены автором в рабочем порядке. Так, хотелось бы порекомендовать расшифровать следующее положение: «Методология исследования сочетает иконографический анализ с концепциями идентичности, зрителя, диалога, художественного стиля и аффективного восприятия». Всякий ли читатель знает, что такое «концепция идентичности»? Что же касается «аффективного восприятия», то, возможно, это выражение предпочтительнее вообще заменить, дело в том, что «аффект» в европейской культуре имеет долгую и сложную историю, соответственно, подобное выражение ни при каких условиях не может получить должную определённость. Далее, в тексте неоднократно встречается выражение «преодоления Второй заповеди». Ни один христианин не согласится с тем, что он «преодолеывает» какую-то из заповедей. Это выражение следует снять, что не доставит автору труда, поскольку одновременно с «преодолением» он использует и вполне приемлемые выражения («интерпретация в контексте раннехристианской культуры», или говорит о необходимости «по-новому взглянуть» на эту проблему и т.п.). К сожалению, в тексте осталось довольно много разного рода погрешностей, которые необходимо устранить до публикации. Встречается рассогласование, например: «это позволяет рассматривать её (катакомбную живопись, – рецензент) не только как художественные объекты». Автор неудачно использует слово «методологии» (множественное число), в этом случае предпочтительнее говорить о «методологических подходах» или даже просто «подходах» («критерием оценки методологий является...», «анализ различных методологий позволяет...»). В названии одного из разделов статьи («История другого восприятия») «другое» следует взять в кавычки. В названии некоторых подпунктов после скобки отсутствует пробел («1)Иконографический метод»). Необходимо переформулировать «Актуальность и новизна данной работы обоснованы тем...», в данном случае должно стоять «обусловлены». Неудачным является и выражение «проблем, вызывающих продолжающиеся дискуссии среди ученых», можно сказать, например: проблем, которые вызывают дискуссии, не утихающие до сих пор. Встречаются и пунктуационные ошибки: «подходы к изучению катакомбной живописи, с акцентом на проблему...» (зачем запятая?); «все больше исследований катакомбного искусства как искусствоведческих...» (после «искусства» следует поставить тире); «в заключение, катакомбная живопись рассматривается...» («в заключение можно сказать, что...», а запятая не нужна!); «иконаграфический метод, хотя и полезен» (зачем запятая?) и т.п. В выражении «Поздняя Античность» совсем не обязательно использовать заглавные буквы. Встречаются досадные повторы («требуется междисциплинарного подхода» – «уникальный феномен, требующий междисциплинарного подхода» и т.п.). Хотелось бы порекомендовать автору также дополнить библиографический список. Кажется

недоразумением, что в нём отсутствует блестящая работа Г.Г. Майорова «Формирование средневековой философии», в начале которой он определяет патристику как пример «иконографической» культуры, ориентирующейся на Образ, в качестве которого выступает Священное Писание. Очевидно, нужно включить в список и обзорные работы по истории христианского богословия (например, «Введение в святоотеческое богословие» И. Мейендорфа). В описании первого источника («А. фон Фрикен. Римские катакомбы...»), очевидно допущена ошибка. Замечания, однако, не препятствуют тому, чтобы рекомендовать эту интересную статью к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философская мысль» статье, как автор условно отразил в заголовке («Между изображением и образом: Вторая заповедь в контексте катакомбной живописи»), является совокупность методологических подходов к изучению катакомбной живописи, как автор уточнил в тексте статьи, «с акцентом на проблему преодоления Второй заповеди и её интерпретацию в контексте раннехристианской культуры». Под Второй заповедью автор понимает ветхозаветную заповедь (Исх. 20.4), в то время как именно в христианской теологии акцент делается на любви к ближнему как второй заповедью после любви к Богу. Впрочем, теологический аспект автором обойден стороной: акцент ставится именно на ограничении изображения чего бы то ни было, что обрело начиная с VIII в. форму иконоборческой идеологии и было одним из исторических Великих соборов признано ересью. Богословский аспект настолько глубоко философский и настолько слабо рассмотрен в тексте статьи, что выглядит избыточным. В остальном заявленная программа рассмотрения иконографического метода, а также концепций идентичности, художественного стиля, диалога и фигуры зрителя в целом выполнена: автор рассмотрел сильные и стороны выбранных им подходов с опорой на заслуживающие доверия авторитетные теоретические исследования.

Методическая цель исследования (систематизация выбранного автором корпуса научных подходов) в целом достигнута. Программа исследования выполнена.

Таким образом, заявленный автором предмет исследования рассмотрен на достаточном для публикации в авторитетном научном журнале теоретическом уровне.

Методология исследования опирается на принципы диалектического синтеза и практической дополнительности иконографического анализа с междисциплинарными подходами: «изучением формирования религиозной и социальной идентичности раннехристианских общин, анализом роли зрителя в интерпретации образов, выявлением диалога между языческой, иудейской и христианской традициями, а также исследованием роли чувственного восприятия в формировании религиозного опыта». Автор применил сравнительный анализ для оценки различных методологий, а также контекстуальный подход, что позволило интерпретировать функции катакомбной живописи в условиях восприятия и интерпретации Второй Заповеди в раннехристианской культуре. В целом авторский методический комплекс релевантен решаемым познавательным задачам, за исключением слабой стороны теологического аспекта.

Актуальность выбранной темы автор поясняет тем необходимостью систематизации методологических подходов к изучению катакомбной живописи, которые до последнего времени оставались, по мнению автора, фрагментарными. Рецензент обращает внимание

автора, что степень фрагментарности или систематичности исследований по проблематике, насчитывающей не первую сотню лет, — вопрос достаточно субъективный. В условиях постнеклассической парадигмы развития современной науки (В. С. Степин) фрагментированность является свойством научно-технической информации и её систематизация — одна из важнейших методических задач планирования серьезного научного исследования. Поэтому рецензент отмечает, что качественно осуществленная автором систематизация некоторого корпуса научных трудов не должна рассматриваться как самоцель, а стать фундаментом для перспективных дальнейших исследований.

Научная новизна исследования, заключающаяся в предложении новой перспективы, основанной на аффективном восприятии и концепции образа как средства духовного общения, что позволяет по-новому взглянуть на проблему интерпретации Второй заповеди, заслуживает теоретического внимания. Хотя трактовка автором значимости для раннего христианства Второй ветхозаветной заповеди остается наиболее спорным моментом.

Стиль текста в целом выдержан автором научный, необходимо скорректировать оформление ссылок на источники в тексте статьи, а также годов и веков согласно редакционным требованиям (см. https://nbpublish.com/e_fr/info_106.html).

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография в достаточной мере раскрывает проблемное поле исследования. Хотя можно рекомендовать автору не игнорировать возможность включения результатов его исследования в более широкий и актуальный теоретический дискурс за счет обращения к работам коллег за последние 3-5 лет.

Апелляция к оппонентам ярко не выдержана. Автор в большей степени дискутирует с коллегами, которые в силу временной дистанции не способны вступить с ним в теоретический спор.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философская мысль» и после небольшой доработки оформительских недочетов может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Между изображением и образом: Вторая заповедь в контексте катакомбной живописи» является обширным и компетентным междисциплинарным исследованием феномена раннехристианской катакомбной культуры с акцентом на разнообразие методологических подходов к ее изучению и обоснование необходимости формирования новой методологии, которая позволит преодолеть в том числе ключевое, по мнению автора, противоречие между собственно катакомбной живописью и второй заповедью Ветхого завета, запрещающей изображения (Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу и т.д.). Автор разумно предполагает, что рассмотрение данного комплекса вопросов подлежит осуществлять в междисциплинарном культурологическо-философском подходе, сочетающем историко-культурный, религиозно-философский и пр. контексты. Представляется, заглавие работы является несколько дезориентирующим т.к. ставит в центр исследования Вторую заповедь («Между изображением и образом: Вторая заповедь в контексте катакомбной живописи») и отводя собственно катакомбной живописи роль контекста. В то же время автор указывает, что предметом его

исследования являются «методологические подходы к изучению катакомбной живописи с акцентом на проблему преодоления Второй заповеди». Таким образом, катакомбная живопись в работе скорее не контекст, но один из двух элементов рассматриваемого в работе противоречия, автор же ищет способы это противоречие разрешить/объяснить. Собственно первый раздел текста рассматривает катакомбное искусство в историко-археологическом аспекте, второй – в историографическом, в третьем разделе ставится вопрос сочетаемости Второй заповеди и феномена раннехристианского искусства, после чего автор рассматривает пять существующих методологических подходов к изучению раннехристианского искусства и приходит к выводу, что ни один из них не дает ответа (или не дает полного ответа) на поставленный вопрос. В центре исследования все это время находятся методологические подходы, по поводу которых автор делает вывод, что «...существующие методологии, фокусируясь на истории или семиотике, упускают эту философскую глубину. Для полного понимания требуется синтез богословского и эстетического анализа...». Это синтез автор пытается реализовать в последней части работы, представив вполне убедительную концепцию «другого восприятия». Опять-таки отметим, что предметом исследования является скорее способность методологических концепций адекватно решить вопрос о противоречии между Второй заповедью и раннехристианским искусством, но не собственно Вторая заповедь, отсюда представляется желательным корректировка заглавия текста. В целом работа выполнена на должном научно-методическом уровне и может рассматриваться как вариация более широких тематических исследований как то: адекватность методологических инструментов познания религиозно-культурных феноменов древности, фактор ограничений как драйвер развития искусства, история межкультурного диалога и др. Текст рекомендуется к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Мифтахутдинов Р.Т. Сохранение политической субъектности в условиях цифровизации // Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.73963 EDN: TENAYG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73963

Сохранение политической субъектности в условиях цифровизации

Мифтахутдинов Ринат Талгатович

преподаватель; Юридический факультет; Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ"
аспирант; Аспирантура и докторантура; Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ"

630099, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Центральный р-н, ул. Каменская, д. 52

✉ rtm.nsk@inbox.ru

[Статья из рубрики "Политическая философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.73963

EDN:

TENAYG

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2025

Дата публикации:

07-04-2025

Аннотация: Предметом исследования является изменение роли человека как субъекта политических отношений в цифровую эпоху. Объектом исследования является трансформация политической системы общества под воздействием цифровизации, порождающая ломку сложившейся в предыдущие десятилетия системы политических отношений. Политическая история последних десятилетий, показывает, что практически все глобальные изменения во всем мире происходили в той или иной мере именно с использованием цифровых технологий. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как переход политического процесса из реальной жизни в «виртуальный мир», мир Интернета, где под воздействием цифровых алгоритмов происходят незаметные для обывателя манипуляции информационными потоками, создающими «определенную картину мира». Особое внимание уделяется вопросу изменений политических

технологий, влияющих на способности человека принимать осмысленные политические решения. Это создает опасность превращения демократических институтов в фикцию, ширму, обеспечивающую легитимацию заранее принятых решений. В процессе исследования использованы сравнительный и логико-структурный анализы, системный подход, субъективно-объективный и диалектический методы. В статье рассматривается влияние цифровизации на политическую систему современного общества. Цель работы состоит в подтверждении гипотезы о негативном влиянии цифровизации на роль человека как субъекта политических отношений. Научная новизна состоит в выявлении корреляции между изменениями в обществе, происходящими под воздействием цифровизации, и трансформации политической структуры современного общества. Основные выводы, к которым пришел автор, состоят в следующем: под влиянием цифровизации происходит размывание традиционного политического спектра, что усложняет способность граждан участвовать в политическом процессе; установленный цифровыми алгоритмами процесс манипуляции информацией лишает человека делать осмысленный выбор своих действий и решений. Стирание границ между частной и публичной жизнью индивида, происходящее в современном мире под воздействием цифровизации, так же не способствует сохранению за человеком полноценной политической субъектности. Человек в цифровую эпоху имеет дело с технологиями, которые могут нанести непоправимый вред человеческим взаимоотношениям. Игнорирование этических сторон при использовании цифровых технологий вызывает опасность возможного установления той или иной формы тирании, в худшем варианте тоталитаризма.

Ключевые слова:

цифровизация, политика, политическая система, государство, политический субъект, демократия, политический режим, общество, политическое лидерство, социальная структура

Цифровизация является неотъемлемой частью жизни современного человека. Она охватила все сферы жизнедеятельности человека и современного общества. Под влиянием цифровизации происходят существенные изменения в экономике, социальных отношениях. Непосредственным образом цифровизация затронула и сферу политики и политических отношений в обществе.

В научной литературе авторами выявляются изменения, которые претерпевают общественные отношения под влиянием цифровизации, но эти исследования носят общий характер, они не затрагивают рассмотрение более узких вопросов, таких как изменение роли человека, как субъекта политики в условиях цифровизации (вариант цифровой трансформации).

В настоящий момент процесс цифровизации является одной из самых актуальных тем в научной литературе. Этот процесс широко освещается как зарубежными, так и отечественными авторами, проводящими исследования в широком спектре гуманитарных наук: социологии, политологии, юриспруденции. Также попытку осмысления влияния цифровизации на развитие общества и человека предпринимает и социальная философия. Фундаментальные исследования в сфере цифровой трансформации общества проводят такие исследователи как Кастельс, Кирхшлегер, Харари.

Кастельс в своих работах пытается дать широкий взгляд на общество, развивающееся в

условиях цифровизации. Для него это новая реальность. И об этой новой реальности он выстраивает целостное представление. В своих работах он освещает все стороны жизнедеятельности современного общества эпохи цифровизации. Не обойдена стороной и политическая сфера. Автор указывает, что существенную роль в принятии индивидами решений играют эмоции и личные симпатии. На эмоции в первую очередь направлена деятельность социальных сетей. В эпоху цифровизации именно социальные сети играют все большую роль в политической жизни. Также Кастельс указывает, что под воздействием цифровизации происходят существенные изменения в социальной структуре общества. Например, появляются новые социальные группы, в частности, профессии, специфика занятости которых целиком сосредоточена в сети интернет. Он указывает, что появляются социальные группы, которые существуют только виртуально, «онлайн», при этом слабо проявляя себя в реальной жизни. Также изменяются отношения собственности, в частности владельцы компаний всё чаще утрачивают ключевую роль в принятии единоличных решений, и эти функции чаще «утекают» в руки наёмного менеджмента. Справедливости ради, стоит указать, что этот процесс начался еще в доцифровую эпоху, но в условиях цифровизации он существенно ускорился. Кастельс обращает внимание еще на одну сторону влияния цифровизации на социальную сферу – это дробление социальной структуры общества, появление все более мелких групп [\[33, с.41-54\]](#). Все это, конечно не могло не привести к существенным изменениям в политической сфере общества.

Кирхшлегер в своей работе современную эпоху называет «цифровой трансформацией». Здесь Кирхшлегер поднимает вопросы соотношения этики и техники, исходит из того, что «и этика и технологии относятся к пониманию человека. Кирхшлегер считает, что эпоха цифровизации вносит серьезнейшие изменения в сферу технологий, появляются новые явления, в частности искусственный интеллект, чего не было в предыдущие эпохи. Есть опасность утраты человеком контроля за развитием технологий, а потому «чем лучше машины могут принимать решения, тем более интенсивно мы, люди, должны думать о том, какие решения мы хотим передать искусственному интеллекту» [\[9, с.33\]](#). Однако для Кирхшлегера политическая сфера в его работе не является приоритетной, хотя он и обращает внимание на опасность воздействия цифровых технологий для демократии.

В 2024 году вышла новая работа Юваля Харари «Nexus. Краткая история информационных сетей от каменного века до искусственного интеллекта». В этой книге автор большое внимание уделяет трансформации политической сферы современного общества под влиянием и воздействием цифровизации и искусственного интеллекта. Автор указывает, что алгоритмы все больше вытесняют человека из процесса принятия решений, так как, по его мнению, среднестатистический человек не способен переварить огромный поток информации. Поэтому человечеству стоит приготовиться, что все большее количество решений будет приниматься искусственным интеллектом. Аналогичным образом Харари оценивает перспективы развития политической системы, в частности демократии в условиях цифровизации. По его мнению, раньше демократия была невозможна по причине больших расстояний между людьми, а в современную эпоху, демократия невозможна, потому что информационные системы слишком сложны для людей, и главная опасность состоит в том, что люди не способны разумно регулировать новые технологии [\[29, с. 482\]](#). Харари считает, что только либеральная демократия, используя «механизм самокоррекции» позволяет избегать крайностей в общественном развитии. Поэтому, он считает, что «учитывая нашу неспособность предсказать, как будет развиваться новая компьютерная сеть, наш лучший шанс избежать катастрофы в нынешнем веке – поддерживать демократические

самокорректирующиеся механизмы, способные выявлять и исправлять ошибки по ходу дела» [\[29, с.431\]](#). В своей книге Харари первоначально ставил правильный вопрос о возможности превращения демократических институтов в «авторитарный ритуал» под воздействием всеохватности цифровых технологий, но сразу же отмахивается от подобной мысли, считая это невозможным в странах с демократической политической культурой. Считаю, что Харари в это вопросе неправ.

Анализ научной литературы, посвященной вопросам цифровизации политического процесса, выявил ряд повторяющихся тем: расширение возможностей коммуникации между субъектами политической жизни, расширение возможностей получения информации, благодаря интернету, расширение возможностей коммуникации между органами государственной власти и гражданами страны, упрощение документооборота между органами государственной власти и т. д.

В отечественной научной литературе вопросам цифровизации также уделено большое внимание. Из отечественных исследователей можно отметить работы А.Е. Конькова, где исследуется вопрос цифровизации политической сферы общества [\[1\]](#). Здесь имеют место два взаимосвязанных процесса: политика цифровизации и цифровизация политики. Под первым понимается распространение цифровых технологий на политические отношения, выделение механизмов артикулирования политических интересов с использованием цифровых технологий. В рамках второго процесса происходит использование цифровых технологий с целью оптимизации государственного управления, взаимодействия государственных органов между собой, органов государственного управления и населения, а также регулятивная деятельность государства в целом по формированию основ соответствующей политики, а именно: усилия по формулированию и выстраиванию собственной национальной модели управления процессами в приобретающем все большую значимость цифровом пространстве. Оба процесса демонстрируют тенденцию к более глубокому синтезу процессов технологического и общественного развития, превращающую последние в сообщающиеся сосуды, утрачивающие зависимость от посреднических функций традиционных институтов. [\[1\]](#). Также можно выделить работу С.П. Митраховича, в которой отмечается, что в современном мире все больший контроль за социальными сетями установили ограниченные по численности узкие элитные группировки [\[32, с. 58\]](#). Автор указывает на все более усиливающийся факт манипулирования общественным сознанием в интересах этих элитных групп. При этом, в странах с незападной политической культурой подобные попытки предпринимает государство. Стоит отметить работу А.А. Лисенковой, в которой автор уделяет внимание такому немаловажному аспекту цифровой эпохи, как риску размытия границы между частной жизнью и публичным пространством. Автор показывает, что «сегодня невозможно разделение жизни человека на виртуальное онлайн-присутствие и офлайн-повседневность, цифровая среда и информационно-коммуникационные технологии вошли в жизнь людей, и все оказались подключены к глобальной сети» [\[33, с.91\]](#). Все это, по мнению Лисенковой, приводит к тому, что каждый человек оказался «встроенным» в глобальную структуру сбора, хранения и анализа данных о нем. По ее мнению, это оказывает влияние на современного человека, изменяя процесс персонификации, инкультурации, социализации, креативности, трансформируя когнитивные функции [\[33, с.91\]](#).

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, ответ на который мы попытаемся дать в данной статье: правда ли, что под влиянием цифровизации общественных отношений происходит снижение роли человека как главного субъекта политических отношений?

Для этого необходимо решить несколько взаимосвязанных задач. Понять, как изменяется положение и роль субъектов политического действия. Как меняется роль человека как субъекта политики в условиях цифровизации общественных процессов, происходящих в последние годы? Почему важен этический аспект в политике в условиях цифровой трансформации?

Современное человечество уже привычно воспринимает некоторый набор публичных действий, являющихся неотъемлемой частью современного политического процесса. Сюда можно отнести всеобщее избирательное право, выборность и сменяемость власти, широкие возможности участия граждан в политической жизни, запрет цензуры и всякой дискриминации людей. Речь идет о демократии. Этот тип политического режима мы считаем, чуть ли не «эталонным». Он является продуктом, с исторической точки зрения, не слишком долгого периода, всего каких-то 70–80 лет. Согласно докладу Гётеборгского университета, посвященному устойчивости и разнообразию современных демократий, по состоянию на 2020 г. демократическими являлись 87 государств, в которых проживало 46 % мирового населения [\[25\]](#). Правда в «автократизирующихся» странах проживает, по мнению авторов этого доклада 54% населения планеты. Под «автократизацией» в докладе понимается «упадок демократических черт» [\[25\]](#). Таким образом, мы видим, что демократия является одним из самых значительных на сегодняшний день политических устройств в мире, распространённой в большом количестве стран. Поэтому, в данной работе, мы будем рассматривать изменения в демократическом устройстве общества, происходящими под влиянием цифровизации. При этом хотелось бы несколько остановиться на самом понятии «демократии», чтобы понимать исходя из каких критериев мы будем рассматривать происходящие изменения.

Несмотря на то, что самое понятие «демократия» кажется понятной каждому современному обывателю, тем не менее обратимся к тому, как эта проблема прорабатывалась в научной литературе. Йозеф Шумпетер исходит из того, что «демократический метод – это институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [\[26, с.667\]](#). В своей книге «Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия», пытаясь оппонировать социалистическому устройству общества и рассуждая, возможно ли демократическое устройство в иных условиях, отличных от современных ему, Шумпетер указывает, что именно демократический метод гарантирует больший индивидуальный объем свободы, чем любой другой. Сэмюэль Хантингтон не дает четкого определения демократии, но отмечает несколько, важных с его точки зрения признаков. Выборы - открытые, свободные, честные – суть демократии. При демократическом правлении выборные лица, принимающие решения, не обладают тотальной властью. Они разделяют власть с другими группами в обществе. Он указывает на стабильность демократической политической системы. Под «стабильностью» Хантингтон понимает то, что создаются «общеупотребительные каналы для выражения несогласия и оппозиционных настроений внутри системы». Так же он считает важным регулярность смены политических лидеров и изменения публичной политики. Избирательное соревнование и широкое участие в голосовании. [\[27, с. 19-39\]](#).

Труды Шумпетера и Хантингтона считаются классическими. Обратимся к более современным исследователям. И здесь хотелось бы выделить Мануэля Кастельса. В понимании Кастельса, либеральная демократия - это уважение основных прав людей, в частности, политических прав граждан, включая свободу ассоциаций, собраний на

основе верховенства закона, защищаемого судами. Также для него важно классическое разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную. Свободный, периодический и проверяемый выбор того, кому принадлежит принятие решений в каждой из этих ветвей власти. Подчинение государства и всего его аппарата тем, кому граждане делегировали власть.

Если мы обратимся к отечественной философской мысли, то хотелось бы отметить точку зрения И.А. Ильина. В целом рассуждения философа о сущности демократии (он использует термин «народоправство») совпадает с представлениями западных мыслителей. При этом его осмысление демократии касается больше моральной стороны вопроса. Ильин, опираясь на российский опыт, считает, что «демократия имеет свои жизненные основы в духе народа, его правосознании, в его социальном укладе» [\[30, с. 191\]](#). Также Ильин утверждает, что демократическое устройство возможно лишь только тогда, когда народ способен «вести государственную жизнь, но именно править государством» [\[30, с.191\]](#). Для этого должны сложиться прежде всего социально-экономические обстоятельства таким образом, чтобы большинство населения имело средний достаток и достаточный уровень грамотности.

В справочной литературе, например, в энциклопедии «Британника» демократия определяется как «система правления, в которой законы, политика, лидерство и основные начинания государства или другого политического устройства прямо или косвенно определяются «народом», группой, исторически состоящей лишь из меньшинства населения (например, всех свободных людей). взрослые мужчины в древних Афинах или все достаточно обеспеченные взрослые мужчины в Великобритании 19-го века), но с середины 20-го века обычно понимаются как включающие всех (или почти всех) взрослых граждан» [\[31\]](#).

Исходя из вышеизложенного, мы попытаемся выделить существенные признаки демократии, на которые будем опираться в дальнейшем. Во-первых, власть в государстве принадлежит народу, который реализует ее путем выборов. Во-вторых, в демократическом государстве может существовать легальная оппозиция, деятельность которой не притесняется властями. В-третьих, существует свобода слова, возможность разных политических сил излагать свои мысли и мнения, не опасаясь преследования властей. Отсутствует цензура.

Разные технологические уклады, сменявшие за последние двести лет друг друга, изменяли жизнь как всего общества, так и отдельного человека. Эти изменения затрагивали и политическую систему общества, внося свои коррективы. Цифровизация также с неизбежностью внесла свои изменения в политическую жизнь. Под влиянием цифровизации активно внедряются технологии, которые во многом вносят качественные изменения в процесс функционирования демократических институтов. Многие исследователи говорят даже о возникновении «цифровой демократии».

Цифровая демократия — одна из важных недавних областей исследований, представляющих интерес для области вычислительной дипломатии. Цифровая демократия подразумевает использование цифровых технологий в политической сфере. Это может относиться к широкому спектру деятельности, осуществляемой с помощью Интернета и других цифровых технологий, которые могут быть использованы для расширения возможностей демократических процессов. Это может включать в себя онлайн-голосование и подачу петиций, а также цифровые кампании и обсуждение проблем [\[2\]](#). Поскольку использование цифровых технологий в политической сфере все

ещё находится на ранних стадиях и постоянно развивается, на данный момент не существует единого определения цифровой демократии [\[2\]](#).

Цифровые технологии в последние 20 лет стремительно развивались. За такой, с исторической точки зрения ничтожный промежуток времени, интернет как часть цифровой революции в совсем развитии совершил революционный скачок. На 2022 год число пользователей мобильных гаджетов составило порядка 67,1% от численности населения планеты Земля. При этом, пользователями интернета являлись 62,5%, пользователями социальных сетей являлись 58,4% [\[24\]](#). Интернет прошёл период так называемого свободного развития. В последние 15 лет, интернет стал более централизованным, благодаря развитию такого сегмента как социальные сети. Именно социальные сети внесли в мир интернета определённую структуру. По меткому выражению Л. Флориди «грань между оффлайн и онлайн жизнью теперь полностью размыта; они стали единым целым» [\[8, с.2\]](#). Сегодня любой человек не может обойтись без социальных сетей. Если раньше, до начала цифровой эпохи люди начинали свой день с чтения газет, пытались узнать последние новости, с просмотра телевизора за завтраком, то сегодня человек тратит изрядное время на чтение новостей в социальных сетях. Социальные сети стали важнейшей частью нашей повседневной жизни и главным агрегатором информации об окружающей действительности. Именно социальные сети стали серьёзным конкурентом традиционным СМИ – печатным изданиям, радио, телевидению. Первоначально социальные сети отвоёвывали своё «место под солнцем», а сегодня, на наш взгляд, они активно вытесняют традиционные СМИ. Такой значительный рост социальных сетей, как в количественном, так и в качественном выражении не мог не отразиться на всех сферах общественной жизни. И главное, что эти изменения коснулись прежде всего сферы политики. Если мы проанализируем политическую историю последних десятилетий, то мы увидим, что практически все глобальные изменения в политической сфере во всем мире происходили в той или иной мере именно с использованием цифровых технологий (в частности, социальных сетей). В ряде стран мира происходили серьёзные политические трансформации, известные многим под наименованием «цветные революции». Именно здесь цифровые технологии как инструмент политической борьбы получили свое политическое крещение. Социальные сети все чаще используются в избирательных кампаниях по всему миру, самый известный случай, когда Дональд Трамп на выборах 2016 года одержал победу благодаря использованию им социальных сетей [\[4, с.79\]](#).

Цифровизация трансформирует политическую систему современного общества. В частности, существенно изменились роль и место субъектов политической деятельности, среди которых хотелось бы выделить политические партии и движения, политических лидеров. Начнем с политических партий и движений. В индустриальную эпоху они имели чёткую «классовую» направленность, их программы отражали взгляды определенных слоёв населения на различные стороны общественной жизни. А поскольку различия между разными социальными группами были явными (хотя бы по имущественному признаку), программы различных политических сил очень четко отличались. В период избирательных кампаний перед избирателем встраивался целый политический спектр от крайне «правых» до крайне «левых». В постиндустриальную, цифровую эпоху отличия одних политических сил от других становятся довольно условными. Как отмечалось выше, цифровизация привела к изменениям в социальной структуре современного общества: влияние одних социальных групп уменьшается, появляются новые социальные группы. Естественно, что это не могло не отразиться и на «традиционном» политическом спектре общественных организаций. Теперь разница между политическими партиями и

движениями стала заключаться лишь в риторике, названиях самих политических партий и движений и в политических лидерах. Конечно, эти изменения объясняются не только влиянием цифровизации, здесь множество и других факторов. Но, цифровая трансформация сыграла в этом далеко не последнюю роль. Аналогичная ситуация и с политическими лидерами. В доцифровую эпоху процесс становления политического лидера был длительным процессом. Восхождение на вершину политического Олимпа у политических лидеров был результатом длительной карьеры, занимавшей иногда десятилетия. Путь каждого политика было легко проследить. Что же происходит теперь? Теперь политические лидеры, в большинстве своем, - лица без политического прошлого. Они стремительно появляются и столь же стремительно исчезают. Это оказывает серьезное влияние на одну немаловажную вещь – ответственность за принимаемые решения.

Ещё одним из явлений современной политической жизни, получившим широкое распространение во многом благодаря цифровым технологиям, является феномен политиков-популистов. Конечно, если быть объективным, этот феномен существовал ровно столько, сколько существует демократическая традиция формирования политической власти. Но именно в цифровую эпоху популизм в политике принял широкие масштабы. Используя цифровые технологии, а именно социальные сети, политики-популисты с большим успехом добиваются значительного влияния в обществе, а иногда могут добиваться победы в избирательных кампаниях.

Цифровая эпоха внесла существенные изменения в положение человека как субъекта политики, а именно, начала влиять на свободу его воли. Прежде всего это связано с кратным увеличением потока информации, с которой человек имеет дело каждый день. Не случайно современную эпоху называют информационной. Предыдущие поколения ни с чем подобным не сталкивались. Причём и скорость распространения информации также увеличилась кратно. То, что произошло на одном континенте, спустя всего несколько минут известно на другом. В прежние времена информация могла перемещаться временем, исчисляемым неделями, а то и месяцами. А сейчас с самого утра на каждого человека обрушивается лавина информации: новости, реклама, профессиональная сфера. Скорость обновления информации так же ошеломляющая – если мы берём новостные каналы, то информация может обновляться каждые 10 минут. Главным проводником такого потока информации является интернет.

На заре зарождения интернета многие, размышляя над его перспективами, мечтали, что интернет станет проводником для каждого человека в мир знаний, что в его доступе окажется вся сокровищница человеческих знаний. Идеализируя интернет, люди надеялись, что именно здесь, в цифровом мире, будет средоточие возможностей свободного самовыражения каждого человека, будут представлены разные, пускай полярные, точки зрения. В принципе так оно и было в первые годы развития интернета и цифровых технологий. По мере развития цифровых технологий прежде хаотичный интернет стал более структурированным, более «централизованным» [\[3\]](#). Не в последней мере в этом сыграли свою роль социальные сети, которые сами по себе превратились в агрегаторы информации. Причём, ключевой особенностью последнего времени становится то, что несмотря на то, что цензура официально запрещена на уровне законодательства, фактически она существует. Только роль цензоров теперь выполняют не чиновники, как это было в прошлом, а социальные сети. Алгоритмы социальных сетей настроены таким образом, что отсекают всю информацию, которая не вписывается в заранее заданные рамки. Эта «лишняя» информация объявляется «пропагандой», причём в этот термин заранее внесена негативная коннотация.

По мере развития цифровизации, по мере увеличения потоков информации, все более заметную роль стали проявлять так называемые «фейковые новости». Это явление было известно и ранее, но именно с развитием цифровизации распространение фейковых новостей приобрело массовый характер. Под «фейковыми новостями» по мнению Ханта Олкотта и Мэтью Гренцкоу понимаются «новостные статьи, которые намеренно и проверяемо ложны и могут ввести читателей в заблуждение» [7]. Этот тип новостей распространён, потому что его дешевле создавать, чем точные репортажи, и потому что потребителям нравятся предвзятые новости [4, с.47]. Подобными новостями делятся миллионы людей. Многие искренне уверены в правдивости подобной информации, поскольку сами или не могут или ленятся проверить эту информацию. Во многих странах обыватели поколениями воспитаны в убеждении и доверии СМИ.

Новости с «воспламеняющим» содержанием распространяются быстрее. Например, ложные истории в твиттере распространяются значительно быстрее и шире, чем правдивые, а более широкое распространение ложных историй также делает их более прибыльными для платформ социальных сетей [4, с.47]. Усугубляет подобное положение вещей то, что многие СМИ стали использовать приём, когда заголовок и содержание новостного сообщения не соответствуют друг другу. Выяснилось, что многие люди дальше заголовка не читают, но охотно обращают внимание, «лайкают» подобные «новости» и «статьи». Причём подобным приёмом стали «грешить» не только традиционно «жёлтая» пресса, но и вполне уважаемые СМИ. Легко увидеть, насколько сложно человеку цифровой эпохи искать крупицу правды в потоке «фейков». И подобная ситуация не могла не сказаться, на политической сфере жизнедеятельности общества. Человек стал объектом манипуляций и прежде всего политических. Надо отметить, что само по себе манипулирование информацией - это не новое изобретение, этот приём использовался в политической борьбе многие века. Конечно, с этической точки зрения это порицаемо, но это часть политики, и этого нам не изменить. Однако в цифровую эпоху, новым является то, что цифровые технологии позволяют нацелить контент на отдельных лиц, поскольку о людях в интернете собираются большие объёмы данных, которые первоначально использовались для микротаргетинга контента на них [13, с.51]. Новым явлением в процессе манипулирования информацией в эпоху цифровизации стало создание фейковых аккаунтов, ботов. Создаются целые «фабрики ботов», которые занимаются распространением контента.

Немалую роль в процессе манипулирования информацией играют крупные транснациональные корпорации, в частности Google. Они занимают всё большую роль в определении того, какую информацию и какие новости видят люди [10, с.133]. При этом результаты поиска у разных людей различаются из-за алгоритма персонализации, который учитывает большое количество накопленной информации, в том числе и предыдущие поисковые запросы [11]. По мнению американского психолога Роберта Эпштейна, алгоритм Google может легко изменить предпочтения избирателей, не определившихся с выбором, на 20 и более процентов – до 80 процентов в некоторых демографических группах. При этом практически никто не знает, что им манипулируют [12]. Перед нами возникает дилемма – как человек, избиратель может отличить ложь от правды? А если он не может получить правдивую информацию, то он лишен возможности сделать правильный выбор.

Современный человек во многом оказался в более сложном положении, по сравнению с таким же как он индивидом в предшествующие годы. Основная масса населения в демократических странах грамотна, в смысле умения читать, писать и считать. Парадокс

состоит в том, что грамотность современного человека не означает его образованности. По многим параметрам большинство современных граждан более необразованны, чем предыдущие поколения. Современная ситуация усугубляется и возросшим потоком информации, который обрушивается на головы современных людей. Этот поток информации современный человек не способен «переварить». Как и в предыдущие эпохи в обществе существуют приверженцы различных политических взглядов. Только, в отличие, от предыдущих поколений, взгляды современных людей во многом сформировал интернет. Если разобраться, то у многих существуют лишь поверхностные представления. По сути дела, в большинстве случаев разницы между крестьянином условно XVIII века и современным городским обывателем нет. Крестьянину 300 лет назад о том, как устроен мир, рассказал священник в церкви, а современному обывателю те же представления сформировал условный «блогер». Современные люди имеют убеждения, и это отрицать бессмысленно. Вопрос вызывает только происхождение и качество этих убеждений.

В цифровую эпоху с новой остротой всплыл, казалось бы, отживший атавизм. Нам представлялось, что вопросы дискриминации и неравенства людей в цивилизованных, демократических странах, остались в прошлом. Однако в эпоху цифры этот факт вновь проявил себя. Конечно, на уровне законодательства большинства стран мира всякая дискриминация людей запрещена. Тем не менее, на современном этапе люди в той или иной степени сталкиваются с фактами дискриминации. Например, риск ненамеренного, но ощутимого ущемления прав отдельных групп может быть связан с тем, что разные группы в обществе имеют разный уровень доступа к технологиям, а некоторые группы находятся в состоянии цифровой эксклюзии [\[23, с.120\]](#). Здесь речь идёт о людях, которые в силу преклонного возраста или материального положения не способны приобрести или освоить цифровые устройства. А поскольку, на современном этапе значительная часть услуг, в том числе и государственных переводится в сферу «онлайн» такие люди оказываются как бы «вычеркнутыми» из жизни. Есть и другой, более существенный вариант дискриминации, когда человек исходя, например, из-за политических убеждений, ограничен в доступе к получению информации или выражению своих взглядов. Такая тенденция наметилась прежде всего политикой некоторых социальных сетей, на которые государство или не способно, или не имеет желания повлиять.

Современное развитие цифровизации и сетевых технологий постепенно стало проникать и в частную жизнь человека. Граница, которая ранее отделяла публичную жизнь человека и его приватную, частную жизнь становится хрупкой, иллюзорной. Поведение человека, его интересы, запросы в интернете, пользовательские реакции, данные камер видеонаблюдения, которые в изобилии установлены в общественных местах, профили социальных сетей, геолокация, финансовые операции, осуществляемые в интернете и многое другое становятся неотъемлемой частью огромного банка данных, собираемых как цифровыми транснациональными корпорациями, так и государством. Фактически человек в современном мире практически никогда не бывает один. Везде его сопровождает бдительное око «большого брата». Сужение приватного пространства человека представляет огромную опасность, т. к. это приводит к постановке под сомнение одного из важнейших прав человека - свободы его воли, свободы выбора, влияет на автономность личности. Ограничение этих прав непосредственно оказывает влияние на способность человека быть полноценным субъектом политической жизни.

Проблема этической стороны цифровизации как определяющей тенденции в современном общественном дискурсе является актуальным и в общих чертах уже рассмотрен рядом авторов. Можно согласиться с И. А. Авдеевой, что этические

принципы ещё более актуализируются в связи с тем, что с распространением новых цифровых технологий происходит становление и развитие цифрового общества (digital society) понимаемого двояко: с одной стороны это общество, инфраструктура которого базируется и функционирует благодаря цифровым технологиям, а с другой стороны, - это общество, в котором базовой формой социального взаимодействия и социальной организации являются сетевые структуры, платформы и другие новые формы социально-коммуникативного взаимодействия, которые стали для многих людей уже привычными [\[7, с.102-103\]](#). С этим можно согласиться. Действительно, под влиянием цифровизации общество сильно изменилось. Появляются новые социальные группы (новые так называемые «гендеры»). Занятость значительной части населения в той или иной степени погружена в онлайн, целиком завязана на цифровые технологии (это блогеры, риелторы, финансовые аналитики, программисты и другие специалисты IT-индустрии). Это не может не отразиться на мышлении этих людей, формировании новых ценностей. Вслед за этим, политика также, в значительной степени, ушла в цифровую среду. При этом цифровизация мало что изменила: характерное для демократических систем противостояние между гражданским обществом и государством лишь переключалось из физического пространства в пространство виртуальное [\[3, с.40\]](#).

В связи с вышеизложенным возникает проблема: как оценить происходящую на наших глазах трансформацию политических отношений? На наш взгляд процесс, связанный с цифровизацией политической сферы, неоднозначен, это признают многие исследователи. Да, можно признать, что цифровизация привнесла много положительного – это и упрощение коммуникаций между обществом и властью, увеличение прозрачности деятельности власти, и большие возможности в борьбе с коррупцией, ускорение документооборота, уменьшение бюрократизации, повышение прозрачности проведения выборов органов государственной власти. Вместе с тем процесс цифровизации политической сферы перешагнул границы разумного. Где закончилась «разумная» цифровизация? На том этапе, когда цифровизация вышла за границы простого облегчения и ускорения передачи информации на расстоянии, тогда, когда вместо того, чтобы двигаться в производственную сферу и именно там заменять человека, она стала развиваться в сторону вмешательства в межличностные отношения, стремление к регулированию общественных процессов, манипулирования общественным сознанием. Каким может быть решение достижения разумного компромисса между развитием цифровизации с одной стороны и ограничением расширения цифровых технологий в область политических отношений? Русский философ Владимир Соловьев определил право, как минимум нравственности [\[32, с. 441\]](#). А значит право – есть моральный минимум, предъявляемый обществом человеку. В современных условиях иного пути, как через разработку и принятие соответствующего законодательства нет. Одним из вариантов, попыток разрешения ситуации – создание кодекса политической этики.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Под влиянием цифровизации происходит размытие понятий, программ и целей политических партий и движений, границы между ними становятся все более аморфными. Они утрачивают различимость между собой. Человеку очень сложно понять, чем одно политическое движение отличается от другого. Порой все отличие сводится к персонам политических лидеров, возглавляющих эти партии и движения. При этом сами политические лидеры утрачивают былую роль, они становятся аватарами непонятных групп интересов и утрачивают свою субъектность. Появляются также быстро, как и исчезают. Политические лидеры, движения перестают представлять интересы традиционных социальных групп, в условиях трансформации общества, происходящей в

условиях цифровизации. Всё большую роль начинают играть политики без конкретных принципов и идеалов. И это неудивительно, поскольку границы между прежними социальными группами стёрты, новые социальные группы ещё только формируются, и они пока ещё не смогли чётко обозначить свои политические предпочтения. Этот процесс, как нам кажется, займёт какое-то продолжительное время. Поэтому нам придётся смириться с тем, когда одни политики-популисты будут сменять других политиков-популистов.

В условиях цифровизации человек постоянно сталкивается с манипулированием информацией и ложной информацией, а, следовательно, он лишается возможности принимать осмысленный выбор своих действий и решений. Таким образом, роль и значимость человека в цифровую эпоху постоянно падает, и он превращается из субъекта политических отношений в пассивного созерцателя событий, разворачивающихся на политической сцене. А если человек лишается возможности осуществлять осознанный выбор, то ставится под сомнение один из ключевых признаков демократии - возможность смены политических лидеров путём свободных выборов. Выборы как институт пока ещё сохраняются, но они наполняются иным содержанием.

Стирание границ между частной и публичной жизнью человека, уменьшение пределов личного пространства подрывает многие права человека, закреплённые как на международном уровне, так и в национальном законодательстве многих стран, в частности таких как свобода слова, свобода воли. Без этого человек не сможет стать полноценным субъектом политической жизни.

В цифровую эпоху человек имеет дело с электронными машинами, алгоритмами, программами, технологиями и т. п. суть их то, что они неодушевлённые. Следовательно, в них не заложены границы допустимого, нет понимания что можно, а что нельзя, они не обладают такими человеческими категориями, как «добро» и «зло» и потому могут нанести непоправимый вред человеческим взаимоотношениям. Поскольку политика является сферой, осуществляющей управление обществом, то игнорирование этических сторон при использовании цифровых технологий приведёт рано или поздно к установлению той или иной формы тирании, в худшем варианте тоталитаризма. Задача в этом моменте найти золотую середину, между развитием цифровых технологий и гармоничным развитием общества. Вариантом такого решения могло бы введение законодательного регулирования использования цифровых технологий в сфере политических отношений.

Возникает даже вопрос: а нужна ли демократия в новых условиях цифрового мира? Но это тема уже другого исследования.

Библиография

1. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47-68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104> EDN: DOKOFB
2. Dirk Helbing, Sachit Mahajan, Regula Hänggli Fricker, Andrea Musso, Carina I. Hausladen, Cesare Carissimo, Dino Carpentras, Elisabeth Stockinger, Javier Argota Sanchez-Vaquerizo, Joshua C. Yang, Mark C. Ballandies, Marcin Korecki, Rohit K. Dubey, Evangelos Pournaras. Democracy by Design: Perspectives for Digitally Assisted, Participatory Upgrades of Society // Journal of Computational Science. 2023. Vol. 71. P. 102061. <https://doi.org/10.1016/j.jocs.2023.102061>
3. Фурс В. А. Влияние интернета и социальных сетей на устойчивость либеральных

- демократий // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 39. С. 37-45. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.37> EDN: SHCOLV
4. Schleffer G., Miller B. The Political Effects of Social Media Platforms on Different Regim Types // Texas National Security Review. 2021. Vol. 4. Iss. 3. P. 77-103.
5. Ваховский А. М. Политико-правовые вопросы регулирования интернета: мировой опыт и российская практика // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 3-11. EDN: WEIJXN
6. Авдеева И. А. Цифровизация как предмет этической проблематизации // Философия и общество. 2023. № 1(106). С. 101-114. DOI 10.30884/jfio/2023.01.07. EDN TYVGYD
7. Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. No. 2. P. 213. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>
8. Floridi L. The Onlife Manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era. 2015: Springer Open. 255 с.
9. Kirchsclaeger P. G. Digital Transformation and Ethics. Ethical Considerations on the Robotization and Automation of Society and the Economy and the Use of Artificial Intelligence. Baden-Baden: Nomos, 2021. 537 pp.
10. Royakkers L., Timmer J., Kool L. et al. Societal and ethical issues of digitization // Ethics and Information Technology. 2018. Vol. 20. P. 127-142. <https://doi.org/10.1007/s10676-018-9452-x> EDN: TNIHTN
11. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011.
12. Epstein R. How Google Could Rig the 2016 Election // Politico. 2015. August 19. Accessed May 15, 2024. <https://www.politico.com/magazine/story/2015/08/how-google-could-rig-the-2016-election-121548>
13. Jongepier F., Klenk M. (Eds.). The Philosophy of Online Manipulation. 1st ed. Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003205425>
14. Агамбен Д. Homo sacer: суверенная власть и "голая" жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
15. Антонов Я. В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 38-41. EDN: QNZTBV
16. Колюшкина Л. Ю., Горгуль В. В. Цифровая демократия как проявление цифровизации конституционного права // Конституционное и административное право: проблемы совершенствования публичной власти. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 декабря 2019 года / отв. ред.: А. Н. Осяк, Ю. В. Капранова. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 60-64. EDN: FSTBUJ
17. Мальченков С. А., Сударев А. А. Цифровая демократия как новая форма народовластия: преимущества и недостатки // Огарёв-Online. 2023. № 8 (193).
18. Храмушин В. В. О перспективах развития представительной демократии в эпоху цифровой экономики // Вестник СГЮА. 2019. № 6 (131).
19. Дагангаров С. В. О развитии демократии в условиях цифровизации // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2022. Вып. 2. С. 13-19. DOI: 10.18101/2658-4409-2022-2-13-19 EDN: UCTUEB
20. Равочкин Н. Н., Сергеева И. А., Стенина Н. А. Цифровизация социальных институтов: возможности и ограничения // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 141-150. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-141-150> EDN: TESTVC
21. Гаджиев Х. А. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 2. С. 81-97. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.7 EDN: BIBKLF

22. Каминский М. А. Цифровизация как фактор трансформации политической культуры // Культура и природа политической власти: теория и практика. Сборник научных трудов. Под общей редакцией А.А. Керимова. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2023. С. 242-248. EDN: BYRGKP
23. Этика и "цифра": Этические проблемы цифровых технологий. М.: РАНХиГС, 2020. 207 с.
24. Kemp S. Digital 2022: Global Overview Report // DataReportal. 2022. January 26. URL: <https://u.to/fWwwHA> (last request 24.05.2024).
25. Lührmann A. et al. Autocratization Surges - Resistance Grows: Democracy Report 2020. Gothenburg: Varieties of Democracy Institute, Department of Political Science University of Gothenburg, 2020. 40 p.
26. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. 864 с. (Антология экономической мысли).
27. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. Пер. с англ. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2003. 368 с.
28. Castells M. Rupture. The Crisis of Liberal Democracy. Cambridge CB2 1UR, UK: Polity Press, 2019. 106 с.
29. Харари Ю. Н. Nexus. Краткая история информационных сетей от каменного века до искусственного интеллекта.
30. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948 - 1954 гг. Т. 1. М.: Айрис-пресс, 2008. 528 с. (Белая Россия).
31. Энциклопедия Британника. URL: <https://www.britannica.com/question/What-is-democracy>
32. Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 656 с. EDN: QXCSYV
33. Кастельс М. Власть коммуникации. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования в статье выступает влияние цифровизации на политическую сферу общества, в частности на роль и положение человека как субъекта политических отношений. Автор исследует трансформацию демократических институтов и принципов в условиях цифровой реальности, уделяя особое внимание вопросам манипулирования информацией, размытия границ между публичной и частной жизнью, а также этическим аспектам цифровизации политической сферы.

Методология исследования

Методология исследования базируется на теоретическом анализе научной литературы с использованием историко-сравнительного метода. Автор анализирует работы как зарубежных (Кастельс, Кирхшлегер, Харари), так и отечественных исследователей (Коньков, Митрахович, Лисенкова). Однако в статье отсутствует четкое описание используемой методологии, не представлены эмпирические данные, подтверждающие выводы автора. Исследование носит преимущественно аналитико-описательный характер.

Актуальность

Тема исследования, безусловно, актуальна. Цифровизация всех сфер общественной жизни, в том числе политической, происходит стремительными темпами, что требует глубокого философского осмысления. Автор справедливо отмечает, что существующие исследования цифровизации "носят общий характер, они не затрагивают рассмотрение более узких вопросов, таких как изменение роли человека, как субъекта политики в условиях цифровизации". Проблема сохранения политической субъектности человека в цифровую эпоху представляет значительный интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Научная новизна

Научная новизна статьи заключается в постановке проблемы трансформации роли человека как субъекта политики в условиях цифровизации. Автор предлагает интересную гипотезу о том, что цифровизация политической сферы ведет к снижению роли человека как субъекта политических отношений, обосновывая это воздействием манипулятивных технологий, размыванием границы между частной и публичной жизнью и другими факторами. Однако научная новизна несколько снижается из-за отсутствия четкой концептуализации понятия "политическая субъектность" и разработки авторского теоретического подхода к исследуемой проблеме.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет логичную структуру, состоящую из введения, теоретической части, анализа проблемы и заключения. Стиль изложения научный, однако присутствует некоторая публицистичность и эмоциональность в оценках. Содержание соответствует заявленной теме, но в статье наблюдается ряд недостатков:

Недостаточная четкость и операционализация ключевых понятий ("политическая субъектность", "цифровизация политики").

Некоторая описательность и недостаточная аналитическая глубина при рассмотрении воздействия цифровизации на политическую субъектность.

Присутствуют повторы и избыточные фрагменты, особенно в теоретическом обзоре.

Недостаточно проработаны предлагаемые автором решения проблемы (упоминание о "кодексе политической этики" не раскрыто).

Библиография

Библиография статьи довольно обширна (33 источника) и включает как классические работы в области демократии (Шумпетер, Хантингтон), так и современные исследования цифровизации политической сферы. Присутствуют как отечественные, так и зарубежные источники. Однако можно отметить некоторые недостатки:

Неравномерность использования источников – некоторые упоминаются лишь формально. Отсутствие ссылок на новейшие исследования в области цифровой демократии и цифрового гражданства (2023-2024 гг.).

Недостаточное использование эмпирических исследований по теме.

Апелляция к оппонентам

В статье присутствуют элементы дискуссии с другими исследователями, в частности, автор выражает несогласие с позицией Юваля Харари: "В своей книге Харари первоначально ставил правильный вопрос о возможности превращения демократических институтов в «авторитарный ритуал» под воздействием всеохватности цифровых технологий, но сразу же отмахивается от подобной мысли... Считаю, что Харари в это вопросе неправ". Однако аргументация этого несогласия недостаточно

развернута. В целом, дискуссионное начало в статье присутствует, но требует более глубокой проработки.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи логично вытекают из проведенного анализа и соответствуют поставленной проблеме. Автор делает важное заключение о том, что в условиях цифровизации человек "превращается из субъекта политических отношений в пассивного созерцателя событий", что ставит под сомнение ключевые принципы демократии. Статья представляет интерес для широкого круга читателей – философов, политологов, социологов, специалистов в области информационных технологий, а также для всех, кто интересуется проблемами трансформации демократии в цифровую эпоху.

Заключение рецензента

Статья "Сохранение политической субъектности в условиях цифровизации" представляет собой интересное исследование актуальной проблемы трансформации политической сферы под влиянием цифровизации. Автор поднимает важные вопросы о влиянии цифровых технологий на статус человека как субъекта политики, обоснованно указывает на риски манипулирования информацией и размывания границ частной жизни.

Несмотря на отмеченные недостатки, в целом, статья может быть рекомендована к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Толкачев П.А. Нарративы идентичности предпринимателя: от героического модерна к постмодернистскому множеству ролей // Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.73924 EDN: SSFGNH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73924

Нарративы идентичности предпринимателя: от героического модерна к постмодернистскому множеству ролей

Толкачев Петр Андреевич

аспирант, кафедра социальной философии и философии истории, Московский государственный университет имени МВ.Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ peter.tolkachev@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная динамика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.73924

EDN:

SSFGNH

Дата направления статьи в редакцию:

01-04-2025

Дата публикации:

08-04-2025

Аннотация: Данная статья исследует эволюцию идентичности предпринимателя от героического образа «титана индустрии» эпохи модерна к множественности ролей постмодерна. Центральная идея заключается в том, что если в модерне предприниматель представлялся как единичный герой прогресса, то в постмодернистском контексте его идентичность фрагментируется и перестраивается через различные нарративы. Современный предприниматель не только разрабатывает технологические решения или управляет компаниями, но и активно конструирует публичный образ с помощью СМИ и соцсетей, превращаясь в «бренд» самого себя. Переосмысление предпринимательства в таком ключе затрагивает вопросы аутентичности, самопрезентации и влияния цифровых платформ, где каждый участник

рынка может рассматриваться как «предприниматель собственной жизни». Таким образом, предметом исследования становится не только экономическая роль предпринимателя, но и его культурно-символическая функция в условиях постмодерна и платформенного капитализма. Методологически работа опирается на постмодернистскую философию (идеи Ж.-Ф. Лиотара о конце «больших нарративов», концепцию симулякров Ж. Бодрийяра, анализ дискурса власти у М. Фуко), а также на инструменты нарратологии, дискурсивного анализа и деконструкции культурных текстов. Научная новизна исследования состоит в переосмыслении фигуры предпринимателя как «предпринимателя самого себя» (термин, восходящий к работам М. Фуко), то есть субъекта, формирующего и продвигающего собственную идентичность подобно бренду. Такое переосмысление позволяет заострить внимание на скрытых механизмах формирования имиджа в условиях цифровых платформ, где личная и профессиональная идентичность сплавляются в единый конструкт и транслируются массовой аудитории. В результате показано, что в условиях платформенной экономики и общества потребления предприниматель все чаще выступает проектом самого себя, объединяя черты создателя, продукта и менеджера собственной жизни. Это открывает новые перспективы для философского осмысления аутентичности, самореализации и соотношения свободы и самоконтроля в контексте современного предпринимательства.

Ключевые слова:

предпринимательская идентичность, постмодерн, героический нарратив, множественность ролей, самопрезентация, цифровые платформы, самореализация, деконструкция, предприниматель самого себя, аутентичность

Введение

В современном мире образ предпринимателя претерпевает существенные изменения по сравнению с каноническим образом XIX–XX веков. Если индустриальный капиталист прошлого столетия нередко изображался как «титан индустрии» – мощный герой прогресса и олицетворение модернистского идеала неуклонного развития, – то предприниматель XXI века действует в принципиально ином культурном поле. Постмодернистский контекст характеризуется фрагментацией «больших нарративов» развития и успеха [\[8, с. 51\]](#), глобализацией и цифровизацией экономики, что приводит к размыванию прежних устойчивых идентичностей. Возникает проблема: какие нарративы формируют самоидентификацию предпринимателя сегодня, после крушения героического модернистского мифа? Насколько актуален образ монументального «титана» в эпоху стартап-культуры, социальных сетей и платформенного капитализма?

Актуальность темы обусловлена тем, что предпринимательство играет центральную роль в экономике и культуре, однако его осмысление часто ограничивается экономическим функционализмом или менеджерской эффективностью. В данной работе сделана попытка расширить этот взгляд, применив философско-социологический подход к феномену предпринимательской идентичности. Научная новизна исследования состоит в междисциплинарном анализе образа предпринимателя с позиций постмодернистской философии и культурологии. Такой подход позволяет выявить скрытые идеологемы и дискурсы, влияющие на то, как предприниматели понимают себя и представлены обществу.

Цель исследования – проследить эволюцию предпринимательской идентичности и

выявить ее современные характеристики в условиях постмодерна. Для достижения цели используются концепции постмодернистской философии (скепсис к «метанарративам» прогресса по Ж.-Ф. Лиотару [\[8, с. 10\]](#), идея общества потребления и симулякров по Ж. Бодрийяру [\[2, с. 5-7\]](#), «текущая современность» З. Баумана [\[1, с. 7-23\]](#), понятие дискурсивной власти и субъективации у М. Фуко), а также методы нарративного и дискурсивного анализа. В частности, предпринимается деконструкция традиционного героического образа предпринимателя и анализ медийных нарративов, формирующих множество новых ролей. Опираясь на междисциплинарный подход, работа сочетает философскую теорию, социологические исследования и культурологический разбор примеров из медиа. Это позволяет комплексно осветить трансформацию образа предпринимателя в контексте перехода от модерна к постмодерну.

Модернистский миф «титана индустрии»

Исторически образ предпринимателя в эпоху модерна формировался на фоне промышленной революции, колониальной экспансии и бурного роста капиталистической экономики. К концу XIX – началу XX века в общественном воображении утвердился образ так называемого «капитана индустрии» – талантливый индустриальный магнат, своей энергией и изобретательностью двигающий прогресс. Фигуры вроде Джона Д. Рокфеллера, Эндрю Карнеги или Генри Форда в США, а также крупных фабрикантов в Европе, превратились в культурных героев модерна, символизируя триумф частной инициативы. Подобный предприниматель мыслится как *self-made man* – «человек, сделавший себя сам», поднявшийся из низов благодаря трудолюбию, рациональности и смелым инновациям. Модернистское сознание наделяло его чертами титана, способного преобразовать мир силой разума и воли. Идеологически господство таких бизнес-лидеров обосновывалось через концепции вроде протестантской этики (М. Вебер) и социального дарвинизма Г. Спенсера, согласно которым богатство рассматривалось и как знак добродетели, и как результат естественного отбора. Сами «титаны» стремились легитимировать свое положение филантропией: так, Э. Карнеги провозглашал идею, что миллиардер обязан направлять свое состояние на общественное благо («Евангелие богатства», 1889), закрепляя образ предпринимателя как благородного героя [\[12, p. 653-657\]](#).

Этот героический нарратив предпринимательства поддерживался и в теории. Например, экономист Й. Шумпетер в первой половине XX века описал предпринимателя как центральную фигуру процесса «творческого разрушения», обеспечивающего обновление экономики [\[11\]](#). Шумпетер фактически романтизировал образ новатора-бизнесмена, утверждая, что истинный предприниматель – это своего рода бунтарь, выходящий за рамки рутинного «круговорота» и создающий нечто качественно новое. Такой индивид, по Шумпетеру, «наиболее рационален и эгоистичен из всех», менее других связан традицией, ибо призван нарушать устои и внедрять инновации [\[13, p. 120-123\]](#). В культуре модерна предприниматель предстает как гений-индивидуалист, чей личный успех отождествляется с прогрессом общества. Этот мотив прослеживается даже в массовой культуре – например, персонажи романа Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» (1957) возведены в ранг титанов, на которых аллегорически держится мир [\[9\]](#).

Однако столь возвышенный образ не оставался без критики. Марксистская традиция изначально рассматривала капиталиста-предпринимателя скорее как эксплуататора, присваивающего прибавочную стоимость за счет наемного труда [\[5\]](#). К. Маркс характеризовал капиталиста как «персонифицированный капитал», фанатично

стремящийся к саморазрастанию стоимости – даже ценой обездоливания рабочих. С этой точки зрения, «героизм» промышленников лишь прикрывал систематическую эксплуатацию и классовое неравенство. Функционалистские подходы в социологии середины XX века (например, теория модернизации) идеализировали роль предпринимателя как двигателя развития, но зачастую игнорировали негативные последствия индустриализма для общества. В реальности же индустриальные титаны созидали не только заводы, но и монополии, порождая острые социальные проблемы – от неравенства и опасных условий труда до экологических издержек. Уже в начале XX века возникла ироничная характеристика магнатов как «robber barons» – «бароны-грабители», подчёркивающая хищнические методы их обогащения [\[14\]](#).

Со временем общество все яснее осознавало двойственность наследия «титанов индустрии». Нарратив безусловного прогресса под их руководством стал вызывать сомнения. В эпоху антимонопольных реформ (разделение трестов вроде Standard Oil в 1911 г.) и последующих социальных преобразований образ всемогущего промышленника был отчасти демифологизирован. Во второй половине XX века, с развитием корпоративного менеджмента и государственным регулированием, фигура одиночки-магната отошла на второй план. Более того, историки и экономисты конца XX – начала XXI века отмечают, что многие легенды о непрерывном новаторстве предпринимателей не учитывают институциональных и политических факторов, способствовавших их успеху [\[15\]](#). Например, лоббирование выгодных законов и использование монопольной власти играли не меньшую роль, чем личная одаренность бизнес-лидера. Таким образом, модернистский миф о предпринимателе-титане, хотя и заложил фундамент культурного идеала бизнес-лидера, к концу XX века был во многом развенчан: выяснилось, что за фасадом героизма скрывались эксплуатация и противоречивые последствия для общества. В результате, на рубеже XX–XXI веков некогда цельный образ «титана индустрии» перестал восприниматься однозначно положительно. Его эволюция и разложение на противоречивые составляющие подготовили почву для постмодернистского переосмысления предпринимательской идентичности, о котором пойдет речь далее. Общество все больше видит в предпринимателе модерна двоякую фигуру: с одной стороны – творец прогресса, с другой – источник социальных потрясений. Этот сдвиг в восприятии открывает путь к трансформации самого нарратива предпринимательства, характерной для эпохи постмодерна.

Переход к постмодерну: размывание «больших нарративов»

Во второй половине XX века социально-экономический ландшафт претерпел радикальные изменения, подточившие основы прежнего героического нарратива. Индустриальное общество трансформировалось в постиндустриальное: на смену фабрикам и массовому производству пришла экономика услуг, информации и высоких технологий. Глобализация открыла национальные рынки для транснациональной конкуренции, усложнив стабильные карьерные траектории. Неолиберальные реформы 1980-х годов (дерегулирование, приватизация, снижение роли государства) провозгласили предпринимательство основой развития, стимулируя культ стартапов и индивидуальной инициативы. Однако вместе с тем усилились и риски: постоянные инновации и кризисы сделали экономику более волатильной, а занятость – нестабильной. В этих условиях прежняя уверенность в линейном прогрессе, ведомом великими индустриальными лидерами, пошатнулась.

Культурный контекст постмодерна, по меткому выражению Ж.-Ф. Лиотара, характеризуется «недоверием к метанарративам» [\[8, с. 10\]](#) – большим всеобъясняющим

идеям, вроде всемирного прогресса через науку и капитал. Это недоверие коснулось и нарратива предпринимательства: больше нельзя беспроblemно верить, что один герой-бизнесмен спасет общество своим гением. Вместо единого сюжета появляется множество локальных историй успеха и провалов. Постмодернистские мыслители, такие как Ж. Бодрийяр, указывали, что реальность постепенно растворяется в играх знаков и симуляций – общество заменило реальность и смысл символами и знаками [2]. В применении к предпринимательской сфере это означает усиление роли имиджей, брендов и медийных образов по сравнению с материальной стороной бизнеса. Имидж успешного предпринимателя превращается в автономный симулякр, транслируемый медиа, часто независимо от реальных достижений. Кроме того, с позиции деконструкции (Ж. Деррида) любой «естественный» образ предпринимателя разбирается на дискурсивные конструкции – выявляются скрытые предпосылки и риторические приемы, через которые создавался его героический ореол.

Все эти сдвиги привели к коренному изменению самопонимания предпринимателя. Если модерн предлагал относительно стабильный идеал (рациональный производственник, строящий «веками» свою империю), то постмодерн выдвигает на первый план гибкость и адаптивность. Предприниматель больше не монолитный титул, а подвижная совокупность ролей, меняющихся в зависимости от контекста. В быстро меняющейся рыночной среде ценятся способность к постоянному обучению, готовность к смене курса и креативность. Появился тип «серийного предпринимателя», запускающего ряд стартапов один за другим, вместо того чтобы всю жизнь отождествлять себя с одной компанией. Идентичность становится проектом с открытым финалом – ее приходится конструировать и реконструировать на ходу. Как отмечает З. Бауман, современному индивиду предлагается «свобода стать кем угодно» [1, с. 70], но эта свобода оборотной стороной несет неопределенность и временность закрепляемых ролей. В результате от модернистского героизма предпринимательства остается лишь один из возможных сценариев – наряду с множеством других, подчеркнуто ситуационных и относительных. Гибкость, инновационность, способность к самопрезентации вытесняют черты прометеевского промышленника, формируя новое понимание того, что значит быть предпринимателем в постмодернистскую эпоху.

Переход к цифровой эпохе также сыграл свою роль: развитие компьютеров и Интернета в конце XX века создало новые ниши для предпринимательства, снижая барьеры входа на глобальные рынки. В результате изменилась и доминирующая фигура предпринимателя: вместо фабриканта или финансиста ею стал технический новатор, «айтишник», способный основать миллиардную компанию из гаража. Такие истории стали частью новой мифологии (пример – легенда об истоках Apple в гараже Джобса), но они гораздо более разнообразны и краткосрочны по сути, чем вековые династии индустриальной эры.

Важно, что постмодерн открыл пространство для альтернативных предпринимательских нарративов. Помимо сугубо коммерческого образа, возник дискурс социального предпринимательства – бизнесмена как агента социальных изменений, решающего общественные проблемы, а не только извлекающего прибыль. Популяризация экологического сознания, прав человека и гендерного равенства привела к переосмыслению того, кто может быть предпринимателем. Критики указывали, что модернистский «герой-бизнесмен» был почти исключительно мужчиной и представителем Запада; теперь же все громче звучат истории женщин-предпринимателей, стартаперов из развивающихся стран, представителей креативных индустрий и т.д. Идентичность предпринимателя становится плюралистичной, контекстуальной – нет единой модели,

признанной единственно верной.

В сфере труда произошел сдвиг от модели «карьера на всю жизнь» к проектному подходу. Вместо линейного восхождения по карьерной лестнице – серия временных проектов, контрактов, стартапов. Это означает, что сам индивид вынужден все больше вести себя как «предприниматель собственной карьеры»: планировать личный бренд, приобретать новые компетенции, постоянно переопределять свою профессиональную роль. Таким образом, гибкость и неустойчивость становятся нормой не только для бизнеса, но и для идентичности людей в бизнесе. Предприниматель сегодня может поочередно выступать и основателем, и наемным менеджером, и инвестором, и «евангелистом» какой-либо идеи – переходя из роли в роль в зависимости от возможностей. Его самоидентификация менее фиксирована и более подвержена влиянию внешних дискурсов (моды, трендов, ожиданий рынка), чем у его модернового предшественника.

Конструирование предпринимательской идентичности в медиа и культуре

В постмодернистскую эпоху средства массовой информации и популярная культура становятся ключевыми аренами, на которых выстраивается образ предпринимателя. Маркетинговый и деловой дискурс все более сознательно использует приемы сторителлинга – создания захватывающего нарратива вокруг компании и ее основателя. Культ стартапов поощряет рассказы о «гении в гараже», превратившие истории успеха таких фирм, как Apple или Google, в современный эпос. Практически каждый стартап сегодня имеет свою легенду о возникновении, предназначенную для инвесторов и прессы. В бизнес-медиа формируется шаблон: харизматичный (чаще молодой) основатель, бросивший вызов статус-кво и достигший успеха упорством и инновацией. Этот нарратив упрощает реальность, но чрезвычайно эффективен для вовлечения аудитории и вдохновения новых предпринимателей. Как отмечают исследователи, предпринимательство лежит в основе мифологии технологической индустрии, подпитывая безоговорочную веру в стартап-героев и их инновации.

Однако подобное мифотворчество ведет и к эффекту отчуждения. Жизненные истории реальных предпринимателей нередко «подгоняются» под удобный сюжет, что создает разрыв между публичным образом и действительностью. Медийный дискурс избирательно высвечивает успехи и сглаживает провалы, формируя идеализированный образ. Это может порождать у широкой публики завышенные ожидания и иллюзии. Молодые люди, вдохновленные примерами «стартап-единорогов», сталкиваются с когнитивным диссонансом, когда реальный предпринимательский путь оказывается гораздо труднее и прозаичнее, чем показано в мотивирующих роликах. Можно говорить о своеобразном медийном конвейере производства смыслов, где конкретные биографии превращаются в тиражируемые кейсы. В итоге и сами предприниматели порой начинают жить по законам придуманного для них сюжета, стремясь соответствовать медийному идеалу «успешного лидера», что психологически отдаляет их от собственного аутентичного опыта. Такой дисбаланс между образом и реальностью – проявление постмодернистского разрыва между знаком и значением, о котором писал Бодрийяр [\[2\]](#).

Поп-культура добавляет новые грани в конструирование предпринимательской идентичности. Кинематограф и телевидение предложили широкой аудитории драматичные образы бизнес-лидеров. Фильмы вроде «Социальная сеть» (2010) показали противоречивый путь молодого технологического предпринимателя, совмещая элементы восхождения героя и антикритики его методов. Биографические драмы о Стиве Джобсе или основателях крупных компаний превратили историю бизнеса в популярный жанр.

Параллельно реалити-шоу сделали предпринимательство объектом массового развлечения. Передачи типа «The Apprentice» или «Акулы бизнеса» (аналог «Shark Tank») инсценируют бизнес как игру на выбывание, где стартаперы соревнуются за одобрение инвесторов-знаменитостей. Миллионы зрителей наблюдают, как воплощается американская мечта или разбивается о жесткие вопросы жюри – тем самым предпринимательский нарратив spektakляризируется, превращается в шоу. Результатом стало превращение некоторых бизнесменов в поп-звезд: например, Дональд Трамп из магната недвижимости через телевизионный образ «главного босса» стал общенациональным символом агрессивного предпринимательства, что в итоге поспособствовало его политической карьере.

Интернет и особенно социальные сети еще более радикально изменили способы презентации предпринимателей. Появился феномен инфлюенсеров – лидеров мнений, которые выстраивают личный бренд в онлайн и монетизируют свое влияние. Многие успешные предприниматели сами становятся инфлюенсерами, активно присутствуя в Twitter, Instagram, YouTube, VK, Rutube, где они напрямую общаются с аудиторией и формируют свой имидж. Идентичность бизнес-лидера теперь транслируется не только через официальные биографии и интервью, но и через ежедневные посты, блоги, подкасты. Это создает эффект близости: основатель стартапа может в реальном времени делиться мыслями о продуктивности или показывать закулисы компании, создавая ощущение «прозрачности» образа. Однако такая медиатизация накладывает и обязательства – предприниматель должен постоянно поддерживать интерес к своей персоне, придерживаться определенного стиля коммуникации, фактически круглосуточно выполнять роль «лица» бренда. Границы между личной и профессиональной идентичностью размываются: профили в соцсетях совмещают деловой контент с элементами личной жизни, а любые поступки сразу становятся достоянием общественности.

В условиях соцсетей утвердилась идея «самобрендинга»: каждое публичное лицо, и тем более предприниматель, должно намеренно строить образ, выделяющий его среди других. Консультанты по управлению еще в конце XX века призывали: «думай о себе как о бренде». Теперь это стало массовой практикой – от генерального директора до фрилансера. Предпринимательская идентичность все более осознается как нечто сконструированное: совокупность сообщений, визуальных образов и ценностей, транслируемых целевой аудитории. При этом одно и то же лицо может предъявлять разные свои грани на разных платформах: например, на LinkedIn подчеркивать профессиональные достижения, а в Instagram – lifestyle и личные увлечения, превращая себя одновременно и в эксперта, и в «звезду» для подписчиков. Такая множественность ролей стала новой нормой. Она дает возможности для самовыражения и расширения влияния, но и требует постоянного балансирования между искренностью и стратегией. Малейший промах – неудачное высказывание, скандал – способен моментально разрушить онлайн-репутацию, что делает управление ею критически важным элементом предпринимательской деятельности.

Таким образом, медиа и культура постмодерна оказывают двойственное влияние на образ предпринимателя. С одной стороны, они обогащают его новыми сюжетами, делают ближе и понятнее массовой аудитории через истории и образы. С другой стороны, они же усиливают симулятивность – когда внешняя картинка начинает жить собственной жизнью, порой затмевая реальность. Предприниматель вынужден становиться одновременно и реальным деятелем, и героем медийного повествования, и менеджером собственного образа. Его идентичность в значительной мере формируется на экране –

телевизора, компьютера, смартфона – и это неотъемлемая черта предпринимательства в XXI веке.

Платформенная экономика и «предприниматель самого себя»

Рост цифровых платформ в последние два десятилетия привел к дальнейшей индивидуализации и коммерциализации труда. Сервисы вроде Uber, YandexGo, Airbnb, YouTube, VK и множество фриланс-бирж внедрили новую логику, при которой каждый участник действует как независимый предприниматель, даже если, по сути, он остается частью крупной корпоративной экосистемы. В платформенной экономике человек предоставляет личные ресурсы – автомобиль, жилье, время, талант – напрямую потребителям через посредничество глобальной онлайн-площадки. Такая модель преподносится как демократизация бизнеса: «стань сам себе начальником», «зарабатывай в удобное время». Действительно, миллионы людей получили возможность монетизировать свои навыки и имущество без традиционных барьеров. Водитель такси теперь именуется «партнером» сервиса и сам решает, когда работать; владелец квартиры превращается в мелкого предпринимателя в сфере гостеприимства; автор видеоканала конкурирует с телесетями.

Однако за риторикой свободы скрывается иная сторона: платформа жестко задает правила игры и берет комиссию, фактически контролируя распределение доходов. Формально работая «на себя», индивидуалы на деле зависят от алгоритмов рейтингов и поиска, от отзывов пользователей и условий, устанавливаемых корпорацией. Новая модель труда во многом размывает грань между работником и предпринимателем, но вместе с тем переносит рыночные риски на личность. Труд становится все более проектным, отрывочным: водитель YandexGo – предприниматель ровно до тех пор, пока есть заказы через приложение; популярность блогера непрочна и требует постоянного поддержания внимания аудитории. Таким образом, платформенная экономика усиливает то, что социолог Г. Стэндинг назвал «прекарностью» – состояние незащищенности и нестабильности труда, маскируемое привлекательной идеей всеобщего предпринимательства [\[16\]](#).

Вместе с тем платформы порождают и новый тип самопредставления. Каждому участнику приходится выстраивать мини-бренд и управлять своей репутацией. Водители следят за звездным рейтингом и отзывами клиентов, стараясь повысить «привлекательность сервиса» – по сути, они занимаются маркетингом собственной личности. Пользователи Airbnb оформляют страницы жилья с профессиональной тщательностью, включая фотографии, истории о себе как о гостеприимном хозяине, – те же элементы сторителлинга. Фрилансеры на онлайн-площадках вынуждены постоянно конкурировать за проекты, буквально продавая себя (свой профиль, портфолио, отзывы) как продукт. Даже наука получила термин *prosumer* (производитель-потребитель), отражающий слияние ролей: клиент сервиса одновременно выступает мелким предпринимателем на платформе. Грань между личной и профессиональной идентичностью стирается – индивид всегда «при деле», всегда в образе услужливого поставщика услуг. Это новое измерение предпринимательской идентичности: она тиражируется на массу людей, которые раньше воспринимались просто как работники или потребители, а теперь осмысливают себя через призму бизнес-ролей.

Описанные изменения хорошо укладываются в концепцию «предпринимателя самого себя», разработанную Мишелем Фуко. В лекциях 1978–79 годов Фуко отметил, что неолиберализм переформатирует субъектность: теперь человек мыслим как капитал и предприятие, которым он должен управлять. «... заменяющих *homo economicus* как

партнера обмена на homo economicus как самому себе антрепренера, который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов. » [\[6, с. 285\]](#). В этом определении запечатлена суть биополитической рациональности позднего капитализма: каждый индивид обязан относиться к себе как к компании, инвестировать в свое развитие (образование, здоровье, имидж) и нести ответственность за результаты. Государство и институты скорее побуждают, чем принуждают – через дискурс мотивации, успеха, необходимости «быть конкурентоспособным». В результате человек внутренне усваивает установки самодисциплины и самоконтроля. Собственное тело и психика превращаются в объекты менеджмента: отсюда всплеск популярности трекинга продуктивности, здорового образа жизни как моральной обязанности, различных тренингов личностного роста. Предпринимательский этос распространяется на все сферы жизни, формируя того, кого Фуко называл «управляемым, но автономным субъектом» – идеального адресата власти, который сам себя направляет согласно заложенным экономическим целям.

Философия постмодерна развивает эту тему, акцентируя, что субъект в таких условиях становится одновременно эксплуататором и эксплуатируемым. Б.-Ч. Хан образно пишет, что современный индивид – это «подвергающий себя эксплуатации добровольный труженик», объединяющий в себе и хозяина, и рабочего [\[7\]](#). При отсутствии внешнего принуждения люди загоняют себя в новые формы трудовой зависимости – добровольно перерабатывают, превращая «любимое дело» в бесконечный изнуряющий проект. Хан характеризует наше время как «общество достижений», где мы уже не просто подчиняемся дисциплине, а одержимы продуктивностью: его обитатели – больше не «субъекты повиновения», но «субъекты-достижения». Они – предприниматели самих себя [\[7, с.55-64\]](#). Достижение успеха становится императивом, а неудача – личной виной. В результате возникает парадокс: неолиберальная культура провозглашает автономию личности, но эта автономия оборачивается тотальным конформизмом к рыночным требованиям. Человек нового типа должен непрестанно изобретать и продавать себя заново – иначе он «выпадает из игры». «Безграничное “мочь” — вот позитивный модальный глагол общества достижений. Его коллективная множественная форма в утверждении “Yes, we can” как раз выражает позитивный характер общества достижений. На место запрета, приказа и закона встают проект, инициатива и мотивация. Дисциплинарным обществом все еще управляет “Нет”. Его негативность производит сумасшедшего и преступника. Общество достижений, в свою очередь, порождает больного депрессией и неудачника» [\[7, с. 57\]](#).

Постмодернистская деконструкция обнаруживает, что идентичность в условиях платформенного капитализма окончательно теряет стабильное ядро. Она распадается на набор ролей и симулякров, циркулирующих в цифровом пространстве. Личный бренд предпринимателя может полностью заслонить его реальное «я», превратившись в самодовлеющий образ. Иногда это приводит к экстремальным кейсам, когда имидж успеха поддерживается любой ценой, вплоть до обмана – показателен пример стартапа Theranos, где харизма основательницы и привлекательная легенда фактически заменили собой отсутствующую технологию, пока иллюзия не рухнула. Подобные случаи демонстрируют власть символического капитала: репутация, доверие и внимание становятся столь же важны, как и материальные результаты. Репутационный аспект «предпринимателя самого себя» чрезвычайно уязвим – цифровая память хранит ошибки, негативные отзывы мгновенно распространяются. Поэтому управление впечатлением и рисками становится частью повседневной работы предпринимателя. Каждая коммуникация – твит, пост, комментарий – оценивается как вклад в личный капитал

доверия или, напротив, как угроза ему. По сути, современный предприниматель – это менеджер не только своего дела, но и своей публичной идентичности.

Таким образом, в платформенно-цифровую эпоху завершается сдвиг, наметившийся в постмодерне: предпринимательская идентичность становится динамическим проектом самопрезентации, непрерывной работой над собой. Каждый человек в определенном смысле втягивается в предпринимательский дискурс, вынужден соревноваться на «рынке личностей». Как резюмирует Хан, ныне каждый является предпринимателем собственной идентичности и вынужден неустанно трудиться на службу своим предпринимательским амбициям [7, с. 55, 144-145]. Это приносит новые возможности самореализации – но и новые формы зависимости, стресса и контроля, хотя и невидимого. Предприниматель окончательно превращается из фиксированной социальной роли в многомерный конструкт, поддерживаемый им самим и окружающим обществом.

Заключение

Проведенный анализ показывает разительный контраст между модернистским и постмодернистским нарративами предпринимательства. В эпоху модерна предприниматель обладал относительно цельной идентичностью – он воспринимался как герой-инноватор, чьи личные качества (решимость, рациональность, харизма) напрямую ведут общество к прогрессу. Этот образ был поддержан доминирующим метанарративом веры в научно-технический и экономический прогресс, имевшим четкую этическую окраску: предприниматель выступал благодетелем, «прометеєм» модернизации. Напротив, в постмодерне любая подобная всеобъемлющая схема распалась. Предпринимательская идентичность раздробилась на множество возможных ролей и интерпретаций, ни одна из которых не претендует на универсальность. Современный предприниматель может быть и высокотехнологичным стартапером-«гиком», и социальным активистом-бизнесменом, и инфлюенсером, торгующим своим образом жизни – и все эти варианты сосуществуют, порой сочетаясь в биографии одного человека.

Дилемма аутентичности стала центральной в новых условиях. Если модернистский индустриальный лидер мог не задумываться о «подлинности» своего образа – он просто действовал согласно социальной роли промышленника, – то постмодернистский предприниматель неизбежно рефлексировал над своей самопрезентацией. Когда идентичность является конструкцией, возникает вопрос: а что же «настоящий я»? Стремление выглядеть успешным, харизматичным, соответствующим ожиданиям инвесторов и публики может вступать в конфликт с внутренними ощущениями. Многие предприниматели XXI века балансируют между искренней самореализацией и необходимостью играть определенную роль. Эта ситуация подтверждает правоту классика социологии Э. Гофмана, сравнившего социальную жизнь с театром: предприниматель сегодня фактически становится и режиссером, и исполнителем собственной «постановки» [4]. Граница между человеком и его образом размыта, и поиски аутентичности становятся непрерывной задачей. Как заметил З. Бауман, само понятие «идентичность» отсылает нас к образу логичности и последовательности – к тому, чего так не хватает в текущем опыте постмодерна [1]. Индивид пытается «затвердить текучее», обрести целостность, но сталкивается с тем, что современная культура поощряет постоянное изменение и перформативность.

Возникает также вопрос о степени свободы и манипуляции в формировании идентичности. С одной стороны, постмодерн освободил человека от жестких рамок – больше нет единого канона, которому он должен соответствовать, и это открывает

простор для творчества и самостроительства. Предприниматель может выбрать тот образ и ту стратегию самопрезентации, которые ближе его ценностям, и через них найти свою нишу. Такая ситуация теоретически благоприятна для подлинной самореализации: каждый создает свою собственную историю, не навязанную «свыше». С другой стороны, сама необходимость непрерывно конструировать себя может рассматриваться как новая форма давления. Вместо того чтобы просто «быть самим собой», индивид вынужден постоянно оценивать себя внешним взглядом, как бы управлять маркетинговой кампанией собственного «я». Некоторые философы указывают на элемент манипуляции: и системой (которая навязывает идеал бесконечно пластичного, продуктивного субъекта), и самим предпринимателем, который может сознательно выстраивать образ для извлечения выгоды. Граница между самовыражением и саморекламой делается все более тонкой.

Философские последствия трансформации предпринимательской идентичности многозначны. Во-первых, она ставит под сомнение классические представления о субъекте как о стабильном, автономном источнике действий. Постмодернистский предприниматель – субъект децентрированный, в значительной степени порождаемый внешними дискурсами (экономическими, медийными, культурными). Это согласуется с постструктуралистской идеей о «смерти автора» и конструируемости «я». Но в практическом плане такое положение дел вызывает экзистенциальную тревогу: если нет устойчивого ядра, на чем основывать жизненные выборы и этические принципы? Во-вторых, происходящие изменения поднимают вопросы об этике бизнеса. Когда имидж может не соответствовать реальности, как гарантировать доверие и ответственность? Если предприниматель – актер, играющий роль, то где проходит грань между допустимым «имидж-мейкингом» и обманом? Современные скандалы с компаниями-«однодневками» и фальсификацией отчетности отражают этот кризис аутентичности и доверия.

Еще один важный аспект – влияние новых идентичностных практик на общественные отношения. Если каждый – «предприниматель самого себя», то общество превращается в совокупность конкурентов, что чревато ослаблением солидарности. Уже сейчас исследователи отмечают размывание границ между рабочим временем и личной жизнью, рост тревожности и синдрома выгорания среди стартаперов и фрилансеров. Это свидетельствует о том, что бесконечная гибкость и самоэксплуатация имеют человеческую цену. Возможно, впереди нас ждет ценностный пересмотр: как сбалансировать свободу самовыражения с потребностью в устойчивой идентичности? Как сохранить человеческое измерение в мире, где все – потенциал для капитализации? Эти вопросы выходят за рамки сугубо экономической повестки и обращаются к самым основам того, как мы понимаем себя и свою деятельность.

Подытоживая, можно отметить: переход от героического модерна к постмодернистскому множеству ролей в предпринимательстве означает не просто смену образов, но и глубинную перестройку отношений между индивидуумом, обществом и экономикой. Предприниматель из легендарного «титана», стоящего над массами, превратился в имманентную часть сетевого общества – узловую точку множества коммуникаций и влияний. Его идентичность уже не дана раз и навсегда, а становится процессом, отражающим текучесть нашего времени. Осознание этого процесса, подкрепленное идеями постмодернистской философии, позволяет глубже понять не только сам феномен предпринимательства, но и более широкие изменения в том, как человек конструирует свое «я» в современном мире. Его образ будет дальше меняться вместе с эволюцией дискурсов, а философское осмысление предпринимательства останется востребованным, помогая критически сопровождать эти процессы.

Библиография

1. Бауман З. Текучая современность. - М. [и др.]: Питер, 2008. - 238 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. - М.: ПОСТУМ, 2016. - 238 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. - М.: АСТ, 2020. - 316 с.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. - М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. - 302 с.
5. Маркс К. Г. Капитал. Критика политической экономии. - М.: Прогресс, 1979. - 491 с.
6. Фуко М. Рождение биополитики. - СПб.: Наука, 2010. - 446 с.
7. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. - М.: АСТ, 2023. - 158 с.
8. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. - СПб.: Алетейя, 1998. - 159 с.
9. Рэнд А. Атлант расправил плечи. - М.: Альпина Паблишер, 2008. - 434 с.
10. Шумпетер Й. Теория экономического развития. - М.: Прогресс, 1982. - 455 с.
11. Reinert H., Reinert E. S. Creative destruction in economics: Nietzsche, Sombart, Schumpeter // Friedrich Nietzsche (1844-1900) Economy and Society. - 2006. - Pp. 55-85.
12. Carnegie A. Wealth // The North American Review. - 1889. - № 391. - Pp. 653-664.
13. Diamond Jr A. M. Schumpeter's creative destruction: A review of the evidence // Journal of Private Enterprise. - 2006. - № 1. - Pp. 120-146.
14. Josephson M. The robber barons: The great American capitalists, 1861-1901. - Houghton Mifflin Harcourt, 1962. - 474 p.
15. Williams C. C., Nadin S. J. Beyond the entrepreneur as a heroic figurehead of capitalism: re-representing the lived practices of entrepreneurs // Entrepreneurship & Regional Development. - 2013. - Vol. 25. - № 7-8. - Pp. 552-568. DOI: 10.1080/08985626.2013.814715 EDN: YDYZP.
16. Standing G. The precariat: The new dangerous class. - Bloomsbury academic, 2011. - 208 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена трансформации образа и самоидентификации предпринимателя в контексте перехода от модерна к постмодерну. Автор исследует эволюцию предпринимательской идентичности от монолитного образа "титана индустрии" к фрагментированному множеству ролей в современной цифровой экономике. В работе прослеживается, как изменились нарративы, формирующие самопонимание и общественное восприятие предпринимателей в XXI веке.

Методология исследования

Автор использует междисциплинарный подход, сочетающий философско-социологический анализ с элементами культурологии. Методологическая база включает концепции постмодернистской философии (работы Лиотара, Бодрийяра, Баумана, Фуко), а также методы нарративного и дискурсивного анализа. Автор прибегает к деконструкции традиционного героического образа предпринимателя и анализу медийных нарративов.

Методология в целом адекватна поставленным задачам, однако в статье отсутствует

четкое описание эмпирической базы исследования. Автор анализирует трансформацию образов и нарративов, но не указывает конкретные источники (медиа-тексты, кейсы, интервью), на которых основаны выводы. Это снижает верифицируемость результатов.

Актуальность

Проблематика статьи, безусловно, актуальна. Трансформация предпринимательской идентичности отражает глубинные изменения в экономике и культуре современного общества. Исследование выходит за рамки функционалистского подхода к предпринимательству, характерного для экономических и менеджериальных дисциплин, и предлагает более глубокий философско-культурологический анализ. В эпоху платформенной экономики, когда границы между предпринимателем и наемным работником размываются, такой подход представляется особенно своевременным.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в применении постмодернистской оптики к анализу предпринимательской идентичности. Автор убедительно показывает переход от монолитного образа "титана индустрии" к фрагментированному множеству ролей современного предпринимателя. Ценным вкладом является анализ влияния цифровых платформ и социальных медиа на формирование новых предпринимательских идентичностей. Концепция "предпринимателя самого себя" (в развитие идей Фуко) получает в статье интересное развитие применительно к реалиям платформенной экономики.

Однако новизна работы несколько снижается из-за преимущественно реферативного характера изложения. Автор компетентно обобщает существующие концепции (в частности, идеи Фуко, Баумана, Хана), но собственный теоретический вклад представлен недостаточно отчетливо.

Стиль, структура, содержание

Структура статьи логична и последовательна. Автор движется от анализа модернистского мифа "титана индустрии" через рассмотрение перехода к постмодерну к анализу современных нарративов предпринимательской идентичности в медиа и платформенной экономике. Заключение обобщает основные выводы и намечает перспективы дальнейшего исследования.

Стиль изложения научный, с необходимыми элементами философской рефлексии. Текст читается легко, автор избегает излишней терминологической перегруженности. В то же время местами заметны повторы мыслей и концепций (например, идеи о предпринимательстве как самобрендинге повторяются в разных разделах без существенного развития).

Содержательно статья представляет целостное исследование трансформации предпринимательской идентичности. Автор убедительно показывает эволюцию от модернистского образа "титана индустрии" к фрагментированной идентичности современного предпринимателя. Особенно удачными представляются разделы о конструировании предпринимательской идентичности в медиа и о "предпринимателе самого себя" в платформенной экономике.

Библиография

Библиография статьи включает как классические работы (Маркс, Вебер, Гофман), так и

труды постмодернистских философов (Лиотар, Бодрийяр, Фуко, Бауман). Список источников в целом релевантен теме исследования.

Однако заметны и определенные пробелы. В статье отсутствуют ссылки на современные эмпирические исследования трансформации предпринимательской идентичности. Автор также не использует актуальные работы по платформенной экономике (например, труды Ника Срничека о "платформенном капитализме") и цифровой культуре. Русскоязычные исследования представлены недостаточно, хотя проблематика предпринимательской идентичности активно разрабатывается и в отечественной науке.

Апелляция к оппонентам

Автор учитывает альтернативные точки зрения на предмет исследования. В частности, критически рассматривается марксистская критика предпринимательской фигуры, а также функционалистские подходы к предпринимательству. Однако в целом полемический аспект статьи развит недостаточно. Автор скорее излагает различные концепции, чем вступает в диалог с оппонентами. Отсутствует и критическое осмысление используемого постмодернистского инструментария, что создает впечатление некоторой догматичности в принятии этой теоретической рамки.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы статьи обоснованы и логично вытекают из предшествующего анализа. Автор убедительно показывает радикальную трансформацию предпринимательской идентичности в постмодернистскую эпоху. Особую ценность представляет вывод о том, что современный предприниматель становится "менеджером не только своего дела, но и своей публичной идентичности".

Статья представляет интерес для широкого круга читателей: философов, социологов, культурологов, исследователей предпринимательства и цифровой экономики. Теоретические положения работы могут быть использованы для дальнейшего эмпирического исследования трансформации предпринимательских практик в цифровую эпоху.

Заключение

Статья "Нарративы идентичности предпринимателя: от героического модерна к постмодернистскому множеству ролей" представляет собой актуальное и оригинальное исследование трансформации предпринимательской идентичности. Несмотря на отмеченные недостатки (недостаточность эмпирической базы, некоторая реферативность изложения, пробелы в библиографии), работа демонстрирует высокий уровень теоретического осмысления проблемы и содержит ценные наблюдения о современных тенденциях в формировании предпринимательских идентичностей.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Глуховский А.С., Сергиенко А.Ю. Роль концепта «абдукции агентности» в индейском перспективизме Эдуарду Вивейруша де Кастру и возможность его применения в исследованиях технологий // Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.74027 EDN: TYUENP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74027

Роль концепта «абдукции агентности» в индейском перспективизме Эдуарду Вивейруша де Кастру и возможность его применения в исследованиях технологий

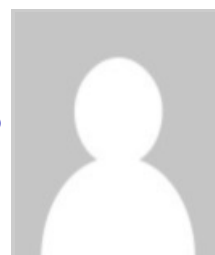
Глуховский Андрей Сергеевич

ORCID: 0000-0003-0052-0180

преподаватель; институт международного развития и партнерства; Университет ИТМО аспирант; Центр практической философии "Стасис"; Европейский университет в Санкт-Петербурге

197101, Россия, г. Санкт-Петербург, Петроградский р-н, Кронверкский пр-кт, д. 49

✉ glukhovsky.andrew@gmail.com

Сергиенко Алексей Юрьевич

аспирант; Центр практической философии «Стасис»; Европейский университет в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А

✉ asergienko@eu.spb.ru

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.74027

EDN:

TYUENP

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2025

Дата публикации:

11-04-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию концепта «абдукции агентности», задействованного бразильским антропологом Эдуарду Вивейрушем де Кастру в его

концепции индейского перспективизма. В статье утверждается и доказывается, что понимание «абдукции агентности» Вивейрушем де Кастру отличается от того, как его понимает автор этого концепта, британский антрополог Альфред Желл. Предметом исследования выступает концепт «абдукции агентности», рассмотренный в контексте его неоднозначного понимания двумя этими антропологами. Основная цель работы — прояснить смысл, функции и специфику этого концепта в концепции индейского перспективизма Вивейруша де Кастру. Такое прояснение позволяет продемонстрировать потенциал концепта «абдукции агентности» для философско-антропологического анализа взаимодействия человека с технологиями, что является одной из задач статьи. Другими задачами являются, во-первых, описание общего смысла концепта абдукции путем обращения к работам Чарльза Сандерса Пирса, Грегори Бейтсона, Умберто Эко, Лоренцо Маньяни и Резы Негарестани; во-вторых, выявление роли концепта «абдукции агентности» в работах Желла; а в-третьих, доказательство того, что понимание «абдукции агентности» Вивейрушем де Кастру преодолевает критику этого концепта со стороны британского антрополога Тима Ингольда. Методологическая основа включает историко-герменевтический анализ абдукции в истории философии (от Ч. С. Пирса до современных авторов) и критически-объективное сопоставление трактовок Желла и Вивейруша де Кастру. Научная новизна статьи заключается в систематизации концепта «абдукции агентности», что устраняет пробел в исследованиях творчества Вивейруша де Кастру и открывает перспективы для его интеграции в философию техники и этику искусственного интеллекта. Практическая значимость работы связана с возможностью использования концепта для моделирования нелинейных взаимодействий человека с технологиями, где гипотезы формируются в процессе динамической адаптации к изменчивым условиям. Выводы статьи ставят под сомнение критику Ингольда, демонстрируя, что «абдукция агентности» в трактовке Вивейруша де Кастру не противоречит идее творчества как импровизации, а, напротив, обогащает её, предлагая новый инструмент для междисциплинарных исследований. Другим значимым результатом статьи является демонстрация возможности применения концепта «абдукции агентности» в модели описания взаимодействия человека с технологиями, в частности с искусственным интеллектом.

Ключевые слова:

абдукция агентности, индейский перспективизм, Вивейруш де Кастру, Альфред Желл, Тим Ингольд, творчество, импровизация, селективная абдукция, манипулятивная абдукция, искусственный интеллект

Введение

Бразильский антрополог Эдуарду Вивейруш де Кастру в книге «Каннибальские метафизики» и в статье «Обмен перспективами» при описании своей концепции индейского перспективизма задействует концепт «абдукции», который он вслед за английским социальным антропологом Альфредом Желлом конкретизирует как «абдукцию агентности» [\[1, 2\]](#). При этом Вивейруш де Кастру оставляет оба концепта без дальнейшего развития и объяснения всех деталей их применения в изучении принципов индейского мышления. Несмотря на то, что первое исследование абдукции было осуществлено американским логиком и родоначальником прагматизма Чарльзом Сандерсом Пирсом во второй половине XIX века, часть её свойств, принципов функционирования и правил применения всё еще не уточнены в достаточной для

выработки единой позиции относительно её природы степени [3]. Так, финский логик Яакко Хинтика в конце 20 века называл абдукцию центральной проблемой современной эпистемологии [4], что подтверждается и сегодня в исследованиях способов реализации абдукции в искусственном интеллекте, которые сталкиваются с рядом затруднений при формализации процесса выдвижения и принятия гипотез [5, 6]. Наличие множества различных подходов к абдукции требует прояснения того, как автор, задействующий этот концепт в своих текстах, сам понимает его. Вивейруш де Кастру же не осуществляет такого прояснения.

Отсутствие исчерпывающей конкретизации концепта «абдукции агентности», который в работах Вивейруша де Кастру принимает несколько другое значение, нежели в книге Джелла «Искусство и агентность», приводит к излишним затруднениям в понимании творчества бразильского антрополога. В связи с этой проблемой основной целью этой статьи является прояснение роли концепта «абдукции агентности» в индейском перспективизме Вивейруша де Кастру. Для её выполнения мы сначала описываем обобщенное понимание абдукции в логике и философии, обращаясь к работам Чарльза Сандерса Пирса, Грегори Бейтсона, Умберто Эко, Лоренцо Маньяни и Резы Негарестани. Затем мы демонстрируем, какой смысл вкладывает Альфред Джелл в свой концепт «абдукции агентности». Далее, опираясь на полученный в ходе двух первых шагов материал, определяем место «абдукции агентности» в концепции индейского перспективизма Вивейруша де Кастру и отвечаем на вопрос о том, зачем он использует этот принцип. В завершении статьи мы описываем возможный вариант применения концепта «абдукции агентности» в качестве элемента модели описания взаимодействия человека с технологиями в сложных и динамических социотехнических системах. Возможность выполнения этой задачи открывается благодаря достижению основной цели нашей статьи.

Таким образом, предметом нашего исследования выступает концепт «абдукции агентности» в контексте его неоднозначного понимания двумя антропологами – Джеллом и Вивейрушем де Кастру. Методами исследования выбраны историко-герменевтический и критически-объективный: первый метод направлен на изучение концепта абдукции в истории логики и философии, а второй на сопоставление двух пониманий концепта «абдукции агентности» для их более детального прояснения, а также при описании использования этого концепта в философско-антропологических исследованиях технологий. Научная новизна статьи определяется тем, что до сих пор в отечественной и зарубежной литературе отсутствует отдельное и систематизированное исследование концепта «абдукции агентности». Такое положение дел препятствует дальнейшему развитию этого концепта и полноценной демонстрации его важности для современной философской антропологии, а также философии и этики науки и техники.

Наше исследование вступает в дискуссию со влиятельной статьёй другого современного британского антрополога Тима Ингольда «Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов», а именно с утверждением об ошибочности определения творчества как абдуктивного процесса [7, с. 44-45]. Исходя из этого утверждения, Ингольд обвиняет Джелла в редукции творческого процесса к абдукции, а жизни к агентности. Абдукцию он определяет как движение от объекта «через последовательность antecedentных условий до беспрецедентной идеи в разуме агента» [7, с. 44]. Такое движение он называет движением «назад», тогда как творческая активность – это движение «вперед». Основой творческого процесса вместо абдукции Ингольд видит импровизацию, которую он, опираясь на концепт «линии ускользания»

Делеза и Гваттари [\[8\]](#), определяет как следование постепенно разворачивающимся путям мира. Эти пути, линии ускользания, не структурированы, а смешаны в сплетение, и поэтому следование за ними — это импровизация, творческий процесс, не предполагающий возможности заранее подготовиться и определить нужный маршрут следования. Ингольд спорит с Джеллом в контексте искусства, так как последний описывает концепт «абдукции агентности» преимущественно в этой сфере. И если рассматривать абдукцию только так, как её понимает Джелл, то согласиться с утверждениями Ингольда можно. Тем не менее, более детальное изучение абдуктивного процесса демонстрирует, что он соответствует описанному Ингольдом творческому процессу, основанного на импровизации. Более того, в тексте Джелла также обнаруживаются аспекты абдукции, выходящие за пределы контекста искусства, которые сигнализируют о том, что он наделяет её более широким значением, нежели движение от объекта к идее в разуме агента. Эти аспекты самим Джеллом не прояснены в достаточной степени, что затрудняет их понимание. В большей мере соответствие «абдукции агентности» пониманию Ингольда творческого процесса демонстрируется в концепции индейского перспективизма Вивейруша де Кастру.

Общий смысл абдукции как базовой операции рассуждения.

Впервые подробное описание абдукции как вида простого умозаключения произвел американский логик Ч. С. Пирс. Основной смысл нового термина, обозначающего вид гипотетического вывода, Пирс выразил в следующем определении: «Абдукция есть метод формирования общего предсказания без какого-либо положительного свидетельства в пользу того, что оно сбудется при некоторых обычных или даже совершенно особых обстоятельствах» [\[9, с. 72\]](#). Главной особенностью абдукции, позволяющей дифференцировать её от дедукции и индукции, является возможность выдвижения правдоподобных гипотез и использование их в качестве шагов рассуждения. С точки зрения европейской логики абдуктивный вывод обладает меньшей степенью убедительности, но зато имеет большую область применения в сравнение с остальными базовыми умозаключениями. Тех данных, которых оказывается недостаточно для построения индуктивного или дедуктивного рассуждения, может оказаться вполне достаточно для абдуктивного вывода. Такая способность абдукции функционировать в условиях недостатка знаний и данных приравнивается Пирсом к озарению и интуиции [\[10, с. 314\]](#).

Можно дать следующее общее определение абдукции: она есть один из мыслительных процессов человека, особенностью которого является способность к выдвижению и принятию гипотез, объясняющих ту или иную ситуацию. Пропуски в рассуждении, возникающие из-за недостатка информации, заполняются выдвинутыми гипотезами, которые субъекту рассуждения кажутся оптимальными и правдоподобными в каждом конкретном случае. Так абдукция понимается именно в её прагматическом ключе, согласно которому она является инструментом объяснения в условиях недостатка информации, который позволяет субъекту рассуждения выбирать из нескольких возможных правдоподобных гипотез наиболее подходящую для достижения конкретных целей согласно некоторому набору критериев.

В более широком значении абдукцию понимал английский антрополог и философ Грегори Бейтсон. Для него абдукция являлась центральным процессом не только человеческого мышления, но и мышления вообще, так как он утверждал, что никакое мышление невозможно без абдукции [\[11, с. 136\]](#). Исходя из этого убеждения, Бейтсон определяет важнейшие проявления деятельности человеческого разума как

совокупности абдукций. В качестве примеров он приводит метафоры, сновидения, притчи, аллегии, искусство, науку, религию, поэзию, тотемизм [11, с. 136]. Такое понимание абдукции резко резонирует с утверждением Ингольда о принципиальной разнице между абдукцией и творческим процессом. Для Бейтсона этой разницы нет, так как он принимает принципиально неопределенную составляющую абдукции, которую он сам называет загадочной и которую Пирс отождествляет с озарением и интуицией. Ингольд же видит в абдукции преимущественно формализованный и логически объяснимый процесс, в котором принципиально не может возникнуть возможности для импровизированного творчества.

Современные философские исследования абдукции различают несколько видов абдукции, что позволяет продемонстрировать её встроенность как в теоретическую, так и в практическую деятельность, в том числе и в творческий процесс. Так, итальянский философ Лоренцо Маньяни выделяет два основных вида абдукции: селективная и манипулятивная [12]. Селективная абдукция происходит на теоретическом уровне, в тех случаях, когда необходимо выбрать наиболее подходящую гипотезу, объясняющую какое-либо явление. То есть селективная абдукция соответствует общему пониманию абдукции у Пирса. Маньяни определяет селективную абдукцию как процесс вывода гипотез, которые объясняют некоторые явления или открывают новое знание, то есть являются необходимыми элементами научного творчества. В отличие от селективной абдукции манипулятивная абдукция является видом внетеоретического поведения в условиях недостатка информации, выдвижение гипотез в котором осуществляется в рамках практической деятельности. Субъект поведения, сталкивающийся с аномалией, может автоматически принять гипотезу, объясняющую эту аномалию, без того, чтобы производить осознанное рассуждение [13, р. 11]. Пирс также указывает на такую встроенность абдукции в практическую деятельность человека, приводя в качестве примера процесс восприятия текстуры ткани или тональности мелодии, который осуществляется не мгновенно, а последовательно, путём сравнения ощущения одного момента с ощущением другого [14, с. 26]. Абдукция позволяет связать разные моменты ощущения текстуры ткани через предугадывание смены различных элементов узора. То же самое происходит при прослушивании мелодии, когда различные интенсивности вибраций складываются в некоторую тональность. Таким образом, описание практической важности абдукции демонстрирует, что она является неотъемлемым элементом взаимодействия человека с действительностью.

В таком же ключе абдукцию понимает философ Реза Негарестани, который определяет её как важный элемент логики открытия и объяснения аномалий, а также взаимодействия со сложными и динамическими системами [15, с. 10]. Негарестани отмечает, что всем видам абдуктивного рассуждения свойственны три основные характеристики: немонотонность, динамичность и неформальность. Абдукция для Негарестани является частью творческого процесса экспериментирования, действия и понимания в условиях недостаточной информации [15, с. 10]. Такая особенность абдукции отмечается и в её семиотическом значении, которое было задано Умберто Эко. Согласно его определению, абдукция является предварительным и гипотетическим установлением системы правил сигнификации, согласно которым определенным знакам может быть присвоено значение [16, р. 40]. То есть семиотическое определение абдукции указывает на то, что некоторые знаки, у которых еще отсутствует значение, мотивируют субъекта рассуждения произвести процедуру абдукции, в результате которой этому знаку будет дано значение в качестве предварительной гипотезы. Такие знаки Эко, вслед за стоиками, называет индикативными знаками. Это общее понимание абдукции Эко

применимо ко всем её видам, в том числе и к рассмотренным нами селективной и манипулятивной абдукциям, так как индикативные знаки могут мотивировать как теоретическое размышление, так и некоторые практические действия. Именно такое семиотическое понимание абдукции легло в основу концепта «абдукции агентности» Джелла.

Концепт «абдукции агентности» Альфреда Джелла.

Первая часть концепта «абдукции агентности», а именно общее значение операции абдукции, понимается Джеллом в соответствии с приведенными выше дефинициями Пирса и Эко. Общая схема функционирования абдуктивного рассуждения для Джелла начинается с обнаружения индикативного знака, то есть естественного знака, на основании которого наблюдатель может сделать некоторый каузальный вывод [\[17, p. 13\]](#). Индикативный знак не обладает значением и поэтому мотивирует процесс означивания. После обнаружения индикативного знака человек отыскивает наиболее правдоподобную причину появления этого знака и переходит к заключению, которое утверждает некоторое гипотетическое явление как факт. Джелл приводит пример с дымом, который выступает как индикатор огня: человек при виде дыма заключает о наличии огня. При этом Джелл отмечает, что дым вызывается не только огнем, то есть правило «если есть дым, то есть и огонь» не является общезначимым. Следовательно, ход рассуждения от дыма к огню в этом случае не может быть индуктивным или дедуктивным, а только абдуктивным.

Вторая часть концепта, то есть агентность, понимается Джеллом следующим образом: «Агентность приписывается тем лицам (и вещам), которые рассматриваются как инициаторы каузальных последовательностей определенного типа, то есть событий, вызванных актами разума, воли или намерения, а не простым объединением физических явлений. Агент — это тот, кто "заставляет события происходить" поблизости от него» [\[17, p. 16\]](#). То есть агентность приписывается людям и вещам, когда утверждается, что они выступают в качестве причины некоторой последовательности причинно-следственных событий. Важным здесь является то, что Джелл приписывает способность быть агентом любым вещам, например, детской кукле, планете или автомобилю. Джелл отмечает, что можно показать разницу между агентами-людьми и агентами-вещами, но в целом механизм работы агентности от этого не изменится, так как агентность может быть назначена людям и вещам чрезвычайно разнообразными способами.

Таким образом, концепт «абдукции агентности» Джелла означает процесс рассуждения, в результате которого конкретному объекту (человеку, животному, предмету) атрибутируется осознанная ответственность за некоторые явления, происходящие непосредственно возле него. Такой процесс начинается с обнаружения индикативного знака, например улыбки человека или поломки автомобиля, которому затем приписывается значение, согласно которому этот знак становится сознательным намерением конкретного объекта (человека и автомобиля) и выражает определенные устремления этого объекта, вызвавшие появление обнаруженного знака (доброжелательность человека и злонамеренность автомобиля). Джелл отмечает, что «абдукция агентности» обеспечивает нам доступ к «другому разуму» [\[17, p. 15\]](#). Этот тезис будет особо важен при обсуждении того, как Вивейруш де Кастру использует концепт «абдукции агентности», так как в случае индийского перспективизма в этом аспекте есть существенные отличия.

В таком описании концепта «абдукции агентности» Джелла преимущественно

обозначается только селективная абдукция, так как речь идет о процессе рассуждения. Именно поэтому Джелл говорит об абдукции как о доступе к «другому разуму»: наиболее подходящим объяснением некоторой ситуации является наличие определенных намерений у других людей или вещей. Агент рассуждения, не имея достаточной информации для другого способа объяснения, решает для себя, что человек или вещь именно так и хотели поступить. «Абдукцию агентности» можно рассмотреть и как вид манипулятивной абдукции, то есть как некоторую практическую деятельность, осуществляемую без предварительного осознанного процесса рассуждения. Сам Джелл не делает этого в явном виде, но есть возможность эксплицировать такой аспект «абдукции агентности» из его текста, так как он приводит примеры, подтверждающие наличие практической составляющей этого процесса. В случае с поломкой автомобиля реакцией человека на этот индикативный знак может быть действие, наказывающее автомобиль (например, пнуть по колесу, или ударить по приборной панели) за его осознанное намерение сломаться. Такая реакция может происходить без ясного и отчетливого процесса рассуждения и осознанного утверждения гипотезы о злонамеренности автомобиля, то есть не как селективная абдукция, а как манипулятивная. Можно сказать, что таким действием человек преследует цель психологической разгрузки путем снятия с себя ответственности за несвоевременное техническое обслуживание автомобиля. Примеры проявления «абдукции агентности» как действия можно обнаружить в различных ситуациях, когда индикативный знак мотивирует в первую очередь практическую деятельность человека, а не рассуждения. Означивание знака проходить в результате действия, а не мысли. Экспликация этого практико-ориентированного аспекта «абдукции агентности» демонстрирует, что концепт Джелла может соответствовать пониманию Ингольдом творческого процесса импровизированного следования за путями мира. В акте манипулятивной «абдукции агентности» человек взаимодействует с вещью как с живой, наделенной собственной волей и способной нести ответственность за свою деятельность. Индикативные знаки, которые вещь посылает человеку, можно интерпретировать как пути жизни, понятые в семиотическом ключе. Тем не менее, Джелл не проясняет этот аспект «абдукции агентности», концентрируясь на её формально-логической составляющей, что позволяет согласиться с критикой Ингольда, которая, при этом, не может быть применена к пониманию «абдукции агентности» Вивейруша де Кастру, так как последний встраивает её не только в модель описания мышления индейцев, но и в модель описания их практической деятельности.

«Абдукция агентности» в индейском перспективизме Эдуарду Вивейруша де Кастру.

После описания общего смысла абдукции и концепта «абдукции агентности» Джелла стало возможно прояснить то, как и зачем Вивейруш де Кастру применяет этот концепт в своей концепции индейского перспективизма. Так, он пишет: «Истинное [шаманское] познание стремится раскрыть максимум интенциональности за счет процедуры систематической и умышленной «абдукции агентности» [\[1, с. 28\]](#). Для индейского шамана познавать мир вокруг означает «персонифицировать», то есть «занимать точку зрения того, что должно быть познано» [\[1, с. 28\]](#). Что бы познать нечто шаману (как и всем индейцам) необходимо сначала это нечто агентировать и наделить его интенциональностью, а затем самому встать на то место, от куда разворачивается перспектива познаваемого нечто. Вивейруш де Кастру приписывает принципу «абдукции агентности» универсальный характер, так как именно устремление как можно больше расширить агентность характеризует мышление шамана. То что не поддаётся процедуре «абдукции агентности» для шамана является незначительным и неинтересным. Такая

универсализация интенциональности призвана не только агентировать каждый объект познания, но и сделать это в наибольшей степени: «Хорошей интерпретацией, таким образом, будет та, которая способна понять каждое событие как истинное действие, выражение интенциональных состояний или предикатов некоторого субъекта. Успех интерпретации прямо пропорционален степени интенциональности, которую знающий способен приписать известному» [2, p. 469]. Джелл исключает многие объекты из области применения своего концепта, тогда как для Вивейруша де Кастру «абдукция максимума агентности» распространяется на все, что хоть каким-то образом может быть «персонифицировано».

Абдукция, в таком случае, выступает не просто вспомогательным инструментом индукции и дедукции, поставляющим гипотезы в условиях недостатка информации. У Вивейруша де Кастру она становится базовым принципом индейского мышления, благодаря которому вообще возможен шаманизм, понимаемый Вивейрушем де Кастру следующим образом: «Индийский шаманизм можно определить как проявляемую некоторыми индивидами способность переходить телесные границы, разделяющие виды, и занимать точку зрения иновидовых субъективностей, дабы уладить отношения между ними и людьми» [1, с. 27]. Это определение проливает свет на ключевое различие между европейской и индейской «абдукцией агентности». Для того, чтобы нечто познать, необходимо посмотреть на мир с его позиции, то есть овладеть его перспективой. Эта процедура предполагает переход между телами, так как перспектива, точка зрения – это способность именно тела. Поэтому и абдукция должна обеспечивать шаману не доступ к «другому разуму», как это было у Джелла», а доступ к «другому телу»: «Европейский праксис заключается в том, чтобы «производить души» (и различать культуры) на основании телесно-материальной данности (природы); туземный праксис состоит в том, чтобы «производить тела» (и различать виды) на основании данного социо-духовного континуума» [1, с. 20]. Смысл этого утверждения Вивейруш де Кастру демонстрирует на примере из истории завоевания Америки, описанном Леви-Строссом в «Рассе и истории»: в то время как испанские завоеватели исследовали вопрос о том, есть ли у туземцев душа, сами индейцы с Больших Антильских островов исследовали вопрос о том, есть ли у белых людей тела. Для этого они скидывали тела пленных испанцев в воду, чтобы проверить, гниют ли они [18, с. 329]. Этот пример важен для нашего исследования, так как он демонстрирует функционирование «абдукции агентности» в индейском перспективизме, причем одновременно и в мышлении, и в праксисе. Гниение тела — это индикативный знак, мотивирующий абдукцию приписать белому человеку агентность, то есть телесность. Гипотеза об агентности проверяется индейцами экспериментальным способом путем практической деятельности. Таким образом они «производят тела» в процессе познания испанских завоевателей одновременно и в мышлении, и в практической деятельности. Само познание складывается из двух этих процессов, и «абдукция агентности» проявляется в них обоих: сначала как селективная абдукция (выбор гипотезы о наличии тела), а затем как манипулятивная (сбрасывание тел). Только после удостоверения в том, что у объекта перед тобой есть тело, возможна дальнейшая универсализация интенциональности. Поэтому «абдукция агентности» является первым шагом в индейском процессе персонификации, то есть выступает базовым принципом познания мира.

Поскольку для Джелла «абдукция агентности» является доступом к «другому разуму», то справедливым является указание на то, что она осуществляется на теоретическом уровне. В концепции индейского перспективизма Вивейруша де Кастру «абдукция агентности» осуществляется одновременно на теоретическом и практическом уровнях.

Шаманизм – это режим мышления, но также и праксис, осуществляемый как переход между телами. При таком рассмотрении пример Джелла о наказании автомобиля ударом также является проявлением «абдукции агентности» как праксиса, только не связанного с теоретической составляющей, так как решение о таком наказании принимается неосознанно. Поэтому такое действие не является способом познания, а также слабо попадает под определение творчества Ингольда. «Абдукция агентности» в индейском перспективизме Вивейруша де Кастру, напротив, встроена в процесс познания. Гипотеза о телесности и на теоретическом уровне, и на практическом является элементом творческого процесса, так как удостовериться в наличии тела можно различными способами, но индейцами из истории Леви-Стросса по некоторым причинам был выбран именно такой. Абдукция здесь выступает основным элементом творческой деятельности, так как именно посредством неё производится новый способ познания. Эта характеристика абдукции позволяет Вивейрушу де Кастру использовать её при описании индейского мышления, так как она показывает, что одни и те же явления могут быть поняты с разных точек зрения различными способами, которые при этом не теряют своей легитимности в пределах конкретной перспективы. Каждая точка зрения, каждая перспектива – это совокупность абдукций по Бейтсону. Среди них выделяются основные и второстепенные. Для индейского мышления «абдукция агентности» является основополагающей, но не единственной. Вивейруш де Кастру об этом не пишет, что также затрудняет понимание роли «абдукции агентности». Тем не менее, более детальное определение этой роли демонстрирует то, что так понятая «абдукция агентности» соответствует определению творчества Ингольдом. Индейское познание – это творческий процесс, в терминах Ингольда его можно определить как следование путям мира. Сбрасывание тел испанцев в воду является импровизацией, так как это новое действие осуществляется как абдуктивная гипотеза об агентности и представляет собой определенный шаг на пути познания мира.

О дальнейшей возможности применения концепта «абдукции агентности» в философско-антропологических исследованиях технологий.

Исследование роли концепта «абдукции агентности» в концепции индейского перспективизма Вивейруша де Кастру позволяет выявить возможность его использования в качестве элемента описания взаимодействия человека с техникой в социотехническом коллективе. Например, можно определять как «абдукцию агентности» процесс наделяния искусственного интеллекта осознанностью или ответственностью за результаты своего функционирования, которое происходит как в явном, так и в неявном виде. В первом случае «абдукция агентности» выступает в качестве элемента стратегии взаимодействия с ИИ, преследующей определенные цели. То есть используется в таком же значении, которым её наделяет Вивейруш де Кастру. Во втором случае «абдукция агентности» функционирует также, как её описывает Джелл в примере с наказанием автомобиля.

Прояснение процедуры «абдукции агентности» в отношении к сложным технологиям, подобных ИИ, демонстрирует, что они функционируют в качестве распределенных социотехнических систем. Идея о масштабировании технологий между конкретным техническим устройством или программой и сложной социотехнической системой присутствует во многих работах по акторно-сетевой теории. Так, Аннамари Мол и Мариана де Лаэт на примере зимбабвийского втулочного насоса демонстрируют агентность технологий [\[19\]](#). В своём исследовании Мол и Лаэт указывают на то, что динамичность социотехнической системы не обязательно приводит к тому, что сама технология теряет возможность наделяться агентностью, которая здесь, как и в концепте

«абдукции агентности», означает способность актора совершать действия, производящие определенные эффекты. В социотехнической системе технологий совершается операция масштабирования: она состоит из разнородных человеческих и нечеловеческих акторов и при этом сама может выступать в качестве актора. Эту способность Мол и Лает и называют текучестью. Именно в этой неустойчивой эпистемической ситуации и требуется применение «абдукции агентности» для контактирования со сложной динамической системой, в функционировании которой конкретный человеческий актор сам и принимает участие. Путем абдуктивного рассуждения системе атрибутируется агентность, тем самым за ней признается способность выступать в качестве фактора в той или иной цепочке событий.

«Абдукция агентности» позволяет субъекту рассуждения схватывать в одном мыслительном акте функционирование социотехнической системы одновременно и как отдельного актора и как состоящую из различных акторов. Также она позволяет атрибутировать как всей системе так и каждому отдельному её актору агентность, а следовательно и ответственность за те или иные эффекты, вызванные их действиями [20]. При помощи «абдукции агентности» человек может участвовать в функционировании социотехнической системы и осуществлять распределенное познание, делегируя другим акторам (не только техническим) различные когнитивные функции. Концепт распределенного познания был введен английским антропологом Эдвином Хатчинсом [21] и сравнительно недавно проблематизирован в отечественной философии науки российским философом Ладой Владимировной Шиповаловой [22]. Наша статья вносит свой вклад в исследование распределенного познания, демонстрируя, что концепт «абдукции агентности» может быть задействован в качестве принципа, описывающего процесс наделения технических акторов агентностью. Этот процесс необходимо осуществляется для того, чтобы человек мог доверять результатам функционирования технологий в условиях распределённого познания, осуществляемого сложной социотехнической системой. Простым примером проявления «абдукции агентности» может послужить доверие человека часам: часто мы не сомневаемся в правильности показываемого часами времени. В более сложных технологиях этот вопрос становится более важным, так как решения, которые предлагает ИИ, могут иметь серьёзные последствия. Таким образом, «абдукция агентности» уже является неотъемлемым элементом современного мышления. Мы же считаем, что этот концепт можно и нужно развивать и прояснять в дальнейших исследованиях.

Заключение

Проведённое исследование позволило прояснить роль концепта «абдукции агентности» в работах Эдуарду Вивейруша де Кастру, а также выявить его отличие от трактовки Альфреда Желла. Если Желл рассматривает абдукцию преимущественно в контексте искусства как процесс вывода агентности из восприятия объекта, то Вивейруш де Кастру расширяет это понятие, встраивая его в свою концепцию индейского перспективизма. В его интерпретации «абдукция агентности» становится элементом описания познания, осуществляемого одновременно в мышлении и практической деятельности. Этот синтез позволяет бразильскому антропологу продемонстрировать, как индейское мышление конституируется через постоянное взаимодействие с множественными агентностями — не только человеческими, но и животными, растительными, духовными.

Критика Тима Ингольда, отвергающего абдукцию как излишнюю редукцию творчества к логическому выводу, оказывается справедливой лишь в узком понимании концепта у Желла. Однако более глубокий анализ показывает, что абдуктивный процесс, особенно

в трактовке Вивейруша де Кастру, не сводится к линейному движению от объекта к идее, а включает в себя динамическое взаимодействие перспектив, близкое к ингольдовской импровизации. Таким образом, «абдукция агентности» предстаёт не как статичный логический приём, а как динамический творческий процесс взаимодействия с изменчивой действительностью, что делает её перспективным инструментом для философской антропологии и исследований социотехнических систем.

Важным выводом статьи является также демонстрация того, дальнейшее развитие этого концепта может открыть новые пути для осмысления взаимодействия людей и технологий в условиях сложных динамических социотехнических систем. В частности, «абдукция агентности» способна стать основой для моделирования ситуаций, где человеческие и нечеловеческие акторы (например, алгоритмы или робототехнические системы) координируют свои действия в осуществлении распределенного познания. Уточнение и систематизация «абдукции агентности» позволят не только углубить понимание индейского перспективизма, но и предложить новые методологические подходы в современных междисциплинарных исследованиях — от философии техники до когнитивных наук. Наконец, преодоление редукционизма в трактовке абдукции, как показало исследование, способствует деколонизации эпистемологических рамок, открывая пространство для диалога между западной и не-западными моделями мышления.

Библиография

1. Вивейруш де Кастру, Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем, 2017. 199 с.
2. Viverios de Castro E. Exchanging Perspectives: The Transformation of Objects into Subjects in Amerindian Ontologies // *Common Knowledge*. 2004. № 10. P. 463-484.
3. Боброва А. С. Аргументативная схема для абдукции // *Дискурс*. 2023. Т. 9. № 1. С. 5-17. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-5-17 EDN: EJOYEC.
4. Hintikka J. *Inquiry as Inquiry: a Logic of Scientific Discovery*. Dordrecht: Kluwer, 1999. 290 p.
5. Боброва А. С. Абдуктивный шаг в диалогах. Неформальный подход // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 67. С. 5-16. DOI: 10.17223/1998863X/67/1 EDN: WZMMQW.
6. Васюков В. Л. Научное открытие и контекст абдукции // *Философия науки и техники*. 2003. № 1. С. 180-205. EDN: TPEYMP.
7. Ингольд Т. Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов // *Неприкосновенный запас*. 2021. № 2 (136). С. 31-49. EDN: FQRKZM.
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. М.; Екатеринбург: Астрель; У-Фактория, 2010. 895 с.
9. Пирс Ч. *Начала прагматизма*. Т. 2. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 318 с.
10. Пирс Ч. *Начала прагматизма*. Т. 1. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.
11. Бейтсон Г. *Разум и природа: Необходимое единство*. Швеция: Philosophical arkiv, 2016. 214 с.
12. Magnani L. *Abductive Cognition. The Epistemological and Eco-Cognitive Dimensions of Hypothetical Reasoning*. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. 535 p.
13. Magnani L. *The Abductive Structure of Scientific Creativity: An Essay on the Ecology of Cognition*. Cham, Switzerland: Springer Verlag, 2017. 230 p.
14. Пирс Ч. С. *Избранные философские произведения*. М.: Логос, 2000. 448 с.
15. Негарестани Р. *Работа нечеловеческого*. Логос. 2021. Т. 31.

16. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. London: Macmillan, 1984. 242 p.
17. Gell A. Art and Agency: An Anthropological Theory. Oxford: Clarendon, 1998. 271 p.
18. Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. 399 с.
19. Де Лаэт А., Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 171-232. EDN: YMICDF.
20. Глуховский А. С., Дурнев А. Д., Чирва Д. В. Распределенная моральная ответственность в сфере искусственного // Этическая мысль. 2024. Т. 24. № 1. С. 129-143. DOI: 10.21146/2074-4870-2024-24-1-129-143 EDN: USICEU.
21. Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1995. 381 p.
22. Шиповалова Л. В. Распределенное познание - аналитика и проблематизация концепта // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 4. С. 175-190. DOI: 10.5840/dspl20192460 EDN: XIWLNT.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования предложенной к публикации статьи является концепция «индейского мышления» или так называемого «индейского перспективизма», предложенная бразильским антропологом Эдуарду Вивейруш де Кастру в книге «Каннибальские метафизики» и в статье «Обмен перспективами». В этих сочинениях задействуется концепт «абдукции агентности» английского социального антрополога Альфреда Джелла», который становится для автора статьи главным предметом анализа. Методами исследования выбраны историко-герменевтический и критически-объективный методы, сущность которых достаточно четко определена в статье и не нуждается в повторении. Целью же статьи является предположение о применимости «абдукция агентности» и «индейского перспективизма» для изучения взаимодействия человека с техникой в современном социо-техническом сообществе.

Мне представляется, что поставленные задачи автор статьи выполнил достаточно успешно. В статье, на основании работ Ч. С. Пирса, Г. Бейтсона, У. Эко и др., описывается обобщенное понимание абдукции в логике и философии. Затем объясняется, какой смысл вкладывает Альфред Джелл в свой концепт «абдукции агентности». И, наконец, определяем место «абдукции агентности» в концепции т. н. «индейского перспективизма» Вивейруша де Кастру. Вся эта работа проведена достаточно корректно и свидетельствует о хорошем знании материала.

Суть «индейского перспективизма», согласно теории Вивейруша де Кастру, заключается в том, что для индейского шамана познавать мир вокруг означает «персонифицировать» его. И это достигает благодаря процедуре «систематического и умышленного» применения «абдукции агентности». «Хорошей интерпретацией» события здесь становится та, которая «способна понять каждое событие как истинное действие, выражение интенциональных состояний или предикатов некоторого субъекта»: для того, чтобы нечто познать, шаману необходимо посмотреть на мир с его позиции, то есть овладеть его перспективой. Этот «шаманский прием», насколько я понял, проецируется бразильским автором на все индейское мышление. Конечно, такое проецирование вызывает некоторое сомнение. (Ведь можно предположить, что эта черта характерна только для "шаманского" мышления, и одинаково присуща и европейским "колдунам", и индейским). Но автор статьи не сомневается в том, что это присуще всем индейцам, из чего можно заключить, что бразильский антрополог привел достаточно аргументов для такой экстраполяции. Причем утверждается, что если в европейском культурологическом

понимании «абдукция агентности» предполагает атрибутирование объекту разума, то индейское «перспективное мышление» предполагает атрибутирование объекту тела. И во втором разделе статьи эта фундаментальная для индейского мышления черта рассматривается как новый метод философско-антропологических исследований технологий, или, говоря точнее, используется в качестве элемента описания взаимодействия человека с техникой в социо-техническом коллективе», например, с искусственным интеллектом. Нельзя не заметить, что эта часть статьи в общем-то лишь постулирует метод, не вдаваясь в его конкретизацию. Но сама постановка вопроса, на мой взгляд, является эвристически ценной.

В целом статья достаточно аргументирована и сравнительно хорошо написана. Библиография статьи представляется достаточно презентативной.

Таким образом, статья представляет несомненный научный интерес и может быть опубликована в журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Грибков А.А. Паллиативные системы с имитационной активностью: факторы устойчивости и сценарии управления // Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.74090 EDN: KQUNND URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74090

Паллиативные системы с имитационной активностью: факторы устойчивости и сценарии управления

Грибков Андрей Армович

ORCID: 0000-0002-9734-105X

доктор технических наук

ведущий научный сотрудник; Научно-производственный комплекс "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, пл. Шокина, 1, строение 7

✉ andarmo@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.74090

EDN:

KQUNND

Дата направления статьи в редакцию:

14-04-2025

Дата публикации:

29-04-2025

Аннотация: Значимой областью исследований в рамках теорий систем является проблема обеспечения живучести поврежденных и некомплектных (с отсутствующими элементами) систем. Типичным для таких систем является нахождение в паллиативном состоянии, при котором система продолжает свое существование, но утрачивает (полностью или частично) свою функциональность, сохраняя внешние признаки «здоровой» системы. Рассматриваются варианты управления поврежденными и некомплектными системами, позволяющие им сохраняться, механизмы обеспечения устойчивости таких систем. Отдельное внимание в статье уделяется рассмотрению двух основных инструментов замещения повреждённых и отсутствующих элементов систем: заглушек и элементов с имитационной активностью. Определяется характер их

функционирования, возможности применения, варианты активности. Для систем с внешним управлением рассматриваются три возможных сценария управления поврежденной или некомплектной системой. В основу исследования положены разработанные автором в предыдущих работах теоретические модели обеспечения устойчивости системы за счет ресурсов надсистемы, восстановления системы за счет сохранившихся функциональных подсистем и других систем в рамках одной надсистемы и др. По итогам проведенного в статье исследования, посвященного проблематике, ранее остававшийся за пределами теоретического анализа, констатируется вариативность сценариев эффективного управления поврежденных и некомплектных систем. Выбор оптимального варианта зависит от того, сохранится ли в процессе развития значимость утраченных в результате повреждения системой функций, от способности системы к адаптации, полезности системы с неполной функциональностью, сложности исправления и необходимых для этого ресурсов. Оценка целесообразности паллиативной системы основывается на двух критериях: наличия необходимости поддерживать систему в состоянии ограниченной функциональности или даже, в предельном случае, обеспечения выживания; целесообразности номинального сохранения системы, воспроизводящей реакции неповрежденной системы. Новизна полученных в работе результатов заключается в постановке вопроса о необходимости теоретического анализа проблематики управления поврежденных и некомплектных систем, целесообразности поддержания их паллиативного состояния, сценариев перехода систем в состояния с полной функциональностью. Полученные в работе результаты могут быть полезны при управлении поврежденными и некомплектными системами в различных предметных областях: при регулировании технических систем, при управлении предприятиями, макроэкономическом регулировании и др.

Ключевые слова:

теория систем, паллиатив, имитационная активность, заглушка, функциональность, адаптация, устойчивость, надсистема, подсистема, управление

Введение

Предметом исследования в рамках различных теорий систем, к числу которых относятся общая теория систем, кибернетика (включая сформированную на ее основе теорию управления), системный анализ, системная инженерия, синергетика и др., являются существующие и создаваемые системы, представление которых соответствует их реальным свойствам. Отдельным предметом рассмотрения является обеспечение устойчивости систем при известных внешних воздействиях и отклонениях параметров систем от исходного устойчивого состояния.

На практике актуальной также является задача обеспечения живучести [\[1\]](#), связанной с сохранением в продолжении ограниченного интервала времени (переходного периода) поврежденных и некомплектных (с недостающими структурными элементами) систем, степень и характер отклонения которых от устойчивого состояния неизвестен. За указанный переходной период система восстанавливается под влиянием внутренних самоорганизующихся факторов или внешнего управляющего воздействия, трансформируется, происходит ее гибернация (переход в «спящее» состояние) или терминация (остановка, разрушение). В продолжении переходного периода система неспособна реализовывать весь комплекс присущих ей функций, в предельном случае система может сохранять лишь одну функцию – сохранение в процессе перехода в

устойчивое состояние, совпадающее с прежним устойчивым состоянием, или новое, соответствующее произошедшим в системе изменениям.

Проблема обеспечения живучести актуальна для систем различной природы: экономических, технических, социальных, психоэмоциональных и др. Применительно к экономическим системам поиск решений по обеспечению живучести в условиях резких или катастрофических изменений, приводящих к частичному разрушению экономической системы, осуществляется в контексте региональной специфики [2], страновой [3] и др. Отдельное направление исследований в области живучести экономических систем и отдельных отраслей было инициировано эпидемией COVID-19 [4]. Широкий спектр исследований наблюдается также в области живучести информационных и технических систем [5,6], социальных систем [7], в том числе жизнеспособности семьи в условиях стрессов различного генеза на основе защитных факторов и семейных ресурсов, предполагающих умение и готовность семьи совладать, меняться, адаптироваться и развиваться [8].

Теоретическая значимость и практическая ценность проведенных до настоящего времени исследований несомненна. Однако накопленные знания в области обеспечения живучести остаются фрагментированными и разрозненными с существенной спецификой предметных областей, в которых они формируются. Кроме того, за пределами исследований остаются паллиативные системы, анализ которых является основной задачей данной статьи. Не следует путать с ними системы паллиативной медицинской помощи, сами не являющимися паллиативными (они вполне функциональны и комплекты). Паллиативными системами в данном случае являются пациенты, которых невозможно вылечить, но для которых возможна поддерживающая терапия.

Паллиативная система (от «паллиатив» – не исчерпывающее, временное решение, полумера, закрывающее, как «плащ» (лат. pallium), саму проблему) является частным случаем переходного состояния системы. Паллиативная система имитирует «нормальное» функционирование поврежденной системы за счет замещения повреждений и некомплектности «заглушками» или элементами с имитационной активностью. Глушками мы будем называть элементы, не обладающие функциональностью, но номинально занимающие позиции поврежденных или отсутствующих функциональных элементов. Элементы с имитационной активностью – это элементы, не обладающие требуемой для системы функциональностью, но способные взаимодействовать с неповрежденными функциональными элементами, имитируя правдоподобные реакции. В простейшем случае эта имитация может быть повторением реакций до повреждения или продолжением наметившихся тенденций (инерции), в более сложном – интерполяцией или экстраполяцией, определяемыми на основе предыдущих реакций и изменившихся воздействий со стороны неповрежденных функциональных элементов.

В контексте указанной цели сохранения поврежденных и некомплектных систем складывается несколько ключевых вопросов, ответы на которые определяют стратегию и тактику управления, обеспечивающие долгосрочную устойчивость. К числу указанных ключевых вопросов, рассмотрению которых посвящено данное исследование, относятся: определение механизмов обеспечения устойчивости в паллиативных системах, варианты реализации глушек и элементов с имитационной активностью, возможные сценарии управления паллиативной (поврежденной или некомплектной) системой.

Объектом исследования являются поврежденные и некомплектные системы любой природы: технические, социально-экономические, биологические, управленческие и др.

Такая широкая постановка вопроса обусловлена спецификой анализа, присущей общей теории систем и в целом системному подходу, принимаемым в качестве основного методологического основания данного исследования. Представления об устойчивости, управлении, механизмах обратной связи, адаптивности и эволюции систем, положенные в основу анализа, сформированы в соответствии с существующими представлениями общих теорий систем, в том числе, разработанной автором эмпирико-метафизической общей теории систем [\[9\]](#).

Устойчивость и управление

Во многих случаях обеспечение устойчивости сложных систем не может реализовываться в виде локальной реакции на внешние дестабилизирующие воздействия. Это обусловлено тем, что реакция сложной системы, соответствующая поддержанию устойчивости, определяется всей системой или ее частью, существенно большей той, которая непосредственно претерпевает внешнее воздействие.

Управление (регулирование) системы с невысокой сложностью осуществляется посредством механизма обратной связи, то есть интенсивность реакции системы определяется величиной отклонения ее состояния от требуемого (устойчивого) [\[10\]](#). Обычно для обеспечения устойчивости требуется отрицательная обратная связь, когда обратная связь используется для того, чтобы уменьшить разницу между требуемым и фактическим состоянием объекта. В случае сложных многокомпонентных и многосвязных систем непосредственного использования механизма обратной связи недостаточно для обеспечения устойчивости системы [\[11\]](#).

Откуда же в этом случае система «знает» как правильно реагировать на внешнее воздействие? Благодаря существованию в той или иной форме модели [\[12\]](#) системы, отображающей, как она должна работать правильно. В случае искусственно созданных систем эта модель может быть в виде плана или структуры финансовой организации, чертежа машины и описания его работы, схемы синхронизированных транспортных потоков, математической модели движения рабочего органа технологического оборудования и т.д. В случае естественных биологических систем – в виде записи генетической последовательности в спирали ДНК, проверяемой и перманентно воспроизводимой РНК и др. [\[13\]](#).

Обеспечивается ли точное соответствие модели и реальной системы, поддержанию которой она служит? Безусловно, нет. Соответствие не является полным: реальная система находится в состоянии постоянного изменения, ее параметры вариативны (но в случае устойчивости не выходят за пределы допустимых отклонений). Более того, система может изменяться: эволюционировать, трансформироваться в процессе адаптации или деградировать. Модель не является отражением или идеальным представлением реальной системы, она нужна для управления, т.е. согласования параметров элементов этой системы для обеспечения ее устойчивости и правильного функционирования.

Что делает система в случае своего повреждения или некомплектности, когда она получает существенные отличия от своей модели? Вариантов всего два: система переопределяет свою модель, либо функционирует согласно модели, которая ей уже в полной мере не соответствует.

Вариант переопределения модели в случае достаточно сложной системы трудно реализуем [\[14\]](#): составляющие системы образуют сложную композицию, образованную

структурными и функциональными подсистемами, баланс и корреляция которых достигается только по итогам длительной разработки (в случае искусственных систем), либо продолжительной эволюции (в случае живых систем).

Вариант функционирования согласно модели, отличающейся от системы, в случае не слишком больших отличий, оказывается возможным. Управление неоптимально, некоторые операции управления невыполнимы или не могут быть выполнены корректно, для некоторых операций управления нет адресата и т.д. Тем не менее, комплекс управляющих воздействий в целом соответствует системе, и, в подавляющем большинстве случаев, способствует изменению состояния системы в направлении большей устойчивости.

Сложные многосвязные системы обеспечивают свою устойчивость не только на уровне системы, но и на уровне подсистем, существенная часть которых даже в поврежденной или некомплектной системе сохраняет свою целостность или повреждается незначительно. Механизмы обеспечения устойчивости в сложных многосвязных системах избыточны [\[15\]](#). Это позволяет системе в целом восстанавливать свою устойчивость за счет составляющих ее подсистем.

Значимым механизмом обеспечения устойчивости поврежденных и некомплектных систем также является стабилизирующее воздействие надсистемы. Всякая система не существует сама по себе, ее свойства, ограничения их изменения, сами пределы устойчивости связаны с характером ее надсистемы. Стабильность надсистемы реализуется в том числе через интеграцию входящих в нее систем, взаимное влияние которых способствует устойчивости надсистемы в целом и входящих в нее систем по отдельности.

Заглушки и имитационная активность

Ранее мы уже дали определения заглушкам и элементам с имитационной активностью. Рассмотрим их подробнее.

Существующие представления об элементах, играющих роль «заглушек», связаны в основном с областью программирования. В программировании используются функции-заглушки, – небольшие программные процедуры, заменяющие более длинные программы, не выполняющие никакого осмысленного действия, возвращающие пустой результат или входные данные в неизменном виде, и объекты-заглушки, возвращающие какие-то заранее записанные данные, достоверность которых не важна (например, при тестировании работоспособности базы данных достоверность данных не является целью проверки). В архитектуре компьютерных сетей для тестирования портов, интерфейсов и соединений устройств используют заглушки, представляющие собой небольшие устройства, вставляемые в сетевой коммуникационный порт. Такие заглушки создают петлевую цепь, то есть перенаправляют исходящие сигналы на одно и то же устройство, имитируя полный цикл связи.

В социальных и экономических системах роль элементов-заглушек также может быть существенной. Замещая (номинально, без функциональности) реальные элементы социальной или экономической системы заглушки, сохраняют целостность и связность всей системы, для которой во многих случаях (особенно в пределах ограниченного времени) достаточно лишь номинального наличия элемента, а не его функционирования. Отсутствие в районе полицейских не провоцирует роста преступности если правонарушители не знают об отсутствии полиции, дефицит тех или иных товаров первой

необходимости не спровоцирует (по крайней мере в продолжении какого-то периода времени) паники у потребителей если об этом дефиците неизвестно и т.д.

Социально-экономический механизм сложен и включает в себя множество элементов, полезность которых не может быть однозначно оценена. Неработоспособность таких элементов не ведет к сколько-нибудь значимым негативным последствиям. При этом такие элементы интегрированы в действующие системы, функционирование других элементов предполагает их наличие (например, на правовом уровне), поэтому номинально такие элементы должны в системе присутствовать. В качестве примера (небесспорного) можно привести отдельные контрольные органы (пожарная безопасность, санитарный контроль и др.), степень коррумпированности которых во многих случаях делает их функциональность крайне низкой. Тем не менее, они предусмотрены законом и их ликвидация невозможна без остановки связанной с ними экономической активности.

Следует отметить, что констатация неизбежности использования в сложных системах элементов-заглушек не служит оправданием их сохранения. Другой вопрос, что немедленная ликвидация заглушек не всегда оправдана с точки зрения сохранения устойчивости систем и минимизации расхода ресурсов. Заглушки самоликвидируются, системы перестраиваются и адаптируются – восстановление действующего функционального элемента на месте заглушки не является единственно возможным вариантом решения проблемы исправления дефектов системы.

Элементы с имитационной активностью могут демонстрировать два основных варианта активности.

Во-первых, элементы с имитационной активностью могут функционально замещать изначальные (поврежденные или отсутствующие) элементы. Для этого элемент с имитационной активностью должен обладать адаптивностью – способностью к изменению своей реакции на воздействия со стороны других элементов или в ответ на внешние воздействия на систему, соответствующей (в большей или меньшей степени) тому, как это было бы в случае неповрежденной и комплектной системы. Если возможно формирование элемента с имитационной активностью, в полной мере воспроизводящего реакцию замещаемого элемента, то, вероятно, замещаемый элемент является избыточным и может быть исключен из системы как активный элемент. В частности, такой элемент может эмулироваться (полной или частичной) имитационной моделью систем.

Обеспечение адаптивности элемента с имитационной активностью реализуется посредством придания ему дополнительной, отличной от исходного у замещаемого элемента, функциональности, заключающейся в моделировании (программными, аппаратными и др. средствами) поведения замещаемого элемента, либо интерполяции и экстраполяции его реакции на основе массива записанных данных реакции неповрежденного элемента для различных входных условий.

Во-вторых, элементы с имитационной активностью могут выдавать повторяющуюся (соответствующую реакции до повреждения) или случайную (вариативную вблизи реакции до повреждения) реакцию на воздействия. Подобные элементы с имитационной активностью не обладают полезной функциональностью. Сохранение некомплектной системы или системы с поврежденными элементами, замещаемыми такими элементами с имитационной активностью, основано на избыточности связей в системе, замещении функций поврежденных или отсутствующих элементов за счет функционирующих элементов и других механизмов устойчивости сложных многосвязных систем. В живых

системах и других системах с неравновесной устойчивостью возможно постепенное переопределение связей (потоков в функциональных подсистемах), в результате чего из структуры системы постепенно исключаются элементы с имитационной активностью, занимающие место поврежденных и отсутствующих элементов.

Сценарии управления поврежденной/некомплектной системой

В случае, когда объектом рассмотрения является система с внешним управлением, возможны четыре возможных сценария ее управления в случае повреждения или некомплектности.

Реализация первого из возможных сценариев происходит в случае, когда поврежденный/отсутствующий элемент не является обязательным для обеспечения функциональности системы, либо может утратить свою значимость в процессе естественного развития системы.

Примером такого сценария является изменение состава потребительской корзины, из которой с течением времени исключаются товары, ранее позиционируемые как товары первой необходимости. В частности, из продуктовой составляющей корзины постепенно исключаются растительные жиры и маргарин, некоторые виды хлеба и других мучных изделий и т.д. Если на рынке возникает дефицит таких товаров, то он обычно не преодолевается за счет роста предложения, а постепенно исчезает сам, по мере естественного сокращения спроса.

Другой пример реализации первого сценария – из области медицины. Некоторые органы человеческого организма не являются необходимыми для его жизнеспособности, хотя и оказывают некоторое (ограниченное) влияние на качество жизни. Примерами таких органов являются: аппендикс (червеобразный отросток) (известно, что он имеет иммунную функцию и оказывает положительное влияние на поддержание микрофлоры в организме, но не является необходимым [\[16\]](#)), надпочечники (удаление одного надпочечника фактически не влияет на качество жизни; с другой стороны, сохранение надпочечника в случае возникновения в нем опухоли многократно повышает сложность операции и риск для жизни пациента [\[17\]](#)).

Второй возможный сценарий управления поврежденной системой основан на ее адаптации к изменившемуся состоянию. При этом в системе может происходить переопределение связей, позволяющее обходиться без утраченного/поврежденного элемента. Такое часто бывает в живых системах. Например, нервная система животных и человека может восстанавливать свою функциональность даже при значительных механических повреждениях, сопровождаемых существенными потерями мозговых тканей, их электрических или химических поражениях. Это восстановление происходит за счет формирования каналов передачи нервных импульсов в обход поврежденных участков нервной системы [\[18\]](#).

Наряду с переопределением связей в системе (частным случаем которых является исключение из циркуляторных процессов, определяющих функциональные подсистемы, поврежденных элементов), также возможно восстановление элементов в исходном или измененном виде. Инициация такого восстановления и модели, согласно которым идет восстановление, формируются другими (неповрежденными) элементами имеющихся функциональных подсистем. Заданный характер связей и ограничений может быть информационно достаточным для восстановления элемента в прежнем или альтернативном виде, в том числе упрощенном.

Третий возможный сценарий реализуется по итогам наблюдения за некомплектной/поврежденной системой с заглушкой или элементом с имитационной активностью. Если система демонстрирует приемлемую функциональность, то актуальным становится вариант использования системы в таком виде, отличающемся от исходного. Для этой «усеченной» системы необходимо сформировать новую, соответствующую ей модель, вероятно менее сложную по сравнению с исходной. Примером реализации данного сценария является автомобиль, в котором стали недоступны некоторые вспомогательные функции, например, системы безопасности, круиз-контроль, климат-контроль, автопилот и др. В условиях недоступности ремонта автомобиль может использоваться без вспомогательных функций. Другой пример – потеря семьей кухни (в результате пожара или острой потребности в дополнительной жилой площади) в стране с установившейся традицией и имеющейся инфраструктурой для питания вне дома (семейные рестораны, кафе и т.д.), характерными для некоторых стран Европы, для Вьетнама и др. Восстановления функциональности кухни в этом случае может и не произойти, а модель поведения семьи, регулирующая ее бытовую практику, будет переопределена. При этом, в продолжении некоторого интервала времени, в зависимости от наличия социальных ограничений (традиции семья, характер дружеских связей и т.д.), кухня может замещаться заглушкой – использоваться в качестве помещения для приема пищи, но не ее приготовления.

Четвертый возможный сценарий – восстановление поврежденных или отсутствующих элементов в системе в случае, когда все прочие сценарии не позволяют получить систему с приемлемой функциональностью. Восстановление происходит не сразу при обнаружении повреждений или некомплектности, а по итогам анализа всех возможных сценариев, оценки возможностей изменения функциональности, потребных ресурсов для восстановления и др. факторов. Период времени от обнаружения повреждений или некомплектности элементов эти элементы замещаются заглушками или элементами с имитационной активностью. Степень приближения характера имитационной активности к характеру исходного неповрежденного элемента определяется длительностью его ожидаемой эксплуатации и ресурсами (материальными, энергетическими, вычислительными, финансовыми и др.), которые на него допустимо потратить.

Отдельного рассмотрения заслуживают поврежденные/некомплектные системы с неравновесной устойчивостью. Сравнительный анализ поведения различных систем показывает, что наибольшей устойчивостью при повреждениях обладают системы с неравновесной устойчивостью [\[19,20\]](#), основанной на динамической кинетической стабильности [\[21\]](#). Такой характер устойчивости присущ живым системам и другим открытым динамическим системам, обеспечивающих свою устойчивость за счет ресурсов надсистемы [\[9, с. 106-114\]](#) на уровне, соответствующем активности рассматриваемой системы (в отличие от обеспечения устойчивости на одном из уровней, совпадающем ли более низком по сравнению с уровнем активности системы, реализуемом в любой открытой системе).

Почему поддержание процесса (в системах с неравновесной устойчивостью) обеспечивает большую устойчивость при повреждениях, чем сохранение структуры или формы (в системах с обычной устойчивостью, требующей баланса активностей противоположной направленности)? Одной из причин является большая адаптивность, обусловленная меньшими затратами ресурсов системы в случае корректирования процесса (например, циркуляторного) по сравнению с корректированием формы или структуры.

Более высокая адаптивность систем с неравновесной устойчивостью также связана с более высокой скоростью реакции таких систем на повреждения и внешние воздействия в целом. Переопределение формы и структуры системы происходит не непрерывно, а периодически. Также периодически идет переопределение влияния некомплектности или повреждения элементов системы на другие элементы. В результате, в системах с обычной устойчивостью реакция на повреждения происходит с существенной задержкой, за время которой она существенно отклоняется от исходного состояния, что затрудняет коррекцию.

В общем случае обоснованная оценка целесообразности паллиативной системы основывается на двух критериях, характеризующих необходимость сохранения поврежденной/некомплектной системы и необходимость имитации сохранения целостности и активности.

В развернутом описании первый из названных критериев отражает наличие объективной необходимости поддерживать систему в состоянии ограниченной функциональности или даже, в предельном случае, с функциональностью, ограниченной поддержанием устойчивости системы. В случае, когда речь идет о живых системах (человеческий организм или организм животного, социально-экономическая система, экосистема и т.д.) необходимость поддержания системы имеет весомые основания, даже если речь идет лишь о продолжении существования без сохранения полезного функционала.

Развернутое описание второго критерия раскрывает обоснованность имитационной активности или заглушек для поврежденной системы, т.е. номинального сохранения системы, воспроизводящей (более ли менее достоверно) реакции неповрежденной системы. В общем случае имитационная активность и заглушки целесообразно использовать в продолжение ограниченного интервала времени – переходного периода, по истечении которого система трансформируется или прекращает свое существование. Для некоторых систем, например, открытых динамических систем, возможности перехода из поврежденного или некомплектного состояния в новое устойчивое, оказываются существенно большими. Период целесообразного нахождения таких систем в паллиативном состоянии существенно длиннее, а варианты преобразования и адаптации – намного шире.

Представленное в данной статье исследование позволяет подтвердить право на существование паллиативных систем, в том числе, с имитационной активностью. Область целесообразности таких систем не ограничена поддержанием жизни живых существ, но может быть объективно оценена для систем различного содержания и применения.

Большинство сложных многокомпонентных систем обладает (в той или иной степени) свойствами паллиативных систем. Определение специфики их поведения, сценариев управления – важные задачи, для которых в рамках данного исследования намечены возможные подходы к решению. Развитие и расширение теоретической базы в области паллиативных систем (как варианта длительного существования поврежденных и некомплектных систем) – необходимое направление дальнейших исследований в области общей теории систем и теории управления, которое до настоящего времени не получило необходимого развития.

Выводы

Резюмируем проведенное в статье исследование:

1. В рамках теорий систем значимой является проблема сохранения в продолжение

ограниченного интервала времени поврежденных и некомплектных систем.

2. Во время указанного периода времени (переходного период) система может находиться в паллиативном состоянии, при котором происходит замещение поврежденных или отсутствующих элементов заглушками, лишенными функциональности, либо элементами с имитационной активностью, имитирующими реакции исходного неповрежденного элемента и включающей его комплектной системы.

3. Поддержание системы в состоянии устойчивости при внешнем управлении обеспечивается посредством управляющих воздействий, регламентируемых моделью управляемой системы. В случае повреждений или некомплектности системы модель перестает ей в полной мере соответствовать.

4. Управление поврежденной или некомплектной системой может осуществляться на основе переопределения ее модели, либо использования модели, не в полной мере соответствующей новому состоянию системы. Второй вариант при незначительных повреждениях системы является более эффективным.

5. Исправление поврежденных элементов системы или восстановление комплектности системы – не единственный вариант решения проблемы сохранения системы. Заглушки и элементы с имитационной активностью также могут самоликвидироваться, перестраиваться, адаптироваться или переходить в пассивное состояние, при котором они теряют самостоятельную активность и воспроизводятся программными, аппаратными или другими средствами.

6. Существуют различные альтернативные сценарии управления поврежденной или некомплектной системой. Выбор оптимального варианта зависит от сохранения значимости связанных с поврежденными элементами функций системы, способности системы к адаптации, полезности системы с «усеченной» функциональностью, степени сложности и объема потребных ресурсов для исправления повреждений элементов и восстановления комплектности системы.

Библиография

1. Махутов Н.А., Резников Д.О. Многоуровневая оценка живучести сложных технических систем с учетом масштабно-структурной иерархии процессов накопления повреждений и разрушения // Безопасность в техносфере. 2016. № 4. С. 3-17. DOI: 10.12737/23757. EDN: YGHMDH.
2. Халиуллина Д.Н., Быстров В.В. Теоретические основы оценки жизнеспособности региональных социально-экономических систем // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Технические науки. 2022. Т. 13. № 2. С. 78-92. DOI: 10.37614/2949-1215.2022.13.2.007. EDN: HQCDCX.
3. Barthou É. The "Survival Economy" or How to Adapt to the Rise of Capitalism in Romania // Autrepart. 2008. No 48. Pp. 101-112.
4. Tsolas S., Hasan M. Survivability-aware design and optimization of distributed supply chain networks in the post COVID-19 era // Journal of Advanced Manufacturing and Processing. 2021. No 3. DOI: 10.1002/amp2.10098.
5. Анисимов И.И., Толмачёв А.А., Чашин С.В. Подход к оцениванию живучести сложных организационно-технических систем различного назначения // Наукоемкие технологии в космических исследованиях Земли. 2013. Т. 5. № 4. С. 24-28. EDN: THBRXC.
6. Черкесов Г.Н., Недосекин А.О., Виноградов В.В. Анализ функциональной живучести структурно-сложных технических систем // Надежность. 2018. № 18(2). С. 17-24. DOI: 10.21683/1729-2646-2018-18-2-17-24. EDN: USQARX.

7. Севастьянов А.М. Социальная несправедливость в отношениях власти и общества: опыт социологического измерения // Социология власти. 2012. № 1. С. 159-166. EDN: РСJHPV.
8. Махнач А.В. Жизнеспособность семьи: новый объект и концептуальные предпосылки исследования // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабрина, Н.Е. Харламенкова. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 350-375. EDN: XIFBMP.
9. Грибков А.А. Эмпирико-метафизическая общая теория систем: монография. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2024. 360 с. DOI: 10.17513/np.607. EDN: QTOCDS.
10. Хлебников М.В. Синтез обратной связи по выходу в дискретных системах управления как задача оптимизации // Автоматика и телемеханика. 2024. № 12. С. 3-22. DOI: 10.31857/S000523102412001. EDN: XUOEAO.
11. Еремин Е.Л., Никифорова Л.В., Шеленок Е.А. Многосвязная комбинированная система для функционально-параметрически неопределенного объекта с неаффинностью и запаздыванием по управлению // Информатика и системы управления. 2021. № 2(68). С. 84-97. DOI: 10.22250/isu.2021.68.84-97. EDN: CHPAVO.
12. Давыдова Е.Н., Коппалина А.А. Разработка модели системы безопасности для автоматизированной системы управления предприятием // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Технические науки. 2021. № 4(14). С. 13-16. EDN: ZLFBPP.
13. Власов В.В., Воробьев П.Е. Мир РНК: вчера и сегодня // Наука из первых рук. 2012. № 3(45). С. 40-49. EDN: PBTTEL.
14. Оркин В.В., Нестеренко О.Е., Платонов С.А. Модель системы ситуационного управления в автоматизированной системе поддержки принятия решений // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2021. № 1-2(151-152). С. 40-45. EDN: SUWLQK.
15. Чечкин А.В. Пять принципов многоагентной автоматизированной системы искусственного интеллекта // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2024. Т. 28. Вып. 1. С. 31-49.
16. Smith H.F., Fisher R.E., Everett M.L., Thomas A.D., Bollinger R.R., Parker W. Comparative anatomy and phylogenetic distribution of the mammalian cecal appendix // Journal of Evolutionary Biology. 2009. Vol. 22. Issue 10. Pp. 1984-1999. DOI: 10.1111/j.1420-9101.2009.01809.x.
17. Лисицын А.А., Земляной В.П., Великанова Л.И., Нахумов М.М., Шафигуллина З.Р. Опыт применения органосохраняющих хирургических вмешательств на надпочечниках // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2020. № 3(75). С. 46-49. DOI: 10.19163/1994-9480-2020-3(75)-46-49. EDN: RWGGJM.
18. Иванова Г.Е., Поляев Б.А., Чоговадзе А.В. Физическая реабилитация больных с заболеваниями и травмами нервной системы // Лечебное дело. 2005. № 3. С. 22-29. EDN: OOPHJZ.
19. Бауэр Э.С. Теоретическая биология. М.-Л.: Изд. ВИЭМ, 1935. 151 с.
20. Гленсдорф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. М.: Мир, 1973. 280 с. EDN: PCHNYT.
21. Pross A., Pascal R. The origin of life: what we know, what we can know and what we will never know // Open Biology. 2013. Vol. 3. Issue 3. 120190.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: управление, исследователей в области искусственного интеллекта и моделирования социальных процессов.

Заключение о возможностях

Статья посвящена анализу поврежденных и некомплектных систем, функционирующих в "паллиативном" состоянии с использованием элементов-заглушек и элементов с имитационной активностью. Автор рассматривает механизмы поддержания устойчивости таких систем и возможные сценарии управления ими. Особое внимание уделяется переходному периоду, в течение которого система либо восстанавливается, либо трансформируется, либо прекращает существование.

Методология исследования

Автор использует системный анализ и сравнительный подход, рассматривая различные типы систем (технические, биологические, социально-экономические) и механизмы их адаптации к повреждениям. Методология включает теоретический анализ, классификацию и типологизацию форм паллиативных систем и сценариев управления ими. Прослеживается междисциплинарный подход, сочетающий элементы кибернетики, теории систем, синергетики и теории управления.

Актуальность

Проблема сохранения и управления поврежденными или некомплектными системами имеет высокую актуальность в условиях возрастающей сложности технических, экономических и социальных систем. Исследование предлагает теоретическое осмысление и концептуализацию феномена "паллиативных систем", что важно для обеспечения устойчивости в различных областях — от информационных технологий до государственного управления. Актуальность подтверждается и отсутствием единой теоретической рамки для анализа подобных систем в научной литературе.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в:

Введении и обосновании концепции "паллиативной системы" как особого состояния поврежденной или некомплектной системы

Разработке типологии элементов-заглушек и элементов с имитационной активностью)

Выделении и описании четырех сценариев управления поврежденными/некомплектными системами

Обосновании критериев оценки целесообразности поддержания паллиативного состояния системы

Автор формирует новую концептуальную рамку для анализа переходных состояний систем, что представляет существенную научную ценность.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет четкую логическую структуру: от введения понятия паллиативной системы через анализ механизмов обеспечения устойчивости и типов замещающих элементов к формулировке сценариев управления. Стиль изложения научный, с хорошо проработанной терминологией.

К положительным сторонам работы можно отнести ясность изложения сложного материала и соблюдение логической последовательности. Однако следует отметить некоторую неравномерность проработки разделов — раздел о сценариях управления представлен несколько схематично в сравнении с теоретической частью. Также отсутствуют конкретные примеры практического применения предлагаемых концепций, что снижает прикладную ценность работы.

Библиография

Список литературы включает 11 источников, что представляется недостаточным для такой комплексной проблематики. Библиография включает как классические работы (Э. Бауэр, Пригожин), так и современные источники, однако отсутствуют работы зарубежных авторов последних 5 лет, что указывает на определенную ограниченность обзора литературы. Также не прослеживается критический анализ существующих подходов к изучению устойчивости поврежденных систем.

Апелляция к оппонентам

В статье практически отсутствует полемика с другими авторами. Автор не рассматривает альтернативные точки зрения на проблему и не обосновывает преимущества своего подхода перед существующими концепциями. Это существенный недостаток работы, поскольку научная дискуссия является важным элементом академического стиля.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи логично вытекают из представленного материала и хорошо структурированы. Работа представляет интерес для широкого круга специалистов в области теории систем, управления сложными системами, социальной философии и кибернетики. Особую ценность исследование может представлять для разработчиков сложных технических систем, специалистов по антикризисности публикации

Рассмотренная статья содержит оригинальный теоретический материал, представляющий научную ценность. Несмотря на отмеченные недостатки (ограниченная библиография, недостаточная апелляция к оппонентам, отсутствие конкретных примеров), работа демонстрирует системный подход к важной научной проблеме и вносит значимый вклад в развитие теории систем.

Рекомендация: Статья может быть рекомендована к публикации в журнале "Философская мысль" после доработки следующих аспектов:

Расширение библиографии с включением современных зарубежных исследований

Дополнение раздела о сценариях управления конкретными примерами из различных областей

Включение дискуссии с альтернативными подходами к изучаемой проблеме

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают паллиативные системы с имитационной активностью, в работе рассматриваются факторы их устойчивости и сценарии управления ими.

Методология исследования базируется на обобщении сведений из научных работ по

общей теории систем, кибернетике, теории управления, системному анализу, системной инженерии, синергетике.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что накопленные знания в области обеспечения живучести остаются фрагментированными и разрозненными с существенной спецификой предметных областей, в которых они формируются, а паллиативные системы, под которыми в статье понимаются переходные состояния систем, имитирующих «нормальное» функционирование поврежденной системы за счет замещения повреждений и некомплектности «заглушками» или элементами с имитационной активностью, вовсе остаются за пределами исследований.

Научная новизна работы – выявлены факторы устойчивости и обоснованы сценарии управления паллиативными системами с имитационной активностью.

Структурно в тексте публикации выделены следующие разделы: Введение, Устойчивость и управление, Заглушки и имитационная активность, Сценарии управления поврежденной/некомплектной системой, Выводы и Библиография.

В публикации дано толкование паллиативной системы; отражены четыре возможных варианта управления поврежденной или некомплектной системой; отдельно рассмотрены поврежденные/некомплектные системы с неравновесной устойчивостью. Авторы считают, что обоснованная оценка целесообразности паллиативной системы основывается на двух критериях, характеризующих необходимость сохранения поврежденной/некомплектной системы и необходимость имитации сохранения целостности и активности – в публикации приводятся развернутые описания этих критериев. При изложении материала используются риторические вопросы, которые безусловно способствуют привлечению читательского интереса – такой стиль можно признать удачным. К достоинствам публикации следует отнести также преломление рассматриваемых теоретических положений применительно к системам различной природы: экономическим, техническим, социальным, медицинским и другим.

Библиографический список включает 21 источник: публикации в российских и зарубежных журналах на русском и иностранных языках. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний стоит отметить следующие. Во-первых, в статье не сформулированы цель и задачи исследования, его предмет и объект, не отражены рабочая гипотеза и методы проведения исследования, не акцентировано внимание на элементах приращения научного знания, теоретической и практической значимости полученных авторами результатов. Отражение этих элементов методологического аппарата исследования упростит для читателей понимание научного замысла авторов статьи. Во-вторых, в тексте имеются несогласованные словосочетания, например, в первом предложении введения в деепричастном обороте, заключенном в скобках.

Тема статьи актуальна, отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует тематике журнала «Философская мысль», может вызвать интерес у читателей, но требует доработки в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают «паллиативные системы», или паллиативные состояния систем, когда они достаточно длительное время находятся в положении повреждённых или некомплектных. Паллиативное состояние системы,

согласно автору статьи, крайне важно, поскольку связано с обеспечением её живучести: именно в этом состоянии происходит восстановление системы за счёт замещения повреждённых или отсутствующих элементов. Соответственно, научную актуальность выбранной темы также следует признать весьма высокой для системного анализа, системной инженерии, кибернетики и др. Вполне адекватным представляется и методологический выбор автора: поскольку предметом исследования выступает некий класс систем, то и подход к решению поставленной научной задачи основывается на системном подходе, общей теории систем, а также авторской концепции «эмпирико-метафизической общей теории систем». Принципы авторского подхода рецензенту неизвестны, но общая теория систем пользуется в науке заслуженно высокой репутацией и корректное применение принципов системного подхода, как правило, позволяет получить научные результаты, обладающие достаточной достоверностью. В принципе, автор тоже вполне корректно применяет выбранные для анализа методы, что позволило ему получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт о самом феномене «паллиативных систем» – достаточно новом для науки явлении, и само исследование этого феномена уже является новаторским. Кроме того, автор выявил и проанализировал основные способы восстановления систем в паллиативном состоянии – заглушки или восстановление комплектности. Наконец, внимания заслуживают выделенные и описанные четыре сценария управления такими системами. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы:

- «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается актуальность её исследования, даются определения ключевых терминов, формулируются предмет и объект, цель и задачи исследования, а также его теоретико-методологическая база;
- «Устойчивость и управление», где раскрывается содержание двух основных системных процессов – самовоспроизводства (устойчивости) системы и управления ею;
- «Заглушки и имитационная активность», где выявляются и анализируются два основных способа восстановления «паллиативных систем» посредством замещения повреждённых элементов пустой функцией («заглушкой») или имитирующей функцией;
- «Сценарии управления поврежденной/некомплектной системой», где предлагаются четыре ключевых сценария управления паллиативной системой;
- «Выводы», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический, с сильным философским уклоном. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, первое же предложение излишне громоздко и туманно: «Предметом исследования в рамках различных теорий систем, к числу которых относятся общая теория систем, кибернетика (включая сформированную на ее основе теорию управления), системный анализ, системная инженерия, синергетика и др., являются существующие и создаваемые системы, представление которых соответствует их реальным свойствам» – это предложение лучше было бы разбить на два или три, да и формулировать мысли желательно более точно; и др.) и грамматических (например, пропущенная запятая в предложении «Откуда же в этом случае система "знает" как правильно реагировать на...»; или неверное написание производного предлога «в продолжении» в предложении «На практике актуальной также является задача обеспечения живучести, связанной с сохранением в продолженииИ ограниченного интервала времени...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной и философской терминологии. Библиография насчитывает 21 наименование, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований

по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении теоретической и практической значимости существующих подходов к решению поставленной научной проблемы. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно оригинальную тему, выбранную для анализа, а также довольно значительный эмпирический материал, привлечённый для аргументации и иллюстрации выводов автора.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые незначительные недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для философов науки, специалистов в области общей теории систем, системного подхода, кибернетики, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Философская мысль». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Чекрыгин О.В., Надеина Д.А. Статичность Абсолюта в сочетании с процессным теизмом Бога-Отца в новой онтологической перспективе // Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.73554 EDN: NARURZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73554

Статичность Абсолюта в сочетании с процессным теизмом Бога-Отца в новой онтологической перспективе

Чекрыгин Олег Всеволодович

ORCID: 0009-0007-4393-1445

кандидат философских наук

независимый исследователь

115419, Россия, г. Москва, ул. Серпуховский вал, 24

✉ ochek@bk.ru

Надеина Дарья Александровна

ORCID: 0009-0006-6063-8171

соискатель; институт философии; Санкт-Петербургский государственный университет

115682, Россия, г. Москва, ул. Ореховый, 59

✉ Bogoslovblog@gmail.com

[Статья из рубрики "Онтология: бытие и небытие"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.73554

EDN:

NARURZ

Дата направления статьи в редакцию:

03-03-2025

Аннотация: В данном исследовании рассматривается применение разработанного авторами диалектического метода, который позволяет выводить онтологические уровни через принцип взаимного отражения сущностей и их отрицаний. Согласно этому принципу, каждый более высокий онтологический уровень, проходя через двойное отрицание себя («не-не-я = я-есть-я»), порождает более низкий уровень бытия через сопоставление себя с собственным небытием. Этот процесс иллюстрирует переход от

статичного Абсолюта-Первопринципа к Богу-Отцу. Отражение разума, познавшего Бога, приводит к возникновению бессмертной души, которая существует не в материальном теле, а в трансцендентном мире Духа, в Царстве Отца. Отец готов исполнить волю тех, кто «рожден свыше» (Ин. 3: 5). Таким образом, свобода воли человека реализуется через согласование с волей Бога: по просьбе своих «детей», рожденных в Вечность, Бог изменяет Промысл, и мир трансформируется без прямого вмешательства Духа в материю. Методологическая основа исследования включает историко-философский и философский анализ основных концепций Абсолюта. Кроме того, в работе используются натурфилософские подходы, учитывающие современные достижения естествознания, включая параллели с принципами квантовой механики. Миробитие, как и все высшие онтологические уровни, существует «внутри» Бога, а не за его пределами, как это часто предполагается в различных философских системах. Оно представляет собой картину развития миров, которая существует в «воображении» Бога. Миры выступают в роли своеобразных зеркал, в которых Бог созерцает Себя. Эти отражения обретают самостоятельную и вечную жизнь в вечной «памяти» Бога, которая и есть Царствие Небесное, также пребывающее «внутри» Бога, а не «вне» Его. При этом развитие миров в «воображении» Бога и их пребывание в Его вечной памяти представляют собой две стороны одного процесса, которые не взаимодействуют напрямую. Этот подход также развивает непротиворечивую концепцию бытия мира как отражения Бога в Самом Себе, а Спасения — как вечного пребывания зрелой личности в памяти Бога, что и составляет суть Царствия Небесного. Применение «двойного отрицания» для построения онтологических уровней представляет философскую новизну.

Ключевые слова:

Абсолют, Бог, Отец, дух, душа, свобода воли, любовь, процессный теизм, разум, рождение свыше

Введение

Идея души и Духа как нематериальных сущностей, пребывающих и действующих в мире материи, имеет глубокие корни в истории философии, религии и культуры. Эта концепция развивалась на протяжении тысячелетий, отражая попытки человека объяснить природу сознания, жизни и бытия. Рассмотрим основные этапы формирования этой идеи.

В античной философии идея души и Духа как нематериальных сущностей впервые получила систематическое развитие. Платон рассматривал душу как бессмертную, нематериальную сущность, которая существует до и после физической жизни. В его диалогах, например, в «Федоне» ^[1] душа описывается как источник разума и нравственности, связанный с миром идей: душа бессмертна, ибо она причастна к миру идей, которые вечны и неизменны. Аристотель в отличие от Платона, рассматривал душу как форму тела, которая организует материю и делает её живой. Он выделял три уровня души: растительную, животную и разумную. Разумная душа, по Аристотелю, является нематериальной и связана с высшими интеллектуальными способностями. «Душа есть первая энтелехия физического тела, обладающего жизнью в потенции» («О душе» ^[2]). Идея души и Духа как нематериальных сущностей занимает центральное место во многих религиях. В древнеегипетской религии душа (ка) и Дух (ба) считались отдельными от тела сущностями, которые продолжают существовать после смерти. «Ка — это жизненная сила, а Ба — это душа, которая путешествует после смерти» (Египетская «Книга

мёртвых» [31]). В иудаизме и христианстве душа рассматривается как божественный дар, созданный Богом и предназначенный для вечной жизни. Дух (пневма) часто ассоциируется с божественным началом в человеке. «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт.2:7). В восточных традициях душа (атман) и Дух (брахман) связаны с перерождением и кармой. В буддизме, однако, отрицается существование постоянной души, вместо этого говорится о потоке сознания (виджняна). «Атман есть Брахман» (Упанишады [4]), где атман это Дух человека, а Брахман – общемировой Дух, великий Первопринцип всего. В Средние века идея души и Духа развивалась в рамках христианской теологии и схоластики. Августин рассматривал душу как образ Бога в человеке, подчеркивая её нематериальную природу и связь с вечностью. «Душа есть нечто большее, чем тело, ибо она способна познать Бога» («Исповедь» [5]). Фома Аквинский синтезировал аристотелевскую философию с христианской теологией, утверждая, что душа — это форма тела, но при этом она бессмертна и духовна. «Душа есть акт тела, но она также способна существовать отдельно от него» («Сумма теологии» [6]). В Новое время идея души и Духа подверглась переосмыслению в свете научных открытий и рационализма. Декарт разделил мир на две субстанции: материальную (тело) и духовную (душа). Он утверждал, что душа — это мыслящая субстанция (*res cogitans*), которая существует независимо от тела. «Я мыслю, следовательно, я существую» («Рассуждение о методе» [7]). Кант рассматривал душу как трансцендентальную идею, которая не может быть познана эмпирически, но является необходимой для морали и свободы. «Душа — это идея, которая лежит за пределами опыта, но необходима для понимания морального закона» («Критика чистого разума» [8]). В современной философии идея души и Духа часто рассматривается в контексте сознания, психологии и нейронаук. Шопенгауэр рассматривал душу как проявление мировой воли, которая лежит в основе всего сущего. «Душа — это проявление воли, которая стремится к жизни и страданию» («Мир как воля и представление» [9]). Юнг ввел понятие коллективного бессознательного, где душа (психе) связана с архетипами и духовными символами. «Душа — это мост между сознанием и бессознательным, между материей и Духом» («Архетипы и коллективное бессознательное» [10]).

При этом отметим, что в мире материи Дух как реальная сущность непосредственно никак себя не проявляет. Более того, если Духу материя нужна для проявления себя в ней, как Творца (христианство), породителя (гностицизм), источника Блага (неоплатонизм), основы (пантеизм), закона (иудаизм), Первопринципа (индуизм) бытия, а также в качестве проявленности своего существования, проекции и отражения себя, осуществления своих творческих порывов (Бергсон), слепой воли к жизни (Шопенгауэр) и других проявлений Духа в зависимости от концепции, то материи, в которой Дух сам, непосредственным своим явлением себя никак и никогда не проявляет, Дух вообще ни для чего не нужен, она прекрасно обходится физическими законами бытия. Которые, конечно, можно приписать действию Духа, но опять-таки опосредованному через установление этих законов – что неочевидно – а не непосредственному воздействию Духа на материю.

Если встать на сторону тех, кто в своих концепциях развивает идею проявления Духа в сознании и через сознание человека, через его духовную основу, нематериальную природу, то вызывает удивление, почему разум, являющийся проявлением Духа и потому сам будучи Духом по своей природе, оказывается не способен созерцать явления Духа: Бога и его божественные проявления в Духе – непосредственным схватыванием,

поскольку подобное, будучи сродственно подобному, должно осуществлять свою причастность к целому в первую очередь в созерцании и осознании его, как своего породителя. Однако, разум воспринимает и осознает лишь опосредованную через ощущения и чувства материальную природу бытия – и никогда не ощущает своей непосредственной причастности к Всемирному Духу. Более того, если человеку вовремя не сообщить об этой идее, он так и останется в неведении относительно духовной природы своего разума до конца дней своих, созерцая в уме лишь тот образ окружающего его мира материи, который предоставлен ему его чувствами и ощущениями.

Авторы отнюдь не относят себя к сторонникам материализма, и перечислили все вышесказанное с единственной целью представить основательные доводы для пересмотра отношения к высшей нервной деятельности человека как особого внедрения иноприродного Духа в мир материи. Авторы предлагают свою концепцию построения новой онтологической перспективы, которая в то же время созвучна и многим идеям великих философов как классической, так и неклассической метафизики. Если попытаться принять трансцендентность, то есть несовместимость, не взаимодействие, взаимное не существование друг для друга природ Духа и материи, то есть их неспособность к какому-либо непосредственному взаимодействию в принципе, то придется отказаться от богословского утверждения относительно существования души, обитающей в теле человека: «духовная» душа не может пребывать в материальном теле, в котором она не способна удержаться без взаимодействия с материей. И, таким образом, придется признать вслед за материалистами, что никакой души в самом человеке, внутри или около его тела, и – шире – у всего живого нет, а разум и сознание, как и все остальные «духовные» способности являются порождением материальных процессов тела, биохимических и биоэлектрических реакций, протекающих в совокупности клеток нервной системы. В дальнейших рассуждениях авторы станут исходить из этого предположения.

Однако, авторы не отказываются окончательно от концепции души, но предлагают обратиться к учению Иисуса о рождении свыше: «3 Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». По мнению авторов, душа рожденного свыше является отражением его человеческой личности в Царство Отца, в вечную жизнь, которая уже началась в нем для удостоившихся здесь и сейчас, параллельно с продолжением жизни тела в мире материи. А вовсе не в посмертии тела, смерть которого в мире материи на пребывании души в Царстве Отца никак не отразится: личность человека продолжит свое существование в мире Духа.

С этого начинается описание авторской концепции, названное нами новой онтологической перспективой, поскольку в ней авторы представляют свое видение развития классической онтологии божественного, включающее в себя решение застарелых проблем метафизики: процессности божества в сочетании с полной статичностью Абсолюта, способности Духа управлять миром материи в условиях их абсолютной взаимной трансцендентности, совершенствовании Бога в его неизменном совершенстве, пребывание Бога и богоприсутствие Духа в трансцендентном ему мире материи, свобода воли и выбора человеческой личности в условиях жесткого детерминизма мира материи – и все это в сочетании со многими идеями, высказанными в рамках прозрений мистической интуиции великими философами и богословами своего времени.

Очевидно, что в рамках одной публикации подробно развить такую концепцию в общем

виде не представляется возможным и речь может идти лишь о том, чтобы пунктирно наметить возможность объединения основных идей, не более того.

1. Цель, методология, предмет и новизна исследования

Цель данной публикации авторы видят в том, чтобы предложить философское рассуждение об авторском видении метафизической проблемы Абсолюта, а также собственное решение этой проблемы.

Методология исследования основана на историко-философском и философском анализе ключевых концепций Абсолюта в европейской мысли.

Предметом настоящего исследования является онтология неоплатонизма: применение разработанного авторами диалектического метода для выведения онтологических уровней через принцип взаимного отражения сущностей и их отрицаний [\[11\]](#) позволяет авторам предложить решения таких застарелых проблем неоплатонизма, как «апория трансцендентности», и некоторых других. Принцип двойного отрицания в паре «бытие-небытие» является, как считают авторы, основополагающим в «механизме» образования более низких онтологических уровней из более высоких: каждый более высокий онтологический уровень через собственное двойное отрицание себя «не-не-я = я-есть-я» порождает более низкий уровень бытийности через сравнение Себя с собственным небытием. Этот процесс раскрывает переход от статичного Абсолюта-Первопринципа к Богу-Отцу, который присутствует в бытии мира исключительно в человеческом разуме как концепция Бога.

Применение авторами «двойного отрицания» для построения *онтологических* уровней по принципу отражений является, насколько нам известно, оригинальной идеей, представляющей философскую новизну.

Также авторы предлагают пути преодоления фундаментальных теоретических трудностей, свойственных как классической модели Абсолюта (основанной на примате статичности), так и современным попыткам её переосмысления (в частности, в процессуальном теизме, где Первоначало интерпретируется динамически). А также: выстраивают новую онтологическую перспективу для решения апории трансцендентности, согласно которой Бог порождается в бытие и пребывает в нем только лишь в разуме верующего человека; предлагают подход к разрешению противоречия между свободой воли и предопределением; и новую интерпретацию процессного теизма, в которой Бог открывает Любовь в себе посредством человека. Эти разработки, по мнению авторов, могут представлять интерес, также являя определенную богословско-философскую новизну.

2. Статичность Абсолюта, порождение Личности через отторжение иного и Бог как абсолютный эгоист

В античной философской традиции Абсолют традиционно наделялся атрибутом статичности, что рассматривалось как признак его совершенства. Однако это порождало фундаментальную проблему: каким образом абсолютная статичность может быть источником динамики космоса, то есть как неизменное начало способно инициировать процессы изменчивости и движения? «В предельно абстрактном виде апория трансцендентного начала раскрывается в 1-й гипотезе диалога Платона "Парменид"». Здесь показано, что если рассматривать единое само по себе, независимо от всего, что с ним не совпадает, то относительно такого единого нужно будет отрицать любое бытийное определение. В таком случае придется сказать, что оно не существует в т. ч. и

как единое. Оно не является "ни тождественным себе или иному, ни отличным от себя или от иного". Это означает, что о нем нельзя сказать "единое есть единое", поскольку оно лишено всякой определенности и смысла, которые бы отличали его от других вещей и делали чем-то, существующим наряду с ними. Оно также не отличается ни от чего, т. е. не допускает вне себя ничего иного. Будучи таковым и отрицая свое иное, единое не может быть началом» [12, с. 660]. Плотин, развивая платоновскую мысль, отождествляет Абсолют с Единым, лишенным каких-либо атрибутов процессности, мысли, жизни или воли. В рамках неоплатонизма Единое понимается как начало, превосходящее любые формы динамики, что делает его принципиально статичным. В ранней патристике, особенно в учении о Боге-Троице, Бог-Отец, занимающий место неоплатонического Единого, оказывается эклектичным соединением несоединимого: он вечен и неизменен, но в нем обнаруживается процессность в виде порождения Сына-Слова и исхождения Святого Духа. В схоластике, особенно у Фомы Аквинского, Бог понимается как «actus purus» — чистая реальность, бытие в первичном и полном воплощении. Николай Кузанский связывает Абсолют с абсолютным максимумом, где исчезает различие между возможностью и бытием: «Абсолютный максимум есть то единое, которое есть все» [13, с. 51.] В философии Спинозы Абсолют понимается как абсолютно бесконечная субстанция, состоящая из бесконечно многих атрибутов. Лейбниц вводит понятие «necessitas absoluta» — абсолютная необходимость, которая понимается как основание мира. В немецкой классической философии, особенно у Фихте, Шеллинга и Гегеля, Абсолют понимается как субъект, объект или их единство. Гегель рассматривает Абсолют как Дух, который раскрывается через диалектический процесс. Кант, однако, смещает вопрос об Абсолюте в область гносеологии, утверждая, что абсолютно безусловное не может быть предметом опытного исследования.

Критика классических концепций Абсолюта начинается с Шопенгауэра, Баадера, Кьеркегора и Маркса. Фейербах заявляет, что собственная сущность человека есть его абсолютная сущность, его Бог. В новейшей философии, особенно у Гуссерля и Хайдеггера, Абсолют понимается через призму сознания и бытия. Постмодернизм, особенно у Деррида, освобождает от власти Абсолюта, превращая мироздание в чисто феноменальный мир. Анри Бергсон предлагает процессуальную интерпретацию Абсолюта, утверждая, что время и временное изменение являются важнейшими характеристиками Абсолюта. В процессуальной теологии, развитой Уайтхедом и Хартсхорном, Бог вовлечен во временные процессы и подвержен их влиянию, что ставит под сомнение его абсолютность.

Приведенный выше в кратких тезисах историко-философский обзор показывает, что и классические концепции Абсолюта в пост-античный период, и переход с середины 19-го века к неклассической метафизике в целом представляют собой попытки решения проблематики теистического понимания в рамках пантеистической идеи. «Единственный выход — признать Бога и мир неразрывно связанными, но саму их связь описывать как несимметричную, необратимую: все вещи имманентны Богу, но Бог трансцендентен по отношению к вещам. Как разъясняет Шеллинг в своем известном труде о человеческой свободе, вещи немислимы вне Бога, так как являются производными по отношению к Богу, в то же время "Бог есть единственно и изначально самостоятельное, само себя утверждающее, к которому все остальное относится лишь как утверждаемое, как следствие к основанию". <...> Таким образом, пантеизм в смысле «мистического пантеизма» является вполне легальной метафизической моделью; более того, согласно Шеллингу, "вряд ли можно было бы отрицать, что каждое разумное воззрение должно в том или ином смысле тяготеть к этому учению". Эта метафизическая модель составляет

безусловный центр всей истории европейской философии, все оригинальные и содержательные философские системы в истории можно понять как ее творческое развитие и уточнение [\[14, cc.17-19\]](#)».

Процессуальный теизм — это направление в философии религии, объединяющее идеи процессуальной философии (А. Н. Уайтхед [\[30\]](#), Ч. Хартсхорн [\[31\]](#)) с классическим теизмом. В отличие от традиционного представления о Боге как неизменном и всемогущем существе, процессуальный теизм подчеркивает динамичность Бога, Его вовлеченность в мировые процессы и способность к изменениям.

Современные концепции процессуального теизма.

Динамическая концепция Бога: Бог не абсолютно неизменен, а взаимодействует с миром, реагируя на свободные действия существ. Влияние Бога — не принудительное, а убеждающее (Уайтхед: "Бог — великий соблазнитель" [\[30\]](#)).

Отказ от всемогущества в классическом смысле: Бог не контролирует всё напрямую, а действует через убеждение и кооперацию. Это позволяет решить проблему зла: зло — результат свободы творений, а не бездействия Бога.

Панентеизм: Мир пребывает в Боге, но Бог не сводится к миру (в отличие от пантеизма).

Ч. Хартсхорн [\[31\]](#): Бог включает в себя мир, но трансцендентен ему.

Критика и развитие: Некоторые теисты (например, представители неотомизма) критикуют процессуальный теизм за отход от классического понимания Бога. Современные авторы (Дж. Кобб, М. Сучок) развивают его в сторону междисциплинарного диалога с наукой.

Таким образом, процессуальный теизм остается влиятельным направлением, предлагающим альтернативу как жесткому классическому теизму, так и атеизму. Его современные версии интегрируют идеи экологии, науки и межконфессионального диалога.

Однако, заметим, что в этих концепциях остаются по-прежнему не решенными основные проблемы как классической так и неклассической онтологии: как Бог-Дух взаимодействует с материей, если они взаимно не существуют друг для друга (апория трансцендентности); так и не решен вопрос «несимметричности» трансцендентности Бога к материи и имманентности материи Богу, не описан возможный механизм их взаимодействия без взаимного превращения одного в другое; нельзя просто декларировать пребывание мира в Боге без объяснения того, как это пребывание осуществляется практически — это сводит утверждения подобных концепций к бездоказательному декларированию ничем не подтвержденных утверждений; Бог, не обладающий божественными свойствами всемогущества и всесильности, перестает быть Богом в классическом понимании и становится чем-то вроде ребенка, которому дали полезно поиграть с игрушкой мира с целью научить его полезным навыкам — и тогда встает вопрос о том, кто же является учителем божества. Предлагаемые развития постмодернистских концепций человека как самого себе бога при всей их оригинальности возвращают онтологию в пределы наблюдаемой вселенной, вне которой ничто не мыслится как реальность бытия.

По обозначенным выше причинам нерешенности основных онтологических проблем имеющих в наличии моделях неклассической метафизики, авторы предпочитают вернуться к классическому пониманию Абсолюта, чтобы попытаться вывести

процессность Бога из самого Абсолюта, сохранив его онтологическую метафизику как Единого Первопринципа, при этом отдавая должное всемерное уважение признанной оригинальности и научной авторитетности современных версий Его переосмысления.

Авторы считают, что наиболее достоверным источником знаний о Непостижимом может являться прижизненная проповедь Иисуса, в которой Он неоднократно подчеркивает Свое единство с Отцом. В евангельском откровении Бог представлен как Отец, заботящийся о Своих детях с любовью, что противоречит неоплатоновскому представлению об Абсолюте как о бесстрастном, безвольном и самонеосознающем Первопринципе. Разрешение этого кажущегося противоречия авторы видят в общепринятом богословском признании Бога Личностью, обладающей разумом и сознанием, что уже неоднократно обсуждалось в религиозных и философских концепциях. Однако, в отличие от тех, кто ограничивается простым утверждением личности Бога без должного обоснования, авторы предлагают рассмотреть возможность развития Абсолюта от абсолютного Сверх-Ничто до Отца Небесного, явленного Иисусом.

В начале развития нашего рассуждения авторы считают необходимым еще раз указать на вынужденную «пунктирность» изложения основных идей, подробно развитых и обоснованных по отдельности в целом ряде предшествующих публикаций [\[15-20\]](#).

Абсолюту в классическом понимании абсолютного стасиса противопоставлено как единственное иное ему только лишь абсолютное Ничто, которое парадоксальным образом должно быть имманентно Абсолюту как идея его собственного отрицания. Эта первоначальная «бессущность» представляет собой абсолютное отрицание, полное отсутствие Единого, его исчезновение. Будучи ничем, это «иное» Единому не нарушает его сверхсущей единости, не мешает ему по-прежнему быть Единым, а абсолютная свобода Единого, декларированная в классической метафизике начиная с Платона в его диалоге «Праменид», состоит в том, что оно может «быть или не быть», пребывая сразу в *обоих* возможных положениях.

Аналогия этому двойственному «сверхсуществованию» Единого усматривается авторами в понятии «суперпозиции» квантовых объектов: кот Шредингера одновременно и жив, и мертв [\[21\]](#). Определение нахождения такого объекта в конкретном состоянии возможно лишь путем его измерения, то есть удостоверения его состояния путем наблюдения, что предполагает наличие наблюдателя – до акта наблюдения положение объекта остается неустранимо двойственным. В этом смысле Единое может стать Единым сущим, лишь став собственным наблюдателем Себя. Принять одно из двух параллельно присутствующих в Самом Сверхсущем возможных положений Себя Сверхсущему можно только через обнаружение себя в отражении из своего отрицания, которое есть двойное отрицание: иное иному есть само Единое, опознавшее себя, отличившее Себя от собственного небытия, и ставшее быть. Здесь нет волевого акта со стороны Единого, но лишь отражение одного в другом, Единого в ином и иного в Едином подобно системе двух параллельно установленных зеркал, создающих друг в друге бесконечную перспективу собственных взаимных отражений, тот самый мир многого, который множится не потому что хочет, а потому что может [\[16\]](#). По сути, эта система взаимных отражений Сверхсущего Единого и Ничто без всякой необходимости создает мир многого без привлечения неоплатоновской эманации Блага, его произвольного переливания за пределы себя, что остается не объясненным с точки зрения предполагаемого «переливанием» наличия пределов и границ беспредельного и безграничного Абсолюта. Явленный Абсолютом мир многого не предполагает и не создает никакой процессности самой по себе, существуя наряду с Абсолютом в бесконечности своих виртуальных

отражений Его в Ничто, которые не являются реальностью их бытия, но присутствуют в Абсолюте как их возможность быть. Заметим, что порожденный в отражениях мир многого в этом смысле являет из Абсолюта бесконечно много «себя», то есть это не умножение самостоятельных сущностей, но лишь повторение Абсолюта в перспективе собственных отражений. Из этого можно заключить, что и сам по себе, и в своих отражениях Абсолют остается наедине с собственным одиночеством: есть Единое или Единое есть (первые две гипотезы платоновского диалога «Парменид» в интерпретации Лосева), но имеется в наличии только оно само и ничего иного ему – и потому Единое пребывает и в себе, и в своих отражениях в состоянии полной эгоцентричности, замкнутости на себя и свою самость, которая не знает Любви, поскольку не имеет кого любить. Если определить любовь как способность принятия иного наравне с собой, то «любовь к себе», явленная Абсолютом в самоосознании, является антиподом любви, чистым эгоизмом, то есть полным неприятием иного, поскольку личностное божество является таким образом «продуктом» отторжения единственного иного Абсолюту – собственного отрицания – и, как видим, основана на неприятии иного себе, его отторжении. Такова природа себялюбия – оно есть антипод и отрицание любви. Так что богословское утверждение о том, что Бог есть Любовь, и Бог сотворил мир по преизбыточеству своей любви к творению опровергается изначальным божественным эгоизмом: можно предположить, что, не имея кроме себя никого, Бог не знает любви и не любит никого, потому что любить ему просто некого. К этому нашему замечанию мы еще вернемся в дальнейшем, а пока продолжим наше рассуждение, в котором переход от состояния суперпозиции к реальности одного из двух «виртуальных» состояний Абсолюта возможен исключительно через процесс Его самоосознания, который осуществляется посредством взаимного отражения Единого в «ином», то есть в Ничто, и обратно. Это отражение, представляющее собой двойное отрицание Сверхсущим самого себя (не-не-я = «я есть я»), позволяет Абсолюту обнаружить себя как Нечто, отличное от своего собственного небытия, Ничто, тем самым утверждая свое бытие. Здесь мы отмечаем *беспроцессный* переход от статического Первопринципа (Абсолют-Ничто) к самосознающему Абсолюту-сущему, что соответствует неоплатоническому второму онтологическому уровню (Ум): «... то, что всегда совершенно, рождает *всегда*, причем рождает *вечное*...» [\[22, с. 327\]](#) – поскольку рождение Ума из Единого в неоплатонизме не является разовым актом, но происходит *всегда*, постоянно.

Самоосознавший себя как сущего Абсолют вместе с самосознанием обретает разум и личностность – с этого может запускаться *процесс самопознания* Абсолютом себя в разуме личностного Бога. Однако, в отличие от неоплатонизма, этот новорожденный Бог пребывает не в нашем бытии, а в собственном Сверхбытии, возникшем как нисхождение Абсолюта из Сверхсуществования в новое состояние, доступное только ему – иначе, если бы не так, и все происходило бы в бытии мира, мы бы могли лицезреть Бога воочию, лицом к лицу. Именно и только с него и в нем начинается *процесс* самопознания, предвосхищенный Эриугеной [\[23\]](#): Божество познает само себя, а бесконечность Абсолюта приводит к бесконечности процесса его собственного самопознания. «Акт сотворения мироздания есть одновременно акт Божественного самопознания. Бог познает себя в Сыне-Логосе, т. е. тем самым в акте творения истинно сущих идей; в этом акте сам Бог получает свое бытие в соответствии с принципом: "Познание того, что существует, есть то, что (само) существует"» [\[24, стр. 160\]](#). Этот бесконечный рефлексивный процесс является ключевым элементом представленной модели, отличая ее от статических представлений о Божестве. Самопознание становится не конечной точкой, а непрерывным процессом, движущей силой которого является потенциал абсолютного, постоянно раскрывающийся в своем собственном Сверхбытии.

При этом, наряду с отсутствием конца, процесс этот не имеет и начала, как нулевой точки отсчета последовательности событий, имея, наряду с непознанностью божеством себя его беспроцессную полноту возможности самопознания, как всеохватность мира многого собой в виде всей бесконечной перспективы отражений себя в зеркалах собственного небытия. Наглядно представить себе этот процесс можно по аналогии с человеком, озирающим каменную россыпь целиком: наряду с общим видом он может взять любой камень в произвольной последовательности и приблизить к глазам, чтобы рассмотреть его отдельно от остальных. Такое «более пристальное» рассмотрение Богом конкретных отражений Себя дает возможность проявиться таящемуся в нем, как Абсолюте всему бесконечному множеству идей, каждая из которых тоже является частным случаем все того же Абсолюта в окружении других частных, и может быть рассмотрена как отдельно от них, так и во всей их совокупности. Таким образом Абсолют устанавливает границы каждого из собственных отражений, присваивая ему имя в соответствии с рассмотренной им совокупностью частных и частичных проявлений себя в данном конкретном собственном отражении. Появление имени порождает идею «зеркала-в-себе», в котором Сверхбытийствующий может осмотреть себя и наблюдать за собой в пределах своего ограниченного его именем Сверхбытия. Процесс самопознания и самоограничения посредством имен Божьих развивается бесконечно. Определив себя именем, Абсолют продолжает расширяться на безымянность, присваивая себе новые имена по мере расширения самосозерцания. Каждое имя представляет собой этап частного самопознания, сначала Абсолюта-Сверхбытийствующего, ограничивающего себя *именем*, а затем выходящего за собственные границы и вновь познающего себя в новых границах: Бог предстает как процесс и одновременно стасис *самосозерцания*, а мир многого – как порождение системы зеркал, в которых Бог созерцает себя.

Таким образом, на втором этапе мы достигли аристотелевского понимания Бога, как сущности, сосредоточенной на самосозерцании: «Бог Аристотеля думает только о Себе», и «лично не озабочен судьбами мира и даже самим фактом его вечного существования около него и в связи с ним» [\[25\]](#). Это соответствует стадии развития самопознания Абсолюта, где акцент делается на саморефлексии, в рамках развития самоограниченного Сверхбытия. Отметим опять-таки отсутствие в этом самопознании категории Любви, принципиально не присущей божественной сущности ввиду ее полной замкнутости на себя и как следствие отсутствия и иного, как объекта возможности осуществления любви, и самой идеи любить кого-то кроме себя самого, поскольку нет ничего иного помимо себя.

3. Бог как Любовь

Следующий шаг на пути от безликого Абсолюта-Первопринципа до его превращения в Отца Небесного требует дальнейшего рассмотрения и объяснения возможной логики механизмов перехода от чистого самосозерцания к личностному взаимодействию с творением, к проявлению любви и заботы о созданном мире.

Итак, мы установили, что Сверхбытийствующий Бог, порождающий миры как зеркала, чтобы смотреться в них, исполнен самодовольства и самодостаточности, будучи увлечен процессом самопознания, который бесконечен – и потому ему бесконечно нет никакого дела до происходящего в порожденных им мирах: за них отвечают их Данности [\[15\]](#), или Промыслы – идеи, заключенные в присвоенных Сверхбытийствующим Себе Именах по мере развития собственного самопознания. То есть, присвоив себе в самопознании очередное Имя, как идею мира и тем создав его Данность, «совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые

делал» (Быт 2:2) – для мира он пока что не существует. А мир развивается по Промыслу Данности, порожденному Именем-Словом (богословское утверждение: Бог творит своим Словом). Слово порождает Данность, которая также, по аналогии с Абсолютом-Первопринципом, из своей статичной суперпозиции со своим исчезновением через двойное отражение себя в себя из своего небытия порождает бытие Промысла, то есть уже наш мир, как разворачивающуюся во времени ленту мгновенных снимков Данности бытия наблюдаемой вселенной в положении полной предопределенности согласно мельчайше детальному плану Промысла о нем, изначально уже заключенному Богом в собственном Имени, присвоенном им этому миру. Все объекты и существа в этом мире предстают как марионетки, действующие согласно предопределенному плану, исключаящему свободу выбора: ни о каком выборе в мире причинно-следственной предопределенности речи быть не может, выбору нет места в мире, где «все предопределено» [\[26\]](#).

Этот порядок сохраняется до появления Разума, который начинает искать Бога. Первоначально, богоискательство служит инструментом защиты от непонятных и грозных явлений. Однако, впоследствии, этот процесс усложняется, неизбежно приводя к формированию идеи Бога как покровителя.

Обращение человека к Богу происходит опять-таки уже знакомым нам способом, а именно через суперпозицию бытия Бога в разуме человека (Бог-есть|Бога нет): пока эта дилемма не возникла в разуме человека, Бог в бытии мира, которое само по себе его нимало не интересует, не проявляется. Однако в собственном разуме человек выступает как наблюдатель божественной суперпозиции, и именно он, как наблюдатель, определяет только в своем разуме, есть Бог или Его нет. Так Бог-Дух, трансцендентный миру, обретает в нем бытие не где-нибудь, а единственно в разуме человека, для которого одного Бог есть, а для другого – Бога нет. Человеческий разум определяет выход Бога из суперпозиции Сверх- бытия-небытия в определенность одного из двух возможных состояний Бога в бытии мира: или Бог есть, или Бога нет. «И для тех, для кого Он есть, Бог становится подлинным заботливым Отцом тому, кто пригласил Его в бытие мира в своем разуме – и взаимно был по словам Иисуса рожден свыше, и тем самым взят в Царство Отца бессмертной душой, являющейся обратным отражением личности человека из мира земного в Царствие Небесное» [\[17\]](#). В этом смысле парадоксальным является то, что не Бог порождает человека в бытии мира, но человек – Бога: вне разума уверовавших Богу-Духу более нигде нет места в мире материи. Подчеркнем еще раз, что при условии иноприродности Духа и материи Бог-Дух не может непосредственно воздействовать на материю с целью ручного управления миром наблюдаемой вселенной. Единственная возможность воздействия на бытие мира остается и имеется именно (согласно утверждению Хартсхорна: «Бог – великий соблазнитель») через «шепот» Бога в разуме человека.

Дети божии, рожденные свыше (Ин. 3:5) и обретшие бессмертные души в Царстве Отца, представляют собой обратное отражение их разумов в божественное Сверхбытие. Они переходят из мира земного в Царство Небесное в виде «рожденных Свыше» духов своих разумов (бессмертные души существуют не в смертных телах, но в Царстве Отца, где их вечная жизнь уже началась параллельно с продолжающейся в бытии мира жизнью тела) и обращаются к Отцу с просьбами о сочувствии к тем, кто им дорог в «мире бушующем». В ответ на эти просьбы Бог вмешивается в собственный Промысел, изменяя его – и тогда в мире происходит обыкновенное чудо. Так осуществляется в мире полной предопределенности Промысла и абсолютной детерминированности бытия свобода воли Человека: не непосредственно в выборах разума в мире сем, но опосредованно через

свободу Бога как угодно изменить Промысл, *переназвав себя* в собственном отражении, и тем изменив бытие мира по воле просящих. Заметим, что такое воздействие Бога на бытие мира с целью его изменения по воле своих детей решает также апорию трансцендентности: Бог, будучи иноприродным материи Духом, с миром материи непосредственно не взаимодействует, но изменяет бытие через изменение своего Промысла о нем.

Здесь следует особо подчеркнуть очередной парадокс авторской концепции: Любовь порождается человеком в Боге, а не Богом в человеке. Бог, как порождение изначального эгоизма Единого, отвергшего единственное иное ему – собственное небытие – именно у человека научается *приятно* в полноте (а не отторжению) *иного* себе наравне с самим собой (например, в браке). Более того, человеческая любовь в первую очередь по отношению к собственным детям, распространяясь затем на всеобщее человеческое братство, достигает вершин жертвенной любви как способности не только приятия иного наряду с собой, но и самопожертвования в виде отказа от себя ради иного, которую Иисус обозначил как предел совершенства: «Нет большей любви, чем если кто пожертвует своей жизнью ради другого» (Ин 15:13). Заметим, что и здесь, на уровне отдельной человеческой личности, срабатывает диалектический принцип порождения онтологических уровней через взаимное отражение сущностей и их отрицаний, основанный на законе «отрицания отрицания»: «...Всё конечное, вместо того, чтобы быть прочным и окончательным, наоборот, изменчиво и преходяще, поскольку, будучи в себе самом другим, выходит за пределы того, что оно есть непосредственно, и переходит в свою противоположность» [\[27\]](#) – пожертвовавший собой ради другого отражается из небытия ближнего, добровольно избранного им как свое, в подлинное бытие, и для Бога начинает «быть а не казаться» («Esse quam videri» [\[28\]](#)): обретает себя в Сверхбытии Бога, быв в Любви «верен до смерти» (Флп. 2:8) и получив в награду обещанное Иисусом рождение Свыше в Царство Отца «автоматически», без собственного обращения за ним к Богу. И на нем исполняется пасхальное славословие Иисуса, который «воскрес из мертвых, смертью смерть поправ» [\[29\]](#).

В ответ на возможные возражения ученых богословов, утверждающих, что «Бог есть Любовь», заметим, что богословское утверждение о сотворении мира Богом «по преизбыточеству своей Любви к Творению» содержит в себе неявное, незаметное на первый взгляд противоречие: если в Боге имеется «преизбыточество Любви», то таковое свидетельствует о несовершенстве самого божества, которому или чего-то не хватает (например, славящих его) или недостаточно «места» в нем самом, не вмещающем свое «преизбыточество» – что входит в противоречие с богословским утверждением об абсолютном совершенстве божества.

Это положение о научении Бога любви предлагаемой авторами концепции также вполне согласуется с концепцией «динамического» Абсолюта: Бог принимает в себя сочувствие, жалость и любовь принятых Им в свое Сверхбытийное «Царство Отца» *иных* себе своих рожденных свыше детей *наравне* с собой из любви к ним, как их сотворчество в развитии мира – и тем самым, изменяя свой Промысл о мире, являющемся отражением его самого, и сам меняется, обогащаясь сотворенной людьми любовью и через нее совершенствуясь. Таким образом, описываемый авторами «механизм» процессности Бога соотносится и с концепцией «процессного теизма» Уайтхеда и Хардскорна [\[30,31\]](#), где Бог находится в постоянном взаимодействии со своим творением, изменяясь и развиваясь под влиянием этого взаимодействия. Бог является не статичной и неизменной, но динамической и процессной сущностью, участвующей в жизни мира и преобразующейся в Бога-Любовь под воздействием человеческой любви и сострадания, совершенствуясь

в своем совершенстве.

При этом, напомним, что в самом Абсолюте никакой процессности нами не предполагается, это не процесс его «развития», но лишь статичная картина развернутой перспективы отражений в параллельных «зеркала» суперпозиции Себя и Нет-Меня. Как писал Николай Кузанский, «в едином Боге свернуто все, поскольку все в Нем; и Он развертывает все, поскольку Он во всем» [\[13, с. 104\]](#). Можно сказать, что Самопознающий себя в Абсолюте Бог, обогащаясь научением, полученным из созерцания миров и общения с разумами рожденных Свыше, обращается вновь к самопознанному в Абсолюте для того, чтобы обнаружить в Себе то, что, будучи познанным в процессе созерцания миров, уже находилось в свернутом виде в Абсолюте как Первопринципе всего, и было не познано Богом, пропущено в его самопознании Себя как Абсолюта – и теперь восполняется в нем за счет познания в созерцании миров. Так Абсолют восполняет себя, эволюционируя в процессе самопознания – в виде более пристального самосозерцания, увеличения «оптического разрешения» самоогляда Бога в своих отражениях.

4. Бог как созерцатель

В мыслительном процессе человеческого сознания изреченное, услышанное или вспомненное слово вызывает зрительный образ, с ним связанный, который возникает в сознании, как на некоем экране перед мысленным взором – но этот экран не существует в реальности нигде. Однако, видимый в воображении «внутренним зрением» образ может быть зафиксирован в памяти и существовать в виде записи, которая может быть в любой момент возвращена в сознание в виде образа-воспоминания. Если применить к приведенному выше описанию процессности божественного сознания аналогию с человеческим сознанием – а подобная аналогия божественного сознания с работой человеческого мышления и памяти встречается и в классическом христианском богословии, к примеру в августиновской корреляции между Ипостасями Троицы и человеческой психикой с ее триадой «ум – воля – память» [\[32\]](#) – то в этой наглядной модели Бог-Личность наблюдает «внутренним зрением» развитие Идей, заключенных в Словах, содержащих самоназвания-Имена актов самопознания Абсолюта в разуме божества, и запоминает их до их полной завершенности. Таким образом, любое мимолетное бытийное видение развития божественной идеи, существуя для нас как реальное бытие, но на самом деле являясь лишь видением Бога развившейся из Слова идеи, записывается в недрах памяти божественного сознания и обретает в нем свое подлинное бытие в Вечности, которое и есть пребывание в Царстве Отца, и обещанная Иисусом Вечная Жизнь в Боге, Который, породив Образ, запомнил и уже не забудет его. Здесь уместно вспомнить характерный для библейского повествования образ книги, в которой зафиксированы смыслы и судьбы всего сущего [\[33\]](#). То есть, и безжизненный Абсолют-Первопринцип, и сам процессный Бог-личность, порожденный самопознанием Абсолюта, и его Слово, и порожденная им Данность, и ее осуществление, и ее образ, отраженный в Вечность, и материальный Космос, как отражение вечной Данности в бытие уже нашего привременного мира существуют в недрах Божества, не вступая в бытийные противоречия друг с другом, но сосуществуя в Боге, как различные стороны и проявления одной и той же божественной сущности единого бытия Божия – и таким естественным образом снимается проблема трансцендентности-имманентности Бога и материи. Подчеркнем, что материя существует лишь как образ, развивающийся внутри идеи, порожденной Словом, и не существует в каком-то «месте», отдельном и отделенном от Бога, материальный образ лишь показывается Богу в Его собственном

«воображении», как отражение Его в зеркале порожденной Его Словом идеи. Никакой материи и миров вне Бога не существует, все они есть Сам Бог, и находятся в Боге. Подчеркнем также, что Бог, пребывающий в благодати и созерцании, его Слово, им порожденное из созерцания себя и Дух, развивающий своим действием Слово-идею в образ-отражение Бога, созерцающего в этом отражении опять же одного себя, являются одним и тем же Богом и существуют вместе, воедино, как единое целое. Эта авторская идея с нашей точки зрения завершает развитие как пантеистических, так и панентеистических интуиций, обобщая их в единую концепцию.

Подчеркнем еще раз, что весь мир многого как перспектива отражений Абсолюта, по своей природе является полностью статичным. А процессность в Боге возникает в виде перебора в созерцании Богом своих отражений, как отдельных сущностей. Этот процесс сопровождается возникновением некоего подобия «божественного» времени как последовательности созерцания отражений: Бог рассматривает свои отражения, переходя в самопознании от предыдущих видений Себя к последующим. Созерцание само по себе не ставит никаких целей, оно не является осуществлением неосуществленных желаний или выражением восполнения божественной неполноты – всех аспектов нарушения совершенства божественного Абсолюта в развитых в прошлом моделях. Таким образом снимается проблема цели творения. При этом онтологическое время миров, явленных в отражениях, возникает в процессе развития Данностей или Промыслов созерцаемых Богом миров.

В этом контексте необходимо осветить вопрос об аналогах концепции созерцающего Бога в истории богословия и философии, учитывая, что феномен созерцания является ключевым понятием в предлагаемой нами богословско-философской концепции. В контексте критики метафизики философия XX в. вывела феномен созерцания на периферию своих разработок и теперь по большей части он представляет для современных ученых лишь историко-философский интерес.

В диалоге Платона «Федр» мы читаем следующие строки: «Мысль бога питается умом и чистым знанием... созерцанием истины и блаженствует...» [\[34, 247d\]](#). Важную роль феномен созерцания имеет в теологии Аристотеля: «Бог Аристотеля — как бы идеальный, величайший и совершеннейший философ, созерцающий свое познание и свое мышление чистый теоретик. Его стихия — умозрение» [\[25, с. 26\]](#). Стагирит говорил, что Бог есть «ум», который «мыслит сам себя, если только он превосходнейшее и мышление его есть мышление о мышлении» [\[35, с. 316\]](#). Созерцая себя, Бог осуществляет высшую (дианоэтическую) добродетель. Такой Бог не мыслит природу «участливо». Бог здесь принципиально замкнут на себе, «автоматически» своей божественной жизнью запуская процесс реализации вечного космоса. У Плотина в трактате, который называется «О природе, созерцании и едином», мы встречаем утверждение о том, что «все вещи произошли из созерцания» [\[22, с. 95\]](#). Представитель Нового Времени Гёрхард Терстёген (1697-1769) в письме 92 о созерцании пишет: «Душа взирает только на Бога, а не на саму себя, созерцательным образом – когда Господу угодно внутренне открыть ей Себя уже более явно (Ин. 14, 21), и ощутительно соприсутствовать ей. Тогда очи души отверзаются, и она блаженно-сладчайшим действием Божиим привлекается к Сему соприсутствующему ей и вседовольствующему её Благу, дабы неотрывно взирать на Него и прилепляться к Нему, – что и называется состоянием созерцания» [\[36\]](#). Сопоставляя представленные выше концепции созерцания в контексте раскрытия божественной жизни, можно увидеть отличия представленной нами схемы от историко-философских аналогов.

Вернемся к упомянутому выше понятию онтологического (объективного) времени развития Промыслов о мирах. В восприятии наблюдателя время представляется как непрерывное, равномерное движение всей вселенной в целом от прошлого к будущему. Однако, как было показано авторами в [20], рассматривая время как единичный акт онтологического порождения, как трансцендентное дарование бытия-небытия Данностью, мы получаем иную картину. Бытие оказывается будущим, небытие – прошлым, а время – моментом перехода, мгновенной трансформацией, в которой старый мир уничтожается, переходя в небытие, а новый возникает, стремясь к бытию, лишь для того чтобы, в свою очередь, уступить место следующему. Ввиду того, что, согласно общим представлениям, бытие от небытия разделяет миг перехода от жизни к смерти, от бытия к небытию, краткое, бесконечно малое мгновение, то остается предположить, что границей бытия-небытия является время: бытие есть будущее, небытие – прошлое, а время, как граница – точка их взаимодействия. Однако сама Данность, проявляющаяся во времени, пребывает в неизменной Вечности в виде данного Богом миру Данности превечного Имени-Слова. Можно говорить о проявлении Данности в бытии мира в виде бесконечной последовательности мгновенных актов бытия-небытия, где бытие и небытие дискретны в своей непрерывности. Время выступает как мгновенная реализация момента из Вечности, в которой пребывает Данность: оно отделяет бытие от самого себя, переводя прошлое в небытие и направляя бытие в будущее, определяемое прошлым. Время – это онтологический акт отражения еще не познанного в себе Данностью в ушедшем в небытие познанным. Время как бы «выхватывает» мгновенный кадр из Вечности и воплощает его в бытии, предопределяя будущее как следствие прошлого. В этом смысле время выступает как «последний Бог» Хайдеггера [37] («Последний Бог – уникальная фигура в философии Хайдеггера. Он появляется через Ereignis проходит мимо людей, оставляя им только кивок, намек (Wink). Он не является ни сущим, ни творцом сущего, но он проявляет себя в тот момент, когда бытие как Sein сбывается в одноразовости события» [38, с. 107]). В этом смысле подтверждаются интуитивные озарения Бергсона. «В этом рассуждении Бергсон решительно противопоставляет друг другу внутренний мир человеческих личностей, обладающий слитной цельностью и длящийся в подлинном времени, и материальный мир, существующий в вечном "теперь", обладающий пространственной протяженностью и содержащий только отдельные несвязанные и статичные состояния движущихся объектов. Здесь возникает совершенно естественный вопрос: существует ли вообще движение в материальном мире, движение как таковое?» [14, с. 85] Картина последовательности статичных состояний внешнего мира в представлении Бергсона превращается в непрерывность его движения во времени лишь в сознании наблюдателя: «...каждое из так называемых последовательных состояний внешнего мира существует в отдельности, и их множественность реальна только для сознания, способного сначала их удержать, а затем рядоположить их в пространстве внешним образом по отношению друг к другу. Сознание сохраняет их благодаря тому, что эти разные состояния внешнего мира порождают состояния сознания, которые взаимопроникают, незаметно организуются в целое и вследствие самого этого объединения связывают прошлое с настоящим» [39, с. 102] – что подтверждает наше представление о бытии, как последовательной череде статичных картин состояния вселенной, проявленных развитием Данности через отражение в бытие моментов вновь познаваемого Ею в ранее познанном, уходящем в небытие. Как уже было упомянуто авторами ранее в [20], «время, как ощущаемый нами непрерывно текущий с постоянной скоростью однонаправленный поток из прошлого в будущее не существует, но представляет собой... череду и набор статичных "снимков" состояний вселенной, отражающих каждый очередной уровень самопознания Данности,

отраженный в бытие». Последовательность шагов самопознания Данности создает своеобразную череду «онтического времени» процесса самопознания Данности, которое отображается в виде иллюзии непрерывности течения онтологического времени вселенной; наблюдатель – как внешний по отношению к бытию, так и внутренний из мира – воспринимает процесс смены отдельных статичных картин мира как онтологическую временную непрерывность развития вселенной во времени. Однако реальность онтологического времени является дискретной чередой смены статичных «кадров» состояния вселенной. Здесь уместно напомнить о гипотезе квантового характера времени: конкретная модель хронона была предложена Пьеро Калдиолой в 1980 году, в его работе один хронон соответствует 7×10^{-24} секунды [40]. Такой взгляд на Данность как порожденного Отцом Сына-Слово, творящего мир в процессе самопознания по аналогии с «механизмом» самопознания Абсолюта в Сверхбытии Бога-личности, создает представление о мире как о последовательных актах проявления в бытии самопознающего Божества, этот мир творящего собой и из себя; ничего другого в бытии, кроме по шагам проявляющего себя в нем Бога, не существует, вселенная есть сам Бог, проявленный в бытии, а ее развитие есть процесс его самопознания.

В завершение описания предлагаемой авторами концепции надлежит разъяснить кажущееся противоречие природ: с одной стороны утверждается разноприродность Духа и материи, не способных к прямому взаимодействию друг с другом по причине взаимной трансцендентности; с другой стороны, здесь же утверждается единство божественной природы Абсолюта, содержащего в себе и только в себе: и Бога как разумную личность, и божественные Промыслы о мирах, как развивающиеся в Боге Идеи, и сами миры, бытие которых также пребывает в Боге и развивается в Нем как видения в Его Разуме – ничего кроме Бога и помимо Его не существует, имея единую божественную природу Абсолюта как Первопринципа всего. В качестве разъяснения подчеркнем, что, по нашему мнению, Дух и материя – лишь различные стороны бытия Бога, как различны, к примеру, в человеческом разуме зрение и слух: слух не способен видеть, а зрение – слышать, хотя основа этих чувств и восприятий одна и та же, заключенная в единой высшей нервной деятельности человека. Более того, в самой материальной природе окружающего нас мира имеется множество примеров не взаимодействия природных феноменов, которое можно трактовать как их трансцендентность, то есть взаимное не существование друг для друга. Таким примером может служить молния, в которой присутствуют и соседствуют порожденные ею свет и звук, которые, однако, существуют и проявляют себя независимо друг от друга и никакого взаимного влияния не оказывают, являясь различными сторонами одного и того же природного явления. В этом смысле следует понимать авторское утверждение трансцендентности Духа и материи как проявления различных сторон единого бытия Божия.

Заключение

Принцип двойного отрицания в паре «бытие-небытие» является, как считают авторы, основополагающим в «механизме» образования более низких онтологических уровней из более высоких: Сверхсущее-несущее порождает божественное сверхбытие, сверхбытие-небытие Бога порождает Данность, как идею мира, отразившую в себе Бога, заглянувшего в собственное небытие, Данность, сравнившая себя с собственным отрицанием, порождает predetermined ею бытие, в котором Разум, пройдя долгий путь богоискательства, находит отражение Бога в себе, и взыскав его через двойное отрицание идеи Бога (есть Бог или нет Бога – Бог ЕСТЬ!) в себе, отражается обратно из бытия в божественное сверхбытие в виде бессмертной души человека, замыкая таким образом онтологический круг от высшего к низшему и обратно. Где, став свидетелем

сверхбытия божия, разрешает сверхбытийную суперпозицию божества, или породив в себе Бога в бытии, или отказав Ему в бытии в собственном разуме, и более нигде: человек приводит Бога в мир только в собственном разуме.

Таким образом, на основании предложенной авторами модели можно заключить, что личностный Бог, порожденный в самоосознании Себя Абсолютом-Первопринципом в собственное Сверхбытие, в свою очередь порождает в нем творящее Слово, которое является Его Именем, Идеей или Данностью, представляющем бытие промысленного Богом мира, как возможного отражения Себя, в свернутом состоянии. Слово, являющееся Сыном Бога, «младшим» Богом собственного мира бытия, запускает процесс сотворения мира собой из себя через самопознание своей Данности, проявляемой в разворачивании Данности в бытие порожденной Данностью вселенной. Самопознание Данности происходит пошагово как отражение освоенной данности через сравнение с собственным познанным небытием – в бытие; каждый последующий шаг самопознания создает новую статичную картину бытия мира. Последовательность шагов самопознания Данности создает своеобразную череду «онтического времени» процесса самопознания Данности, которое отображается в виде иллюзии непрерывности течения онтологического времени вселенной.

Миробытие, как и все вышестоящие онтологические уровни, пребывает «внутри» Бога (а не вне его, как это принято во многих философских системах) в виде картины развития миров в «воображении» Бога. Сами миры являются своего рода зеркалами, в которых Бог видит Себя. Эти его отражения обретают самостоятельную вечную жизнь в вечной «памяти» Бога, которая и является единственно существующим Царством Небесным опять-таки «внутри» Бога, а не «вне» Его: никакого «вне», и ничего кроме Бога не существует. Таким образом решается и проблема трансцендентности-имманентности: все происходит в самом Боге и никакого «вне его» вообще не существует; при этом развитие миров в «воображении» Бога и пребывание в божьей памяти-вечности, будучи одноприродны по принадлежности к Богу, являются двумя никак не взаимодействующими непосредственно сторонами единого пребывания в Боге. А также развивается непротиворечивая концепция бытия мира как отражения Бога в нем самом, и Спасения, как вечного пребывания зрелой личности в памяти Бога, которое есть Царствие Небесное.

В предлагаемой концепции и предопределение, и свобода вполне уживаются, найдя каждая свое собственное место: предопределенность Промысла и жесткая детерминированность закона причинности господствует в мире бытия, а свобода является прерогативой одного лишь Бога, найдя которого в собственном разуме, человеческие личности вместе с Ним обретают и желанную свободу осуществлять выбор из предоставленных Богом возможностей через прямое вмешательство Бога в промысел по воле своих «рожденных свыше» детей, остающихся в бытии мира человеческими личностями – так, опосредованная в свободе Бога, осуществляется свобода личности изменить мир на пользу тем, кто им дорог в бытии мира. Бог же, в свою очередь, изменяя Промысл о мире по воле своих детей, осуществляет свою «процессность», научаясь у Человека любви, жалости и состраданию ко всему живому, и обогащаясь их любовью, меняется к лучшему, совершенствуясь в своем совершенстве.

Предложенная нами онтология божественного, с точки зрения авторов, сводит воедино, объединяет в общую концепцию разрозненные интуиции авторов многих неклассических метафизик и процессного теизма, при этом примиряя их с классической онтологией Единого. В ответ на возможные возражения укажем на «порывы Духа» Бергсона, источник которых хотя так и остался не объясненным автором, но вполне укладывается в

рамки предложенной нами концепции; на «Бога как великого соблазнителя» Хардсхорна, не задавшегося вопросом о природе взаимодействия Бога-Духа с миром материи; наконец, укажем вновь на «последнего Бога» Хайдеггера, нашедшего непротиворечивое объяснение именно в авторской концепции онтологического времени вселенной.

В заключение отметим еще раз, что предложенная авторами концепция отнюдь не претендует на доказательность и тем более доказанность, но лишь является попыткой вернуться к классической метафизике с тем, чтобы указать на ее актуальную неисчерпанность для философских осмыслений, и предложить на ее основе альтернативную версию развития классической онтологии с включением идей неклассической метафизики, и показать, что не исключена возможность их непротиворечивого объединения.

Библиография

1. Платон. Диалог об идее "бессмертие" философа классич. древности Платона. Москва: Университетск. тип., 1891. 104 с.
2. Аристотель. О душе. Перевод и примечания П.С. Попова, предисловие В.К. Сережниковой. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
3. Египетская Книга мертвых. Папирус Ани Британского музея. Перевод, введение и комментарии Э.А. Уоллеса Баджа. М.: Алетейа, 2003. 416 с.
4. Сыркин А. Я. Упанишады, перевод с санскр., предисл. и комм. В 3-х книгах. М.: Наука, 1992.
5. Августин Аврелий. Исповедь. М.: "Дарь", 2005. 544 с. ISBN 5-485-00011-8.
6. Фома Аквинский. Сумма Теологии. Перевод с лат. С.И. Еремеева, А.А. Юдина. Киев: Эльга; М.: Ника-Центр, 2002. Ч. II-I. Вопросы 49-89. 2008. 536 с.; Ч. II-I. Вопросы 90-114. 2010. 432 с.
7. Декарт Р. Рассуждение о методе. Декарт Р. Сочинения в 2 томах. М., 1989–1994. Т. 1.
8. Кант И. Собр. соч. в 8 т. М., 1994. Т. 3.
9. Артур Шопенгауэр. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый. Перевод Ю. И. Айхенвальда под редакцией Ю. Н. Попова. М.: "Московский клуб", 1992.
10. Юнг Карл Густав. Архетипы и коллективное бессознательное. Москва: Издательство АСТ, 2019. 496 с.
11. Чекрыгин О.В., Надеина Д.А., Мезенцев И.В. Проблематика неоплатонического раскрытия гипотез «Парменида» и решение «апории трансцендентности» // Философская мысль. 2024. № 12. С. 161-174. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.12.72346 EDN: ETWSWS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72346
12. Месяц С. В. Неоплатонизм. Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ "Православная энциклопедия", 2017. С. 657-672.
13. Николай Кузанский. Об ученом незнании. Сочинения. М.: Мысль, 1979. Т. 1. С. 47-142.
14. Евлампиев И. И. Анри Бергсон: философия грядущей эпохи. СПб.: Издательство РХГА, 2020. 360 с. ISBN 978-5-907309-20-3.
15. Чекрыгин О.В., Мезенцев И.В., Надеина Д.А. Критика логики гипотез диалога "Парменид" и формирование новой "онтологической перспективы". Теология: теория и практика. 2024. Т. 3. № 1. С. 79-96.
16. Чекрыгин О.В., Надеина Д.А., Мезенцев И.В. Проблематика неоплатонического раскрытия гипотез "Парменида" и решение "апории трансцендентности". Философская мысль. 2024. № 12. С. 161-174.
17. Чекрыгин О.В., Надеина Д.А., Мезенцев И.В. Опыт процессуальной интерпретации

- абсолюта на основе учения Иисуса // Философская мысль. 2024. № 12. С. 139-160. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.12.72508 EDN: EWJWPC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72508
18. Надеина Д.А., Чекрыгин О.В. Проблема предопределения и свободы в историко-философском контексте. Вестник науки. 2025. № 2 (83) том 1. С. 903-925. ISSN 2712-8849. Электронный ресурс: <https://www.вестник-науки.рф/article/21326> (дата обращения: 05.03.2025).
19. Чекрыгин О.В., Надеина Д.А., Мезенцев И.В. Концепция бога как созерцателя: космологические, антропологические и этико-сотеариологические аспекты // Философская мысль. 2025. № 1. С. 67-93. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.1.73209 EDN: UGSTHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73209
20. Чекрыгин О.В., Надеина Д.А., Мезенцев И.В. Применение математических аналогий в интерпретации самопознания божественной Сверхсущности // Философская мысль. 2025. № 2. С. 26-42. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.2.73077 EDN: ANFTHC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73077
21. Schrödinger E. Die gegenwärtige Situation in der Quantenmechanik (нем.). Naturwissenschaften. 1935. Bd. 23, H. 48. S. 807-812. ISSN 0028-1042. doi:10.1007/BF01491891.
22. Плотин. Трактаты. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. 444 с.
23. Эриугена И.С. Перифьюсеон. Философия природы в античности и в Средние века. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 480-530.
24. История философии: Учебник для вузов. Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М.: Академический Проект, 2005. 680 с.
25. Асмус В. Метафизика Аристотеля. Аристотель. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 5-49.
26. Хокинг С. Все ли предопределено? Черные дыры и молодые Вселенные. СПб.: Амфора, 2001. 187 с.
27. Современная энциклопедия. 2000. Архивировано 11 сентября 2016 года. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Диалектика>. Последнее обращение 01.01.25.
28. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: "Наука", 1993 (репринт текста издания 1974 г.).
29. Чтение на каждый день Великого поста. Дементьев Д.В. М.: Сретенский монастырь, 2009. 448 с.
30. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 716 с.
31. Hartshorne C. The Divine Relativity: A Social Conception of God. Charles Hartshorne Philosophy. 1948. № 24 (91). С. 358-359.
32. Фокин А.Р. "Психологическая теория" Троицы Аврелия Августина в историко-философском контексте. [Электронный ресурс]. Азбука веры. 22.02.2024. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej-Fokin/psihologicheskaja-teorija-troitsy-avrelija-avgustina-v-istoriko-filosofskom-kontekste/>. Последнее обращение 01.03.25.
33. Андросова В. А. Небесные книги в Апокалипсисе Иоанна Богослова. Москва: ПСТГУ, 2013. ISBN 978-5-7429-0863-0.
34. Платон. Федр. Перевод А. Н. Егунова. Редакция греческого и русского текстов, вступительная статья, комментарии, хронология, индексы имен и наиболее употребительных терминов Ю. А. Шичалина. М.: Прогресс, 1989.
35. Аристотель. Метафизика. Аристотель. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63-368.
36. Терстеген Герхард. Жизнеописание. Избранные письма. Москва: Издательский дом Практика, 2022. ISBN: 978-5-89816-189-7. 512 с.
37. Мартин Хайдеггер. К философии (О событии). Пер. с нем. Эльфира Сагетдинова. М.:

Изд-во Института Гайдара, 2020. 640 с.

38. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический Проект; Фонд "Мир", 2010. 389 с.

39. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992.

40. Caldirola, Pierro. The introduction of the chronon in the electron theory and a charged lepton mass formula. Lett. Nuovo Cim. 1980. P. 225-228.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает статичность как характеристика Абсолюта в авторской онтологической перспективе. Актуальность данной темы авторы справедливо связывают с «неисчерпанностью» классической метафизики для философских осмыслений. Собственно, тот текст, который предложен к рецензированию, и не является научным текстом. Поэтому к нему нельзя прилагать типичные для научных статей методологические требования. Перед читателем – философское рассуждение об авторском видении метафизической проблемы Абсолюта, а также авторское решение этой проблемы. Соответственно, многие из выражений, используемых авторами, попросту неприменимы в данном контексте. Так, никакой «научной новизны исследования» в рецензируемой работе нет. Просто потому, что никакой науки читатель не обнаруживает. Это философское исследование, и именно в таком виде его и нужно понимать и анализировать. К проблеме корректности авторских формулировок мы ещё вернёмся. Здесь же следует сказать, что в качестве базового метода авторы декларируют историко-философский анализ ключевых концепций Абсолюта в европейской мысли, а к этому зачем-то добавляют «системный и междисциплинарный подходы», которые, по их мнению, позволяют «рассмотреть проблему с различных ракурсов и углубить понимание возможностей интерпретации Абсолюта в современном контексте». Разумеется, ничего подобного системный подход не «позволяет». Он вообще не про это. Само понятие системы в рецензируемом тексте упоминается ровно девять раз, и каждый раз это относится либо к «философским системам», либо к авторскому мыслительному эксперименту с «системой двух параллельно установленных зеркал», которые, разумеется, системой не являются. Термин «элемент» упоминается лишь единожды, да и то вскользь и не несёт никакой концептуальной нагрузки. Поэтому можно заключить, что следов применения системного подхода в рецензируемой статье не обнаружено. Впрочем, ни системный, ни междисциплинарный подход и не нужны при решении тех задач, которые авторы ставили перед собой. Для этого достаточно методов историко-философского и философского анализа. Авторы упоминают ещё и метод аналогий, который «благодаря концептуальному и феноменологическому анализу, а также натурфилософских подходам, основанным на современных достижениях естествознания..., позволяет перейти к интуитивному осмыслению Непостижимого». Данную сентенцию вообще невозможно понять. Прежде всего, если использовались концептуальный анализ и феноменологические методы, то почему бы не заявить их? Кроме того, КАК метод аналогий – самый слабый из всех известных методов по той причине, что чаще вводит в заблуждение, чем позволяет получать достоверное знание, – может «позволить перейти к интуитивному осмыслению»? Зачем при интуитивном осмыслении метод аналогий? Тем не менее, если не обращать внимания на эти методологические странности, а попытаться понять логику авторов как философскую

логику, то всё становится на свои места: перед нами достаточно оригинальное философское рассуждение, обладающее, разумеется, не научной, но философской новизной, и именно это соображение позволяет рекомендовать статью к публикации с целью обсуждения идей авторов в философском сообществе. В числе наиболее интересных для этого обсуждения идей можно отметить метафизику Абсолюта, которую развивают авторы, а также их рассуждения о совместимости этой идеи со свободой. В структурном плане рецензируемая работа производит вполне положительное впечатление: её логика последовательна и отражает логику проведённого философского исследования. В тексте выделены следующие разделы: «1. Введение», где ставится проблема, анализируется её история в философии, а также актуальность для современности; «2. Цель, методы и научная новизна исследования», где осуществляется (не очень удачная, как говорилось выше) попытка определить предмет исследования, использованные методы, а также сформулировать его цель и задачи; «3. Статичность Абсолюта, порождение Личности через отторжение иного и Бог как абсолютный эгоист», где проводится историко-философский анализ концепта Абсолюта, как он был представлен в трудах Платона, Фомы Аквинского, Спинозы и т.д., а также выявляется связь данного понятия с идеей Бога; «4. Бог как Любовь», где осуществляется «третий шаг» философской рефлексии в процессе анализа перехода аристотелевского «Абсолют-Первопринципа» в христианского «Отца Небесного»; «5. Бог как созерцатель», где анализ завершается исследованием превращения Абсолюта в Бога-созерцателя самого себя; «6. Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи философский. Однако в тексте встречается довольно большое количество стилистических погрешностей. Так, в начале статьи заявляется, что предметом исследования «является применение разработанного авторами диалектического метода для выведения онтологических уровне через принцип взаимного отражения сущностей и их отрицаний». Однако «применение» не может быть предметом исследования! Применение той или иной технологии, методики, концепции и т.д. может иметь целью апробацию этой технологии, методики, концепции и т.д., но никак не предмет ИССЛЕДОВАНИЯ, то есть, поиск нового и установление истины относительно этого предмета. Встречаются и ещё более странные формулировки, например: «Целью авторов является желание предложить...». Столь двусмысленное высказывание не может не вызвать такие же двусмысленные ассоциации о соответствующих местах, где считается допустимой целью удовлетворение желаний, но научная статья должна удовлетворять только одно желание – истины. Слово «дух» авторы пишут то со строчной буквы (например: «Идея души и духа как нематериальных сущностей...»), то с прописной («в мире материи дух как реальная сущность непосредственно никак себя не проявляет. Более того, если Духу материя нужна для...»), причём это различие никак не проясняется в тексте. То же можно сказать и о слове «бог»: «Эти его отражения обретают самостоятельную вечную жизнь в вечной "памяти" бога...», «...Собственная сущность человека есть его абсолютная сущность, его бог» (слово «бог» написано со строчной буквы), «вещи немыслимы вне Бога», «...Бог вовлечен во временные процессы и подвержен их влиянию...» (то же слово написано с прописной буквы). И это также не объясняется в тексте. Встречаются в работе и прямые грамматические ошибки (например, ненужная запятая в предложении «...Доводы для пересмотра отношения к высшей нервной деятельности человека, как особого внедрения иноприродного духа в мир материи»; или, напротив, пропущенная запятая в предложении «по мнению авторов душа рожденного свыше является отражением»; или пропущенный предлог в предложении «придется отказаться богословского утверждения относительно существования души»; и др.). И именно этот

факт стал ключевым при принятии решения о необходимости отправки рецензируемой статьи на доработку. Авторы написали крайне сложный для восприятия текст, перегруженный очень длинными предложениями, смысл которых теряется в процессе их чтения, но когда это всё сопровождается ещё и грубыми стилистическими и грамматическими ошибками, возможность понять текст исчезает окончательно. Поэтому авторам необходимо тщательно вычитать текст на предмет устранения стилистических и грамматических погрешностей.

Библиография насчитывает 40 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние философских исследований по проблематике статьи.

Апелляция к оппонентам имеет место при анализе основных подходов к проблематике Абсолюта.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве философской работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты будут интересны для философов, историков философии, метафизиков, теологов, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Философская мысль». Но в тексте содержится большое количество стилистических и грамматических погрешностей, которые должны быть устранены до публикации. Соответственно, по результатам рецензирования статья рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования является онтология неоплатонизма, в частности проблема соотношения статичности Абсолюта и процессности Бога. Авторы предлагают разработанный ими диалектический метод на основе принципа "двойного отрицания" для выведения онтологических уровней через взаимное отражение сущностей и их отрицаний. В фокусе работы находится переход от статичного Абсолюта-Первопринципа к Богу-Отцу, который, согласно авторской концепции, присутствует в бытии мира исключительно через человеческий разум.

Методология исследования

Методология основана на историко-философском и философском анализе ключевых концепций Абсолюта в европейской философской мысли. Авторы применяют разработанный ими диалектический метод, в основе которого лежит принцип "двойного отрицания" и взаимного отражения. Методология включает аналитический разбор классических и современных представлений об Абсолюте (от Платона и неоплатоников до Бергсона и процессуальной теологии), с последующим синтезом новой онтологической модели.

Заметно использование аналогий и метафор (например, система зеркал, кот Шрёдингера) для иллюстрации философских идей. Авторы открыто признают "пунктирность" изложения концепции, ссылаясь на подробное обоснование отдельных идей в ряде предшествующих публикаций.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена попыткой разрешения фундаментальных противоречий между классическими представлениями о статичном Абсолюте и современными динамическими интерпретациями божественного. Работа направлена на преодоление "апории трансцендентности", которая остается неразрешенной проблемой в философии религии и метафизике.

Авторы стремятся соединить классическую онтологию с элементами неклассической метафизики, что отвечает современным тенденциям философского синтеза. Обращение к проблеме свободы воли и предопределения также придает работе актуальность в контексте современных дискуссий о детерминизме.

Научная новизна

Новизна исследования заключается в следующих аспектах:

Применение принципа "двойного отрицания" для построения онтологических уровней по принципу отражений представляется оригинальной идеей.

Предложена новая концепция порождения Богом мира и обратного отражения человека в божественное сверхбытие.

Представлена модель, объясняющая совмещение статичности Абсолюта с процессностью Бога.

Выдвинута необычная идея о том, что "Любовь порождается человеком в Боге, а не Богом в человеке".

Предложено решение проблемы трансцендентности через концепцию Бога, присутствующего в бытии мира исключительно в человеческом разуме.

Несмотря на то, что авторы обращаются к идеям предшественников (неоплатоники, Кузанский, Бергсон и др.), их синтез и переосмысление этих идей представляет научный интерес.

Стиль, структура, содержание

Структура работы логична и выстроена последовательно, от введения в проблематику через историко-философский обзор к изложению авторской концепции и заключению. Деление на разделы помогает структурировать сложный материал.

Стиль изложения преимущественно академический, но с элементами эссеистичности. Текст изобилует философской терминологией и требует от читателя серьезной подготовки в области онтологии и метафизики. Язык местами излишне усложнен, что затрудняет восприятие и без того сложных философских построений.

Содержательно работа представляет собой амбициозную попытку создания целостной онтологической модели, объединяющей различные философские традиции. Авторы обращаются к широкому кругу вопросов: от природы Абсолюта и механизмов его самопознания до проблем свободы воли, времени и сотериологии.

Однако некоторые ключевые тезисы недостаточно аргументированы и представлены скорее как интуиции, чем как логически обоснованные положения. Это признается и самими авторами, когда они характеризуют свое изложение как "пунктирное".

Библиография

Библиографический список достаточно обширен (40 источников) и включает как

классические философские работы (Платон, Аристотель, Плотин, Николай Кузанский и др.), так и современные исследования. Заметно присутствие собственных работ авторов (6 ссылок), что показывает последовательное развитие ими своей концепции.

Использование источников корректно, с надлежащим цитированием. Однако можно отметить некоторую избирательность в обращении к литературе: при анализе процессуального теизма недостаточно представлены работы его современных последователей и критиков.

Апелляция к оппонентам

Авторы демонстрируют знакомство с различными философскими традициями и взглядами, однако прямой диалог с потенциальными оппонентами их концепции выражен слабо. В статье недостаточно представлена критика возможных контраргументов против предлагаемой модели, что очень важно в контексте доказательности аргументации.

Авторы признают "оригинальность и научную авторитетность современных версий переосмысления" Абсолюта, но всё же предпочитают "вернуться к классическому пониманию", что требовало бы более развернутой аргументации относительно слабостей современных подходов.

Выводы, интерес читательской аудитории

Авторы представили оригинальную и амбициозную концепцию, стремящуюся соединить статичность Абсолюта с процессностью божественного бытия. Предложено интересное решение "апории трансцендентности" и проблемы свободы воли через идею опосредованного присутствия Бога в мире через человеческий разум.

Работа представляет интерес для специалистов в области онтологии, философии религии и метафизики. Она может быть полезна исследователям неоплатонизма и процессуальной теологии, а также тем, кто интересуется проблемами соотношения человека и божественного.

Однако сложность языка и высокий уровень абстракции значительно ограничивают потенциальную аудиторию. Для более широкого восприятия концепции желательно было бы сделать изложение более доступным, с более четкими определениями вводимых авторами понятий и более наглядными иллюстрациями теоретических построений.

Рекомендация

Статью можно рекомендовать к публикации после доработки. Основные направления доработки:

Необходимо усилить аргументацию ключевых положений концепции, особенно тезисов о порождении любви человеком в Боге и о присутствии Бога в мире исключительно через человеческий разум.

Желательно более детально проработать вопрос соотношения предлагаемой модели с современными концепциями процессуального теизма.

Следует уделить внимание возможной критике предлагаемой концепции и представить контраргументы.

Стоит упростить некоторые формулировки для более ясного донесения сложных идей до читателя.

Полезно было бы дополнить статью схематическими изображениями предлагаемой онтологической модели для наглядности.

При условии доработки в указанных направлениях статья может представлять значительный интерес для философского сообщества как оригинальная попытка непротиворечивого соединения классической и неклассической метафизики.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная для публикации в журнале «Философская мысль» статья посвящена глубокой и многогранной проблематике онтологии, а именно исследованию взаимодействия статичности Абсолюта и процессного теизма в контексте философских и богословских концепций. Авторы статьи предлагают достаточно оригинальную интерпретацию концепта статичности, которая сочетает идеи классической и неклассической метафизики и открывает новые философские горизонты для понимания природы Бога и его отношения к миру.

В методологическом отношении исследование основано на историко-философском анализе ключевых концепций Абсолюта, включающих в том числе диалектический метод. Авторы успешно применяют принцип двойного отрицания для выведения онтологических уровней, что позволяет глубже понять сложные взаимосвязи между бытием и небытием, а также статичностью и динамичностью божественной сущности.

Тема статьи чрезвычайно актуальна, так как она затрагивает вопросы, которые волнуют философов и теологов на протяжении веков. В условиях современного мира, где пересекаются различные культурные и религиозные традиции, поиск новых подходов к пониманию Бога и его роли в жизни человека становится особенно важным. Вместе с тем авторы могли бы усилить актуальность представленной рефлексии путем соотнесения с ключевыми религиозными концептами современности, которые находят свое отражение в официальных духовных институтах по всему миру.

Научная новизна статьи подтверждается тем, что в ней предложено достаточно оригинальное решение для застарелых проблем неоплатонизма и классической онтологии, таких как апория трансцендентности. Новизна заключается также в интеграции идей процессного теизма и статичности Абсолюта, что открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области философии и теологии.

Статья написана ясным и доступным языком, что делает ее понятной для широкой аудитории. Структура логична и последовательна, что позволяет читателю легко следовать за ходом мысли авторов. Однако материал выглядит достаточно сложным, введение дополнительных тематических подзаголовков позволило бы легче ориентироваться читателю в отдельных разделах статьи. Тем не менее, содержание насыщено глубокими философскими размышлениями и ссылками на классические тексты, что подчеркивает научный подход авторов.

Библиография статьи включает в себя значительное количество классических и современных источников, что свидетельствует о тщательной подготовке и глубоком исследовании темы. Это также позволяет читателям ознакомиться с основными концепциями, на которые опираются авторы.

Авторы не избегают критики существующих концепций и открыто обсуждают возможные возражения, что свидетельствует о высоком уровне их научной добросовестности. Это

делает статью не только оригинальной, но и важной для дальнейшего диалога в научном сообществе.

Статья однозначно представляет собой значительный вклад в философию и теологию, предлагая новые идеи и подходы к пониманию божественной сущности. Она будет интересна как специалистам в области философии, так и широкой аудитории, интересующейся вопросами существования Бога и природы реальности. Авторы успешно демонстрируют, что даже в рамках классической метафизики можно найти новые пути для осмысления вечных вопросов, что делает их работу актуальной и вдохновляющей для будущих исследований. Несмотря на незначительные замечания, статья может быть рекомендована к публикации без внесения каких-либо доработок.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Фуэнтес Гонсалес С. Докритические мысленные эксперименты Канта и спор о Vis Viva // Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.38034 EDN: NAEUGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38034

Докритические мысленные эксперименты Канта и спор о Vis Viva

Фуэнтес Гонсалес Серхио Альберто

ORCID: 0000-0003-4200-2605

аспирант; Высшая школа философии, истории и социальных наук; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ)
Научный сотрудник; Академия Кантиана; Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

236041, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14

✉ Gfuentes1@kantiana.ru

[Статья из рубрики "Натурфилософия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.38034

EDN:

NAEUGW

Дата направления статьи в редакцию:

10-05-2022

Аннотация: В статье исследуется роль, которую мысленные эксперименты сыграли в оценке Кантом спора о живой силе (vis viva). Данный спор касался противоположных представлений о природе силы: в картезианской традиции сила понималась количественно – как импульс, тогда как в лейбницианском подходе – качественно, как кинетическая энергия. Анализируя докритическое сочинение Канта «Мысли об истинной оценке живых сил», автор стремится прояснить методологическое значение мысленного эксперимента в контексте данной научной полемики. В статье реконструируется кантовская стратегия использования мысленных экспериментов как способа методологического посредничества между картезианским и лейбницианским лагерями, а также исследуются основные онтологические и эпистемологические вопросы, возникающие в связи с этим спором. Через такую реконструкцию проясняется, как Кант прибегал к воображаемому моделированию, чтобы критиковать существующие теории и предложить методологически согласованную альтернативу. Статья опирается на стратегию рациональной реконструкции, систематически анализируя докритические

аргументы Канта как мысленные эксперименты. Путём сравнительного анализа кантовские рассуждения помещаются в контекст историко-научной дискуссии и современных философских интерпретаций мысленных экспериментов, с особым вниманием к литературе по эпистемологии Канта и философии науки. Научная новизна исследования заключается в явной трактовке ранних кантовских аргументов как подлинных мысленных экспериментов – аспект, ранее упускавшийся в научной литературе. Анализ показывает, что Кант осознанно строил свои доказательства как «эксперименты» – несмотря на их гипотетический и контрфактический характер – и считал их убедительными даже без эмпирической проверки. Гибкость, присущая его воображаемому подходу, позволила ему одновременно критиковать и примирять динамику Лейбница с кинематикой Декарта, опираясь на единую методологическую позицию. В числе ключевых выводов – признание того, что использование Кантом мысленных экспериментов с бесконечным варьированием условий, идеализированными конструкциями и контрфактическими ситуациями сыграло решающую роль в формировании его методологии. Таким образом, статья вносит вклад в понимание преемственности между докритическим и критическим этапами философии Канта, подчёркивая методологическую целостность его эпистемологического проекта.

Ключевые слова:

живая сила, мысленный эксперимент, Кант, Лейбниц, Декарт, кинетическая энергия, функциональное априори, неконгруэнтное подобие, импульс, воображение

Изучение раннего или докритического периода творчества Иммануила Канта может быть мотивировано историко-научным интересом. Этот период открывается эссе *«Мысли об истинной оценке живых сил»* (далее: «Живые силы») [\[1\]](#)¹, где Кант анализирует постулаты и доказательства, выдвинутые как последователями Декарта, так и сторонниками Лейбница (а также Ньютона), стремясь выявить основание их концепций силы. Кроме того, в сочинении *«Всеобщая естественная история и теория неба»* [\[2\]](#) Кант формулирует и развивает т. н. туманную гипотезу о формировании Вселенной из начального туманного состояния в соответствии с принципами ньютоновской физики. Эти ранние работы представляют особый интерес для исследователей, занимающихся историей развития физики XVII–XVIII веков и космологических теорий — и это лишь два возможных направления среди многих. Другим важным мотивом обращения к раннему творчеству Канта является стремление проследить истоки философских проблем, приведших его к зрелой критической философии, прежде всего — к *«Критике чистого разума»*. Кантоведы [\[8–10\]](#) сходятся во мнении, что такие сочинения, как эссе о «живых силах», оказали значительное влияние на позднюю философию Канта, особенно на уровне методологии. Так, Длугач [\[8\]](#) указывает на некоторые трудности, неразрешённые в докритический период, которые в конечном итоге способствовали переходу Канта к критической фазе. Среди них — вопрос о различии между методом метафизики и методом других наук. Эта проблема занимает Канта с 1760-х годов, хотя её корни можно обнаружить уже в эссе о «живых силах» [\[8, с. 39\]](#).

Декарт рассматривал механику как кинематику, где сила сводилась к количеству движения. Лейбниц, напротив, трактовал силу динамически — как неотъемлемое материи качество, в то время как её количественное выражение отходило на второй план. Ньютон, в отличие от Лейбница, считал, что понятию силы не требуется никакого

метафизического обоснования: внимание механики, по его мнению, должно быть сосредоточено на эффектах силы, а не на её причинах. Именно в этом отношении Кант отходит от позиции Ньютона. Длугач иллюстрирует эту позицию, отмечая, что «сила оказывается своего рода “чёрным ящиком”, скрывающим то, что происходит внутри» [8, с. 40]. Кроме того, она подчёркивает, что к этой проблеме добавлялись и ограничения ньютоновской механики в феноменологическом описании: «...феноменологического описания ньютоновской механики недостаточно для того, чтобы понять выводы, вытекающие из принципа инерции, однако обнаруживается это только тогда, когда выводы доводятся до такого логического предела, когда становится видно, что они парадоксальны и от них следует отказаться...» [8, с. 43]. Эти парадоксы включают, например, идею о множественности пространств, что противоречит представлению об абсолютном пространстве ньютоновской физики. Именно наличие подобных парадоксов побудило Канта усомниться в адекватности методологии, лежащей в основе его собственных метафизических исследований.

На фоне ограниченности объяснительных возможностей картезианской и ньютоновской концепций силы Кант обращается к более фундаментальному вопросу — о природе самого пространства. В эссе «О первом основании различия сторон в пространстве» (1768) [3] Кант формулирует мысленный эксперимент, который стал поворотным моментом в переосмыслении им природы пространственных отношений и сыграл значительную роль в становлении его новой концепции пространства как формы чувственности. «Если же представить себе, что первым, что было создано [в мире], была человеческая рука, то это необходимо была либо правая, либо левая рука» (II: 382–383) [3, с. 378] — таким рассуждением Кант пытался обосновать несостоятельность лейбницевской реляционной концепции пространства, согласно которой пространство есть лишь внешнее отношение между частями материи. Ключевой вопрос, поставленный в воображаемом сценарии, заключается в том, какой будет такая рука — правой или левой. Одна рука, объясняет Кант, является неконгруэнтным подобием другой, т. е.: «Такое тело, которое во всем совершенно равно и подобно другому, хотя и не может быть заключено с ним в одни и те же границы» (II: 382–383) [3, с. 376]. Поскольку в рассматриваемом воображаемом мире отсутствуют другие объекты, невозможно установить, направлена ли рука вправо или влево. Другими словами, «...в отношении частей этой руки друг к другу нет никакого различия» (II: 382–383) [1, с. 378], независимо от её направленности. Из этого следует, что такая рука могла бы одинаково соответствовать как правому, так и левому запястью тела — что представляет собой противоречие и, следовательно, невозможно.

В. В. Васильев подчёркивает значение этого аргумента для развития кантовской концепции пространства: «...невозможность сведения отношений в пространстве к законам рассудка означала для Канта неизбежность отказа от старого понимания пространства» [11, с. 8]. Вместо этого, утверждает Кант, существует внутреннее различие, существенное качество (т. е. направленность), которое придаёт пространству собственную реальность³. В конечном итоге, «Кант решил в целом признать теорию абсолютного пространства..., но рассматривать его не как самостоятельную реальность, а как субъективную форму чувственности» [11 с. 9]. Васильев также указывает, что размышления Канта о неконгруэнтных подобиях повлияли не только на его теорию пространства, но и на понимание души: осмыслив пространство как форму чувственности, Кант приходит к идее, что душа не может иметь протяжённого местоположения и присутствует в пространстве лишь виртуально [12, с. 239].

Научные и философские работы Канта изобилуют такими экспериментами. Более того,

термин «мысленный эксперимент» (дат. «*Tankeexperiment*»; нем. «*Gedankenexperiment*») был введен в 1811 г. [13, с. 296] датским ученым и философом Хансом Кристианом Эрстедом (1777–1851) для описания определенных типов аргументов, раскрытых Кантом в «Метафизических началах естествознания» (1786) [6]. Тот факт, что Кант никогда не использовал этот термин и не проводил различия между «реальными» и «мысленными» экспериментами, ещё не означает отсутствия в его философии элементов, необходимых хотя бы для предварительного наброска концепции мысленного эксперимента. В ХХI веке труды Канта приобрели всё большую актуальность в философских и исторических дискуссиях по данному вопросу [14–20]. Эти работы представляют Канта как экспериментатора и/или философа мысленных экспериментов. Конечно, подобные утверждения зависят от конкретных задач исторической и рациональной реконструкции множества экспериментов, предложенных Кантом на различных этапах его философского развития — в таких различных областях знания, как естествознание, метафизика, этика и политическая философия. Настоящая работа вносит вклад в это направление, сосредотачивая внимание прежде всего на философии науки и эпистемологии Канта. В качестве основной задачи предпринимается реконструкция некоторых из его аргументов как мысленных экспериментов с их последующим тщательным анализом в рамках кантовской эпистемологии. В первом разделе рассматриваются стратегии, предпринятые критической литературой для реконструкции кантовского подхода к мысленным экспериментам, а также предлагаются методологические замечания касающиеся значения его докритических работ для развития соответствующего подхода. Раздел 2 посвящен оценке Кантом спора о *vis viva* в «Мыслях об истинном оценке живых сил»; в частности, в нем задается вопрос о методологической роли МЭ в предложенном Кантом промежуточном решении противоречия между количественной картезианской концепцией *силы* и ее лейбницевским качественным аналогом. В последнем разделе анализируются четыре до сих пор игнорируемых мысленно-экспериментальных рассуждения, содержащихся в «Живых силах», с целью углубить понимание той роли, которую докритические мысленные эксперименты сыграли в философском становлении Канта.

1. Методологические аспекты кантианского подхода к мысленным экспериментам

Общая стратегия, принятая в современной литературе, направленной на разработку кантовской философии мысленных экспериментов, заключается в стремлении показать, каким образом эпистемология Канта отвечает на такие вопросы, как, например, так называемая проблема информативности: «Мысленные эксперименты дают нам новую информацию. Но откуда берется такая информация?» [21, с. 89]. Этот вопрос стал одним из центральных в рамках дискуссий между Нортон и Брауном, которые, следуя Муэ и др., можно охарактеризовать как напряжённость между «платоническим рационализмом» Джеймса Р. Брауна и «классическим эмпиризмом» Джона Нортон [22, с. 69]. 4. Появление кантовских подходов как попытки синтезировать рационалистические и эмпирические представления представляется, в этом контексте, вполне закономерным. Более точно, речь идёт о неокантианских интерпретациях, которые, в частности, предлагают альтернативные прочтения понятия априорного. Трансцендентально-операциональный подход Марко Буццони, например, принял *функциональное*, негипотезированное прочтение кантовского *a priori* [16, с. 97]. И. Фехиге [17], тем временем, еще больше отдаляется от Канта и выбирает релятивизированное *a priori* в духе Майкла Фридмана [24]. Что касается эпистемологического статуса знаний, получаемых посредством мысленных экспериментов, В. П. Филатов [25] также отвергает возможность

материального априори в кантовском смысле. Анализируя знаменитый мысленный эксперимент Галилея, он подчёркивает, что подобные эксперименты сами по себе не способны дать строго априорного синтетического знания о природе. Вместо этого их основная роль заключается в прояснении и уточнении используемых в научном познании концептуальных средств и схем, а также в проверке устойчивости наших представлений при мысленном изменении условий и предпосылок [\[25, с. 25\]](#).

Сейчас среди попыток рациональной реконструкции кантовской философии мысленных экспериментов работа Вирвидакиса [\[19\]](#), пожалуй, является единственной, которая наиболее точно следует как духу, так и букве сочинений Канта. Среди рассмотренных примеров - возражения Канта против принципа тождества неразличимых Лейбница в Приложении к «Аналитике принципов», а также критика, направленная против гиперболических сомнений, которые Декарт отстаивал с помощью мысленных экспериментов, таких как так называемый аргумент сновидений и гипотеза злокозненного гения. Оценка этих и других случаев приводит Вирвидакиса к выводу, что докритические оценки Кантом мысленных экспериментов, предложенных его современниками, демонстрируют повторяющуюся «...озабоченность по поводу надлежащего отчета о возможности опыта». [\[19, с. 137\]](#) Возможно, его прочтение заходит слишком далеко в утверждении, что «Кант был озабочен идеей мысленного эксперимента в философии» [\[19, с. 127\]](#), поскольку оно предполагает более широкое понятие «эксперимента», отсутствующее в философии науки Канта. Тем не менее, это прочтение позволяет обратить внимание на возражения Канта против философских утверждений, которые его докритические оппоненты защищали, ссылаясь на воображаемые ситуации. Ограничения, налагаемые Кантом на использование мысленных экспериментов его докритическими собеседниками, представляют собой раннюю формулировку критической позиции, характерной для его последующего трансцендентального предприятия.

Эта статья соответствует подходу Вирвидакиса [\[19\]](#), за исключением того, что она сосредоточена на докритических работах Канта по естествознанию. Роль мысленных экспериментов на этом этапе в значительной мере остаётся вне поля зрения критической литературы; между тем, ряд интересных примеров можно найти уже в «Живых силах» Канта. Возможно, причина такого пренебрежения заключается в том, что вмешательство Канта в полемику о *vis viva* исторически часто рассматривается как неудачное и методологически ошибочное. Однако цель данной статьи не в пересмотре значения кантовского участия в дискуссии, а лишь в выявлении некоторых аспектов этой полемики, необходимых для контекстуализации анализируемых мысленных экспериментов.

2. Роль мысленных экспериментов в предполагаемом Кантом решении спора о живых сил

«Спор о *vis viva*» («спор о живой силе») — это анахроничное название противостояния сторонников картезианской концепции силы как *импульса* (произведения скорости тела и его массы [mv]) и лейбницевской концепции силы как *кинетической энергии* (произведения массы объекта и квадрата его скорости [mv^2]). Такое обозначение анахронично, потому что, во-первых, до того, как понятие «масса» (лат. «*massa*») было введено и закреплено в работах Ньютона, использовался термин «объем» (лат. «*moles*») — количество твёрдой материи, придавленной некой эфирной субстанцией, которому оно должно, как предполагалось, было быть пропорционально (то есть в соотношении веса и гравитации). Во-вторых, вместо таких символов, как «*m*» или «*v*», в XVII и XVIII веках

для выражения механических понятий использовались геометрические конструкции [\[26, с. 31\]](#).

Для Декарта сила была неистинной сущностью; после инертного механического взаимодействия тел единственным возможным определением силы, *vis mortua*, будет количество движения тела, выраженное формулой *mv*. Силы, по мнению Декарта, не могут обладать «собственной жизни», поскольку единственной динамической причиной является Бог. А поскольку Бог неизменен, то и исходное количество движения, вложенное в мир, должно сохраняться при передаче от одного тела к другому. Эти онтологические обязательства, в сочетании с концепцией силы как количества движения, привели формулу Декарта к серьезным несоответствиям при сопоставлении с эмпирически подкрепленными законами, особенно с галилеевской механикой. Лейбниц, со своей стороны, в ряде работ утверждал, что «самое знаменитое предложение картезианцев» приводит к абсурдному выводу, что эффект действующей силы может быть более мощным, чем ее причина⁵. Для лейбницианцев несмотря на то что сила выражается количественно, она прежде всего является качеством материи. Следовательно, если что-то и должно оставаться постоянным в механическом взаимодействии тел, то это — количество силы.

Как поясняет Шёнфельд, споры о *vis viva* в значительной мере оказались следствием терминологической путаницы между двумя различными подходами к понятию силы, которые, в свою очередь, опирались на разные онтологические основания:

«Картезианская сила может быть сведена к числу, и то, что представляется как *dynamis*, на самом деле является кинематическим количеством движения. В картезианской картине движение было более реальным, чем сила.

В лейбницевской картине движение и сила меняются своими онтологическими местами. В философии Лейбница сила становится подлинной сущностью, а движение - лишь отношением между явлениями» [\[10, с. 24\]](#).

Другими словами, картезианский количественный подход утверждает, что сила сводима к числу, в то время как качественный подход Лейбница представляет собой философскую попытку прояснить природу силы как онтологического качества, математизация которого является лишь одним из возможных способов выражения. Соответственно, промежуточное решение Канта в споре о *vis viva* заключалось в попытке продемонстрировать, что обе стороны в определённой мере правы и, по сути, дополняют друг друга. Эрик Уоткинс объясняет это обстоятельство, подчеркивая, что «...Кант использует различие между естественной реальностью и математической формой, чтобы примирить «естественную» динамику Лейбница и «математическую» кинематику Декарта» [\[7, с. 688\]](#). Структура «Живых сил» наглядно иллюстрирует эту позицию: в первых двух главах Кант апологетически излагает, соответственно, естественнонаучный аспект лейбницевского подхода и математический аспект картезианской традиции, тогда как в третьей главе он предпринимает попытку их концептуального примирения.

Стоит остановиться на попытке Канта найти компромисс между математической кинематикой Декарта и естественной динамикой Лейбница. Как возможно оценивать количественные демонстрации и доказательства, основанные на качественных аргументах, так, чтобы оба подхода оказывались соизмеримыми и взаимодополняющими? Как будет показано, достаточно взглянуть на некоторые из основных аргументов дебатов, чтобы заметить, что они представляют собой мысленные эксперименты. По

аналогии с третьим паралогизмом, где Кант выстраивает мысленный контрпример против гиперболического сомнения Декарта, в «*Живых силах*» он, образно говоря, «вышибает клин клином», стремясь опровергнуть как лейбницианцев, так и картезианцев, используя модифицированные версии их собственных мысленных экспериментов. Некоторые из таких них будут рассмотрены в следующем разделе: *упругое столкновение двух тел, стремящихся вечно и всенаправленно к движению*; мысленный эксперимент Якоба Германа (1678-1733) с *бесконечной пружиной* на падающих телах; встречный мысленный эксперимент Канта с *пятью пружинами*; а также оценка Кантом мысленного эксперимента Джеймса Джуринга (1684-1750) с шаром на плоту, разработанного против концепции мертвой силы Декарта.

Прежде чем перейти к рассмотрению наших примеров, необходимо сделать два замечания: во-первых, хотя Кант оценивает реальные эксперименты⁶ (РЭ), повлиявшие на полемику о *vis viva*, большинство его аргументов строится не на наблюдениях, а на гипотетических рассуждениях и контрфактических допущениях. Во-вторых, следует подчеркнуть, что картезианская математическая кинематика — как у Декарта, так и у Канта — в контексте спора о *vis viva* разрабатывается не с помощью символической «нотации», то есть синтаксических операций с формулами, а посредством геометрических построений. Возникает ряд вопросов: если речь идёт не о реальных экспериментах, то в каком смысле кантовские доказательства являются *экспериментальными*? Что даёт нам право называть их мысленными экспериментами, а не, скажем, геометрическими доказательствами? Как будет показано на примерах, которые будут проанализированы далее, Кант сам думал и называл свои доказательства «экспериментами» и конструирует их соответствующим образом. Кроме того, его рассуждения демонстрируют ключевые признаки мысленного эксперимента: проведение логических операций на основе эмпирического фонового знания, необязательность эмпирической реализации, допущение контрфактических и идеализированных условий.

3. Доказательства Канта в споре о живых силах как мысленные эксперименты

Для дальнейшего анализа обратимся к мысленным экспериментам, представленным в «*Живых силах*». В этом сочинении Кант начинает с утверждения одного из постулатов лейбницевской динамики, а именно, что «...в теле присуща сущностная сила, которая принадлежит ему ещё до протяжения» (I: 17) [\[1, с. 22\]](#). Затем он показывает, что сила — как качество, присущее каждой субстанции — проявляется внешне в движении, тем самым выражаясь количественно, хотя существуют и другие формы её проявления (§3). На этом этапе апология лейбницевского подхода требует объяснения таких проявлений, как, например, представления, которые материя вызывает в душе (§6), или трёхмерность пространства (§10). Кант, однако, принимает двойную стратегию: с одной стороны, он стремится показать объяснительный потенциал лейбницевской концепции *vis viva*, с другой — выявить ограниченность картезианского подхода, прибегая к мысленным экспериментам. В последнем случае Кант опровергает концепцию Георга Эрхарда Хамбергера (1697-1755), который определяет силу как внутреннее, вечное, всенаправленное стремление (*Bestrebung*) к действию (*vis insita*) (§12): «В новейшей философии заложены определенные представления о сущностных силах тел, но эти представления неприемлемы. Один [*Хамбергер*] называет эту силу вечным стремлением к движению» (I: 25) [\[1, с. 29\]](#). Чтобы лучше понять, как, по мнению Хамбергера, должна была работать *vis insita*, можно вообразить тело — скажем, сферу, — такую, что каждая точка её поверхности постоянно подвергается одинаковому давлению, то есть стремится равномерно двигаться во всех направлениях. В таком случае покой будет результатом равновесия давления, оказываемого на все пары противоположных точек (монад) на

поверхности сферы. Поскольку стремление к действию может передаваться другим сферам, удар в одной точке может привести к уменьшению давления в противоположной точке, что, в свою очередь, вызывает движение в направлении большей тенденции. Кант иллюстрирует этот момент, ссылаясь на то, как передаётся движение от одной чаши к другой в паре классических весов — с двумя подвешенными чашами, равномерно расположенными по обе стороны от центральной оси.

На этом концептуальном фоне разворачивается деструктивный⁷ мысленный эксперимент Канта (§13). Предположим, что мы принимаем тезис Хамбергера: сила — это внутреннее, вечное, всенаправленное стремление к действию. По словам Канта, эта идея «удовлетворяет воображение в случае, когда движущееся тело продолжает движение одновременно с телом, которое оно приводит в движение» (I: 26) [1, с. 29]. Такое представление соответствует интуитивным ожиданиям: сила действует непрерывно и порождает плавное, неразрывное движение. Следующий шаг — построение контрпримера, который не удовлетворяет воображению. Кант предлагает рассмотреть случай, в котором тело, передав движение другому, полностью останавливается. Основываясь на опыте взаимодействия чаш в паре классических весов, гипотеза Хамбергера приводит к выводу — вопреки опыту, — что второе тело также должно прекратить движение. Если сила равна действию, а действие — движению, то, как только первое тело перестаёт действовать, второе также должно остановиться. Этот вывод явно противоречит как эмпирическим наблюдениям, так и принципу сохранения движения. Поэтому, утверждает Кант, концепция *vis insita* у Хамбергера не только не объясняет явление передачи движения, но и делает невозможным — даже на уровне воображения — представить случай упругого столкновения двух тел равной массы, при котором одно находится в движении, а другое изначально покоится.

Второе возражение Канта направлено на то, чтобы с помощью мысленного эксперимента показать: теория Хамбергера допускает построение таких случаев столкновения, при которых движущееся тело продолжает движение одновременно с приведённым в движение телом — но таким образом, что это «не удовлетворяет воображению» (I: 27; §14) [1, с. 29-30]. Согласно диаграмме, приведённой самим Кантом (рис. 1), вообразим два тела A и B одинаковой массы, каждое из которых обладает стремлением к движению ($F: vis\ insita$), таким образом, что $FA = 3FB$, или, что то же самое, $FB = 1/3 FA$. После столкновения A теряет $1/3$ своей скорости, а B приобретает $1/3$. Таким образом, A движется со скоростью 2 единицы, а B — со скоростью 1 единица.

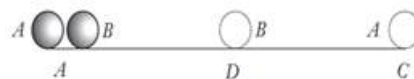

Рисунок 1 (I: 28) [1, с. 30]

Согласно концепции Хамбергера, «стремление силы тела во всех направлениях неотделимо от самой субстанции тела» (I: 27) [1, с. 29]. Это означает, что тело B движется потому, что в одной точке на него оказывается давление, превышающее «давление» в противоположной точке. Таким образом, тела оказываются «связанными» между собой, подобно чашам весов: если A «продвигается вперёд», то и B движется; если A останавливается — останавливается и B. Отсюда, однако, следует метафизический абсурд: тело A должно было бы проникать в тело B, так что A достигало бы точки C, в то время как B оставалось бы в точке D.

За мысленным экспериментом (§14) следует двойная классификация силы (§§15–18): *vis*

mortua (мёртвая сила) — пассивное давление, как в случае, когда тело тянут; *vis viva* (живая сила) — сила, при которой движение сохраняется само по себе, как в случае снаряда в полёте. Первая глава «Живых сил» завершается признанием Кантом ограниченности чисто метафизических рассуждений и необходимостью обращения к математике для разрешения спора (§19): «Я не могу рассчитывать на то, чтобы достичь чего-либо решающего и бесспорного в рассуждении, которое является лишь метафизическим, и по этой причине я перехожу к следующей главе, которая, возможно, благодаря применению математики, будет иметь больше оснований претендовать на убедительность» (I: 30–31)] [1 сс. 32–33].

В первых двух параграфах второй главы (§§21–22) Кант формулирует свою методологическую установку: стремление найти срединную позицию между «сильными и разумными» доводами как картезианцев, так и лейбнианцев. За этим следует более широкая критика взглядов Лейбница. В общих чертах Кант утверждает, что *vis viva* — произведение количества материи на квадрат скорости — применимо к случаям свободного, самоподдерживающегося движения, но непригодно для описания мёртвого давления, не говоря уже о полном переходе от *vis mortua* к *vis viva*. Вследствие этого концептуального недостатка (§28) Кант заключает, что «математика никогда не может служить доказательством в пользу живых сил» [1, с. 40]. С параграфа §31 начинается более подробный анализ конкретных аргументов лейбнианской стороны. Этот раздел также задаёт тематическое направление оставшейся части главы. Вначале критика сосредоточена на примере падающих тел, где ключевой вопрос заключается в том, соизмеримо ли действие, производимое весом тела в свободном падении, со временем или с пройденным расстоянием.

В лагере Лейбница Якоб Герман попытался доказать, что силы определяются не пространством, а временем. Доказательство, представляющее собой мысленный эксперимент, Кант описывает следующим образом (рис. 2): «Пусть бесконечная пружина АВ представляет собой вес, следующий за телом в процессе его падения от А к В» (I: 44) [13, с. 43]. Бесконечная пружина введена для представления давления в каждой из точек траектории, пройденной телом. Таким образом, каждый прямоугольник отображает давление, оказываемое в определённой точке, так что сила в каждой точке определяется как сумма всех «накопленных» давлений; например, сила в точке D соответствует прямоугольнику ACFB.

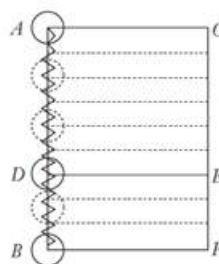

Рисунок 2 (I: 44) [1, с. 43]

Следовательно, согласно Канту, Герман приходит к выводу, что грузы действуют на тела в свободном падении в зависимости от расстояния, а не от времени. Далее стратегия Канта (§32) (I: 45) [1, с. 44] состоит в том, чтобы изменить переменные «время» и «высота» в экспериментальной ситуации, аналогичной эксперименту Германа, таким образом, чтобы сила могла быть описана не через расстояние и вес пружин, а как функция времени, в течение которого они остаются сжатыми или растянутыми.

Мысленный контрэксперимент Канта (рис. 4)⁸ включает пять идентичных пружин *A*, *B*, *C*, *D*, *E* и тело *M*. Экспериментальная схема направлена на демонстрацию того, что «тело *M*...оказывает такое же давление, чтобы удерживать одну пружину *A* в сжатом состоянии, какое потребовалось бы для сжатия пяти таких пружин последовательно за тот же промежуток времени» (I: 45) [1, с. 44].

Рисунок 3 (I: 44) [1, с.43]

Рассуждение развивается следующим образом: пусть время *t*, в течение которого пружина *A* находится в сжатом состоянии, разделено на пять равных интервалов, так что $t_1 = t_2 = t_3 = t_4 = t_5 = t/5$. Теперь предположим, что тело *M* оказывает давление на пружину *A* в t_1 , но затем заменяется пружиной *B* в t_2 . Поскольку все пять пружин идентичны, то есть имеют одинаковое натяжение, нет никакой разницы, продолжает ли в t_2 оказывать давление пружина *A* или *B*, и то же самое относится к *B* и *C* в t_3 , *C* и *D* в t_4 , и далее по аналогии. Чтобы провести корректную аналогию с экспериментом Германа с бесконечной пружиной, Кант подчёркивает, что результат сохраняется, «даже если увеличить число пружин до бесконечности» (I: 44) [1, с. 44]. В заключение Кант утверждает, что давление, оказываемое на пружину *A* в закрытом состоянии в течение времени *t*, эквивалентно тому, которое необходимо для последовательного сжатия пяти пружин за тот же промежуток времени. Таким образом, полное действие тела *M* следует оценивать не по пройденному пространству, а по продолжительности действия силы тяжести на пружины.

Можно возразить, что высокая степень абстракции в представлении отношений между переменными делает доказательство не столько экспериментальным, сколько математически-кинематическим. В этом контексте полезно сравнить приведённые выше случаи со знаменитым мысленным экспериментом, с помощью которого Галилей опроверг аристотелевскую концепцию свободного падения⁹. Так же, как тела у Галилея предполагаются падающими в вакууме, кантовские пружины идеализированы: они абсолютно одинаковы, лишены трения и массы. Однако при всей идеализации пружины остаются не просто линиями или абстрактными направлениями в пространстве; иными словами, в природе действительно существуют объекты, которые ведут себя как пружины, и именно это эмпирическое знакомство с ними составляет тот фоновый опыт, который делает доказательство Канта понятным или непонятным, убедительным или спорным. По крайней мере, выполняются четыре условия, позволяющие квалифицировать доказательство Канта как мысленный эксперимент: i) наличие эмпирических операциональных знаний о поведении пружин; ii) необязательность фактического проведения для убедительности эксперимента; iii) применение метода вариаций; iv) допущение контрфактических и идеализированных экспериментальных условий, например, бесконечного числа совершенно одинаковых пружин. Кроме того, и это не менее важно, Кант прямо называет свое доказательство «Versuch» и заявляет, что оно (§32 является первым из серии экспериментов представленных во второй главе «Живых сил»: «Это, следовательно, первый эксперимент [*Versuch*], который, как я

полагаю, подтверждает сказанное мною выше, а именно: мнение Декарта в математических доказательствах превосходит закон господина фон Лейбница» (I: 45) [\[1, с. 44\]](#).

Эссе о живых силах насыщено экспериментами подобного рода. Яркий пример мысленного эксперимента с пружинами представлен в §36, где Кант описывает «давления, вызываемые тяжестью и передаваемые телу... бесконечным числом металлических пружин...» (I: 47-48) [\[1, с. 46-47\]](#). Примечательно, что он указывает материал пружин — металл, — хотя это, по сути, не имеет значения для вывода. Другой интересный случай содержится в §110: воображается плот, на котором находится шар, приводимый в движение пружиной. Этот сценарий был предложен Джеймсом Джурином с целью показать, что удвоение скорости снаряда влечёт за собой удвоение силы (mv^2 по Декарту), но не её четырёхкратное увеличение (mv^2 по Лейбницу):

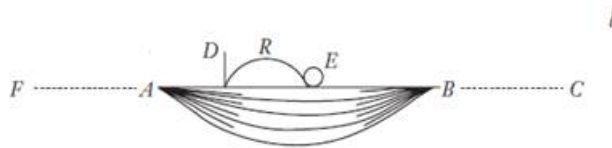

Рисунок 4 (I: 123) [\[13, с. 108\]](#)

«Он предположил подвижный плот, например, баржу AB , которая движется с одной единицей скорости в направлении BC и одновременно переносит шар E с тем же движением. Благодаря движению плота шар, соответственно, обладает одной единицей скорости и одной единицей силы. Далее он предположил наличие пружины R на этом плоту, которая срабатывает от упора D и придаёт воображаемому шару E ещё одну единицу скорости, а значит — ещё одну единицу силы. В результате шар E обладает двумя единицами скорости и, следовательно, двумя единицами силы. Таким образом, удвоение скорости влечёт за собой лишь удвоение силы, а не её учетверение, как лейбницианцы ошибочно полагали» (I: 123) [\[1, с. 108\]](#).

Хотя автором данного мысленного эксперимента был не Кант, стоит отметить, что он высоко оценил работу Джурина, отметив её как «простым способом... с кристально ясной и отчетливостью» (I: 122) [\[1, с. 107\]](#). Рассмотрение и критическая оценка примеров, подобных эксперименту Джурина, может рассматриваться как косвенный путь к формулировке кантовского понимания мысленных экспериментов. Уже в начале «Живых сил» Кант отдаёт предпочтение картезианской позиции за её обращение «только к простым случаям, в которых определение истины и ошибки легко и очевидно», тогда как лагерь Лейбница, напротив, «делает свои доказательства максимально запутанными и неясными» (I: 15) [\[1, с. 20\]](#). В чем же заключается эта ясность и отчетливость, когда речь идет об оценке мысленных экспериментов? В случае с бесконечной пружиной Германа и контрпримером Канта с пятью пружинами можно было бы, гипотетически, заменить пружины равномерно распределёнными молекулами или эфирной материей между точками траектории тела в свободном падении. Однако «мир», в котором происходит эксперимент, должен быть сопоставим с нашим по своим существенным характеристикам; иначе он теряет объяснительную силу и становится неинформативным.

Заключение

Функциональное прочтение априори, предложенное Марко Буццони предполагает наличие связи между реальными экспериментами и мысленными экспериментами, аналогичную той, которую Кант устанавливает между созерцаниями и понятиями:

«Перефразируя Канта: (эмпирические) МЭ [мысленные эксперименты] без РЭ [реальных экспериментов] пусты; РЭ без МЭ — слепы... Их связь следует рассматривать как соединение между элементов, которые, хотя и не сводимы друг к другу, тем не менее не могут быть разделены без утраты всякого определённого смысла» [16, с. 100]. Как подчёркивает Буццони, с неокантианской точки зрения, «...конкретное содержание любого эмпирического МЭ в принципе должно быть, в конечном счете, сводимо к ощущениям (или, точнее, к эмпирико-операциональным вмешательствам в реальность, то есть к эксперименту)» [16, с. 100]. Использование Кантом воображения в его доказательствах часто предполагает гипотетические ситуации, включающие, например, предельное изменение величин или бесконечное число идеальных пружин. Без этой эмпирико-операциональной связи с миром экспериментатор рискует принять эмпирическое использование разума за трансцендентальное. Вирвидакис [19, с. 23] напоминает нам, что Кант выдвигает аналогичное возражение против Лейбница, указывая на неприменимость принципа тождества неразличимых вне чувственного созерцания. Как было показано, гибкость мысленного экспериментирования позволяет Канту оценивать как естественную динамику Лейбница, так и математическую кинематику Декарта с единой методологической позиции. В конечном итоге, его упрёки в адрес картезианцев в методологической неясности скрывают более широкое требование к мысленным экспериментам: они должны быть одновременно логически последовательными и операционально представимыми.

Комментарии:

1. Цитаты и ссылки на тексты Канта приводятся по русскому изданию в шести томах [2-6], за исключением «Мыслей об истинной оценке живых сил», которая цитируется по Кембриджскому изданию [1]. Соответственно, все выдержки из этого сочинения переведены автором с английского языка. Причиной такого выбора является то, что в русском издании в шести томах отсутствует большая часть обсуждаемых разделов эссе о живых силах (от гл. 1, §13 до гл. 2, §87). Напротив, том *Natural Science* [7] в составе Кембриджского издания содержит полный перевод работы, снабжённый многочисленными фактологическими и лингвистическими примечаниями, необходимыми для точного понимания представленных Кантом аргументов.
2. Дополнения в скобках обозначают том и страницу по Академическому изданию сочинений Канта (Gesammelte Schriften, Кант, 1900–). Например, обозначение «(IX:18)» означает: Logik Jäsche, Академическое издание, том IX, страница 18.
3. Следует подчеркнуть, что этот мысленный эксперимент вписывается в логику рассуждений, которая, в конечном итоге, привела бы Канта к трансцендентальной концепции пространства: «абсолютное пространство не есть предмет внешнего восприятия, а представляет собой одно из основных понятий, которые только и делают возможными все такие предметы» (II: 383) [3, с. 378]. Существование неконгруэнтных подобий, примером которых является парадокс правой-левой руки, Кант упомянул несколькими годами позже в «Диссертации» (1770), чтобы поддержать утверждение, что пространство должно быть познано через созерцание (II: 403; §15) [4, сс. 403–404]. Позднее, в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике» (1783), Кант прибегает к тому же парадоксу, чтобы показать, что пространство (следовательно, и время) является формой внешнего созерцания (IV: 285–286; §13) [5, сс.101–102].
4. Обзор дебатов между Нортон и Браун можно найти в Hitchcock [23, сс. 21–66].

(главы 1 и 2).

5. Сжатое изложение демонстрации Лейбница можно найти в Schönfeld (2000) [10, с. 26]; см. также Лейбниц [\[27, с. 391\]](#).

6. В самом деле, существует эксперимент с выстрелом, который, по утверждению Канта, он проводил сам, и описание которого используется для иллюстрации того, что «свободно и равномерно движущееся тело ещё не обладает максимальной силой в начале своего движения, но, скорее, эта сила возрастает, когда тело некоторое время находится в движении» (I: 152; §130) [\[1, с. 132\]](#). Как отмечает Уоткинс: «За исключением нескольких предложений об экспериментах..., испытание с выстрелом, вполне возможно, является единственным экспериментом, который Кант когда-либо проводил» [\[7, с. 688\]](#); см. также [\[28, с. 76\]](#).

7. Браун предлагает классификацию мысленных экспериментов, различая конструктивные, направленные на обоснование или формулирование теоретических идей, и деструктивные, цель которых — подорвать теорию, выявляя противоречия или приводя к абсурдным последствиям [\[29, сс. 32-35\]](#)

8. Рисунки служат маркерами мысленных экспериментов, что особенно важно при чтении научных текстов Канта, учитывая, что в ни одном из своих сочинений он не называет свои аргументы термином *Gedankenexperimente*; даже его комментаторы часто обозначают их другими словами — такими, как «случай» или «пример». Очевидно, что наиболее распространёнными маркерами мысленных экспериментов являются глаголы, выражающие модальность (думать, полагать, предполагать, допускать, воображать, представлять себе, мыслить), а также соответствующие модальные наречия (возможно, предположительно, мыслимо) и модальные прилагательные (возможный, воображимый, мыслимый). Проницательный анализ взаимодействия образов и мысленных экспериментов в физике см. Meynell [\[30\]](#).

9. Аристотель утверждал, что тяжелые тела падают быстрее легких, поэтому если предмет с определенным весом преодолевает расстояние за определенное время, то другой предмет с вдвое большим весом преодолеет вдвое большее расстояние за то же время. Галилей противопоставил принцип Аристотеля следующее рассуждение: предположим, что закон Аристотеля верен и что, кроме того, в вакууме падают два объекта A и B , причем B тяжелее A . Предположим также, что эти два тела соединены между собой. Из этого следует, во-первых, что система $A + B$ будет падать быстрее, чем одно только тело B ($A + B > B$). Однако, во-вторых, поскольку A легче B , оно должно тормозить B , действуя как «парашют», а значит, система $A + B$ будет падать медленнее B ($A + B < B$). Таким образом, возникает противоречие: одновременно $[A + B > B]$ и $[A + B < B]$.

Библиография

1. Kant I. Thoughts on the true estimation of living forces // Kant: Natural Science / E. Watkins (ред.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. С. 1-155.
2. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Сочинения в шести томах. Т. 1. Москва: Мысль, 1963. С. 117-262.
3. Кант И. О первом основании различия сторон в пространстве // Сочинения в шести томах. Т. 2. Москва: Мысль, 1964. С. 370-379.
4. Кант И. О форме и принципах чувственного воспринимаемого и умопостигаемого мира // Сочинения в шести томах. Т. 2. Москва: Мысль, 1964. С. 382-425.

5. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки // Сочинения в шести томах. Т. 4 (ч. I). Москва: Мысль, 1965. С. 71-799.
6. Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения в шести томах. Т. 6. Москва: Мысль, 1966. С. 53-176.
7. Kant I. Natural Science / E. Watkins (ред.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 802 с.
8. Длугач Т. Б. И. Кант: от ранних произведений к "Критике чистого разума". Москва: Наука, 1990. 136 с.
9. Watkins. Editor's Introduction // Kant I. Natural Science / E. Watkins (ред.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. С. 182-187.
10. Schönfeld M. The Philosophy of the Young Kant: The Precritical Project. New York: Oxford University Press, 2000. 348 с.
11. Васильев В. В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). Москва: Наследие, 1998. 160 с. EDN: TH1HCV
12. Васильев В. В. История философской психологии. Западная Европа - XVIII век. Калининград: Stoa Kantiana, 2003. 559 с. EDN: QWFUBZ
13. Ørsted H. C. First Introduction to General Physics: A Prospectus of Lectures in this Science // Selected scientific works of Hans Christian Ørsted / K. Jelved, A. D. Jackson, O. Knudsen (ред.). Princeton, N.J: Princeton University Press, 1998. С. 282-309.
14. Buzzoni M. Empirical Thought Experiment: A Transcendental-Operational View // Epistemologia. 2010. № XXXIII. С. 5-26.
15. Buzzoni M. Kantian Accounts of Thought Experiments // The Routledge Companion to Thought Experiments / M. T. Stuart, Y. Fehige, J. R. Brown (ред.). London; New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2018. С. 327-341.
16. Buzzoni M. Thought Experiments from a Kantian Point of View // Thought Experiments in Philosophy, Science, and The Arts / M. Frappier, L. Meynell, J. R. Brown (ред.). New York: Routledge, 2013. С. 90-106.
17. Fehige Y. The Relativized a priori and The Laboratory of The Mind: Towards a neo-Kantian Account of Thought Experiments in Science // Epistemologia. 2013. Т. 36. № 1. С. 55-73.
18. Fehige Y., Stuart M. T. On the Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun // Perspectives on Science. 2014. Т. 22. № 2. С. 179-220.
19. Virvidakis S. On Kant's Critique of Thought Experiments in Early Modern Philosophy // Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts. History of Science and Medicine Library / K. Ierodiakonou, S. Roux (ред.). Leiden; Boston: Brill, 2011. С. 127-142.
20. Witt-Hansen J. H. C. Ørsted: Immanuel Kant and The Thought Experiment // Kierkegaard and His Contemporaries: The Culture of Golden Age Denmark / J. Stewart (ред.). Berlin: de Gruyter, 2003. С. 62-77.
21. Brendel E. Intuition Pumps and the Proper Use of Thought Experiments // Dialectica. 2004. Т. 58. № 1. С. 89-108.
22. Moue A. S., Masavetas K. A., Karayianni H. Tracing the Development of Thought Experiments in the Philosophy of Natural Sciences // Journal for General Philosophy of Science / Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie. 2006. Т. 37. № 1. С. 61-75. DOI: 10.1007/s10838-006-8906-8 EDN: DHJEUN
23. Hitchcock C. (Ред.). Contemporary debates in philosophy of science. Malden, MA: Blackwell Pub, 2004. 348 с.
24. Friedman M. Kant, Kuhn, and The Rationality of Science // Philosophy of Science. 2002. Т. 69. № 2. С. 171-190.
25. Филатов В. П. Мысленные эксперименты и априорное познание // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 17-27. EDN: WMTOSP

26. Smith G. E. The vis viva dispute: A Controversy at the Dawn of Dynamics // Physics Today. 2006. Т. 59. № 10. С. 31-36.
27. Leibniz G. W. Critical Thoughts on the General Part of the Principles of Descartes // Leibniz: Philosophical Papers and Letters / L. E. Loemker (ред.). Dordrecht: Springer Netherlands, 1989. С. 383-412.
28. Vanzo A. Kant on Experiment // Rationis Defensor: Essays in Honor of Colin Cheyne. Studies in History and Philosophy of Science / J. Maclaurin (ред.). Dordrecht; New York: Springer, 2012. С. 75-95.
29. Brown J. R. The Laboratory of the Mind: Thought Experiments in the Natural Sciences. New York: Routledge, 2011. 226 с.
30. Meynell L. Images and Imagination in Thought Experiments // The Routledge Companion to Thought Experiments. Routledge Philosophy Companions / M. T. Stuart, J. R. Brown, Y. Fehige (ред.). London; New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2018. С. 498-511.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью "Докритические мысленные эксперименты Канта и спор о Vis Viva"

Предмет исследования

Предметом исследования данной статьи являются докритические работы Иммануила Канта, в частности, его ранний трактат "Мысли об истинной оценке живых сил", в контексте анализа содержащихся в нем мысленных экспериментов и их роли в формировании философской методологии Канта. Автор фокусируется на участии Канта в споре о vis viva (живой силе) между сторонниками Декарта и Лейбница, прослеживая, как Кант использовал мысленные эксперименты для поиска промежуточного решения этого противоречия.

Методология исследования

Автор применяет метод историко-философской реконструкции, тщательно анализируя аргументы Канта в контексте научных дискуссий XVII-XVIII веков. Исследование опирается на текстуальный анализ первоисточников, в частности, кембриджского издания работ Канта. Методология включает в себя:

Выявление и анализ мысленных экспериментов в ранних работах Канта

Сопоставление кантовского подхода с современными философскими дискуссиями о природе мысленных экспериментов

Рассмотрение докритических работ Канта как важного этапа в становлении его критической философии

Методология адекватна поставленным задачам и позволяет автору представить целостную картину развития эпистемологических взглядов раннего Канта.

Актуальность

Актуальность исследования определяется несколькими факторами:

Возрастающий интерес к мысленным экспериментам как методологическому инструменту в современной философии науки

Недостаточная исследованность докритических работ Канта в контексте его подхода к мысленным экспериментам

Значимость проблемы соотношения математической и физической сторон научного познания, которая остается актуальной и в современной науке

Особую актуальность исследованию придает то, что автор связывает исторический материал с современными философскими дискуссиями о природе мысленных экспериментов (например, дебаты между Нортон и Браун). Это позволяет увидеть философию раннего Канта в новом свете и обнаружить в ней источники решения ряда современных эпистемологических проблем.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в следующем:

Впервые предпринят систематический анализ докритических мысленных экспериментов Канта в контексте спора о *vis viva*

Выявлены и реконструированы четыре "до сих пор игнорируемых мысленно-экспериментальных рассуждения" в трактате "Живые силы"

Предложена новая интерпретация методологического подхода Канта к оценке научных теорий через призму мысленных экспериментов

Показана связь между ранними мысленными экспериментами Канта и формированием его критической философии

Автор аргументированно демонстрирует, что мысленные эксперименты в докритических работах Канта представляют собой не просто иллюстративный материал, а важный методологический инструмент, посредством которого он стремился разрешить противоречия между картезианской и лейбницевской концепциями силы.

Стиль, структура, содержание

Статья структурирована логично и последовательно. Автор начинает с общего обзора значения докритических работ Канта, затем переходит к более детальному анализу спора о *vis viva* и роли мысленных экспериментов в этой дискуссии. Статья разделена на три основные части, каждая из которых посвящена определенному аспекту проблемы.

Содержание статьи демонстрирует глубокое знание автором как первоисточников, так и современной исследовательской литературы. Особенно ценным является детальный анализ конкретных мысленных экспериментов, использованных Кантом в полемике о живых силах.

Однако стиль статьи местами излишне академичен и сложен, что может затруднить восприятие материала для читателей, не имеющих специальной подготовки в области истории философии науки. Некоторые фрагменты текста перегружены терминологией и требуют дополнительных пояснений.

Библиография

Библиография статьи обширна и репрезентативна. Автор опирается как на классические работы по кантоведению (Длугач, Васильев, Шёнфельд), так и на современные исследования проблемы мысленных экспериментов (Буццони, Фехиге, Вирвидакис). Примечательно включение в список литературы как русскоязычных, так и англоязычных источников, что обеспечивает широкий охват исследовательских подходов.

Следует отметить, что автор корректно использует первоисточники, приводя цитаты с указанием страниц по академическому изданию сочинений Канта, что является признаком высокого уровня научной культуры.

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с альтернативными точками зрения на проблему и готовность к диалогу с оппонентами. В статье рассматриваются различные подходы к интерпретации мысленных экспериментов (эмпирический, рационалистический, неокантианский), что свидетельствует о стремлении автора к объективности.

Тем не менее, можно отметить некоторую однобокость в оценке участия Канта в споре о *vis viva*. Автор недостаточно критически относится к позиции самого Канта и не уделяет должного внимания историко-научной оценке его вклада в разрешение этого спора, который, как отмечается в самой статье, "часто рассматривается как неудачное и методологически ошибочное".

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы исследования логически следуют из проведенного анализа и представляют значительный интерес для исследователей философии Канта и истории философии науки. Автор убедительно показывает, что мысленные эксперименты в докритических работах Канта являются важным звеном в развитии его философской методологии и предвосхищают некоторые аспекты его критической философии.

Статья представляет интерес для специалистов в области истории философии, философии науки и кантоведения. Она может быть полезна также аспирантам и магистрантам, специализирующимся в данных областях.

Итоговая оценка

Статья "Докритические мысленные эксперименты Канта и спор о *Vis Viva*" представляет собой оригинальное исследование, вносящее вклад в понимание методологических аспектов философии раннего Канта. Работу отличает глубокое знание первоисточников, методологическая корректность и научная новизна. Несмотря на локальные недостатки статья может быть рекомендована к публикации

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. Цифровые сети: между конкретизацией и трансиндивидуальным в философии Жильбера Симондона // Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.73998 EDN: MUSQAU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73998

Цифровые сети: между конкретизацией и трансиндивидуальным в философии Жильбера Симондона

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент, кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Муки коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.73998

EDN:

MUSQAU

Дата направления статьи в редакцию:

07-04-2025

Аннотация: В настоящей работе предпринята попытка с помощью теоретических положений французского философа Жильбера Симондона исследовать теорию цифровых сетей на пересечении концепции «конкретизации» (как процесса воплощения абстрактных структур в материальные практики) и концепции «трансиндивидуального» (коллективного измерения, выходящего за пределы отдельного индивида). Это позволяет по-новому взглянуть на современные цифровые технологии и общество. Кроме того, в статье утверждается, что, развивая теорию техничности как способа существования человечества наравне с религией, наукой и искусством, эволюция техничности достигает свою кульминацию именно в цифровых сетях, благодаря которым сам мир становится не только сетевым, но и техносоциальным. В этом случае цифровые сети есть не только результат конкретизации, который подобен становлению кристалла, но он, скорее подобен техническому ансамблю, глубоко взаимосвязанному технологическому и социальному образованию. В рамках исследования применялись

общенаучные методы, среди которых выделяются описательный метод, диалектический метод, а также методы анализа, наблюдения и синтеза. Следует подчеркнуть, что данная работа носит исследовательский характер и ставит целью осмысление цифровой сети как уникального техносоциального объекта, находящегося в постоянном эволюционном развитии. При этом в работе предлагаются три ключевые познавательные структуры для исследования цифровых сетей: процесс конкретизации, триадическая модель, объединяющая элементы, людей и технические ансамбли, а также анализ техничности, который прослеживает эволюцию от первоначального разрыва магического единства до роли элементов цифровых сетей как опор для трансиндивидуальных отношений. Кроме того, можно отметить, что совсем недавно концепция трансиндивидуальности стала центральной аналитикой для изучения взаимодействий между большими данными, алгоритмическими системами и цифровыми платформами в сетевых инфраструктурах. Цель данной работы – углубить современные интерпретации трансиндивидуальности, предложив два направления для исследования: во-первых, применение логики Симондона для изучения концепции цифровой сети, а во-вторых, более глубокое рассмотрение роли трансиндивидуальности в современных цифровых сетях.

Ключевые слова:

сущее, цифровые сети, метастабильность, гилеморфическая схема, конкретизация, трансиндивидуальное, трансдукция, диспарация, цифровая идентичность, сингулярность

В последние годы в современной философии заметно возрос интерес к творчеству Жильбера Симондона (1924–1989). Если когда-то его считали одним из самых недооцененных французских философов второй половины XX века, то теперь его труды активно изучаются и используются для анализа актуальных проблем в самых разных научных областях: от развития технологий и основ технической эстетики до создания новых способов познания и разработки социально-политических подходов. Кроме того, можно признать, что этот оригинальный мыслитель, увлеченный технологиями и обладающий философским складом ума, оставил после себя значительное и самобытное наследие [\[1,2,3,4\]](#). В духе французских просветителей Симондон искал создание философской системы, способной ответить на вызовы, порождаемые развитием технологий и общества, культурными изменениями и эволюцией психологии. Вот почему симондонианское наследие и сегодня служит для исследователей своего рода универсальным набором инструментов, позволяющим извлекать необходимые концепции по мере необходимости. Более того, главная особенность подхода Симондона – акцент на индивидуации как динамическом процессе становления (или онтогенеза) индивида через взаимодействие с техническими, социальными и материальными системами. Поэтому в нынешнюю цифровую эпоху, когда знания все больше фрагментируются и разделяются по отдельным областям, его философия предлагает целостное мировоззрение, объединяющее технологию, науку, психологию и философию. При этом он формулирует философию эмоций, стремясь разобраться во влиянии научно-технического прогресса на развитие цивилизаций. Его философская система, черпающая вдохновение как из древнегреческой физиологии, так и из кибернетики, представляет собой философию сингулярностей. Как и энциклопедисты, стремившиеся определить пределы человеческого знания, Симондон видит в философском удивлении некий центр постоянно расширяющегося круга познания. Это удивление перед тайнами природы и технологическими достижениями побуждало его к систематическому изучению процессов, лежащих в основе их возникновения и сохранения. В данной статье

предпринята попытка исследовать теорию «цифровых сетей» на пересечении концепции «конкретизации» (как процесса воплощения абстрактных структур в материальные практики) и концепции «трансиндивидуального» (коллективного измерения, выходящего за пределы отдельного индивида), которая открывает новые перспективы для анализа современных техносоциальных систем.

Стоит отметить, что Симондон рассматривал проблему индивидуации уникальных сущих [\[5, с. 112\]](#), опираясь на идеи, сформулированные такими выдающимися философами, как Аристотель, Фома Аквинский, Лейбниц и другими. Так, Аристотель рассматривал проблему индивидуации в рамках своей гилеморфической теории (hyle – материя, morphe – форма). Он считал, что этот союз потенциальной материи и актуальной формы и способен объяснить, как общие формы (сущие) воплощаются в конкретных единичных сущих. Например, медная статуя состоит из меди (материи) и идеи статуи (формы). Но чтобы объяснить, почему две статуи из одного материала являются разными индивидами, Аристотель конституирует материю еще как принцип индивидуации. То есть общая форма (например, медная сфера) может воплощаться во множестве статуй, но каждая из них уникальна благодаря меди, которая маркирует форму (занимает разное пространство, уникальные неровности, включения и т.д.). Однако: «Эта аристотелевская схема не имеет соответствий в реальном мире: hyle (ἡλῆ) на самом деле никогда не пассивна (о чем знает плотник, но упускает из виду философ), так же как неверно говорить о morphe (μορφῆ), которая просто накладывается на материю, не встречая сопротивления» [\[6, с. 47\]](#). В дальнейшем средневековые интерпретаторы Аристотеля Фома Аквинский и Дунс Скотт получили также известность благодаря своим трактатам о первоначале. Аквинат вслед за Аристотелем утверждал, что материя является принципом индивидуации для телесных сущих. В другом случае для бестелесных сущих (ангелов) принцип индивидуации иной. Поскольку они лишены материи, их индивидуация происходит через форму. Поздние схоласты, такие как Дунс Скотт, критиковали идею Аквината о материи как единственном принципе индивидуации. Скотт связывал индивидуацию не только с материей и формой, но и с существованием конкретных, неповторимых и позитивных вещей – их «этовостью» (haecceitas). «Именно «этовость» делает вещь индивидуальной, отличной от прочих вещей этого вида» [\[7, с. 24\]](#). В эпоху Нового времени проблемой индивидуации глубоко интересовался Г.В. Лейбниц. Для Лейбница понятие «индивидуации» связано с метафизической уникальностью сущего, выраженного в его учении о монадах и о принципе тождества неразличимых [\[8\]](#). Иными словами, индивидуация в интерпретации Лейбница – это метафизическая данность, гарантированная уникальностью монад и божественным порядком. В XX веке основатель аналитической психологии Карл Густав Юнг разработал собственную теорию индивидуации как центрального процесса становления целостной личности. В отличие от Зигмунда Фрейда, который акцентировал роль бессознательных влечений и детских травм, Юнг рассматривал индивидуацию как путь к самореализации (или к становлению самости) через интеграцию сознательных и бессознательных аспектов психики [\[9\]](#).

В результате, в отличие от классических теорий, где индивид рассматривается статичное сущее. Симондон показал, что индивидуация – это непрерывное движение, в котором человек, технологии и коллектив взаимно конституируют друг друга. В этом случае Симондон отвергает представление об индивиде как готовой сущности. Для него индивид – это не только незавершенный процесс (постоянное становление через взаимодействие с окружающей средой: природой, техникой и обществом), но и трансдуктивный переход (или фазовый сдвиг) [\[10, с. 30\]](#) между фазами существования, где каждая новая фаза возникает из напряжения между предыдущими состояниями. Другими

словами, любые фазы индивидуации (физические, биологические, психические, коллективные, технические и психосоциальные) – это лишь временные и ограниченные реализации единой космологической сингулярности, лишенной субъективности или четкой отправной и конечной точки. Но есть в этих фазах становления сущих определенная внутренняя энергия и динамика, которые Симондон и пытается осмыслить теоретически^[11]. Кроме того, в симондониианской теории индивидуации: «...понятия субстанции, формы и материи заменяются более фундаментальными понятиями первичной информации, внутреннего резонанса, энергетического потенциала и порядков величины»^[10,с.42].

Итак, развивая идею функционирования современных цифровых сетей на пересечении концепций «конкретизации» и концепции «трансиндивидуального» можно отметить, во-первых, что конкретизация с опорой на теоретические положения Симондона^[1] играет важную роль в их процессах индивидуации. В связи с этим рассматриваемая как технический аспект генезиса цифровых сетей конкретизация представляет собой динамичный процесс, посредством которого эти цифровые сети развиваются аналогично индивидуации живого индивида, который изначально уже обладают конкретностью. То есть в данном контексте конкретизация – это техническая фаза индивидуации, стремящаяся преодолеть социокультурное отчуждение, возникшее между человеком и техническими объектами цифровых сетей, такими как, например, большие данные (Big Data), компьютерные алгоритмы или цифровые платформы. Иными словами, концепция «конкретизации», выступает в противовес критическим подходам к научно-техническому прогрессу, который представляет фактор, приводящий к отчуждению человека от созданных им цифровых сетей. Поэтому опираясь на логику Симондона, современная конкретизация заключается в вовлечении человека в технический процесс, при этом разработка цифровых сетей должна рассматриваться как создание оптимальных условий для их функционирования, аналогично формированию среды обитания для живых организмов. В результате цифровые сети необходимо рассматривать не как нечто завершенное и неизменное, а как постоянно эволюционирующие сущие, формирующиеся в процессе конкретизации. В этом контексте важно понять, что отличает этот процесс конкретизации. Существует два ключевых аспекта. Во-первых, в процессе технологического развития цифровые сети проявляют стремление к самостоятельности. Соответственно, это не суммарное наращивание функций, а скорее процесс, при котором сами цифровые сети упрощаются, поскольку меняются задачи, выполняемые ее компонентами (большими данными, алгоритмами и платформами). Во-вторых, цифровые сети адаптируются и изменяются благодаря своей совместимости и возможности взаимодействия.

Здесь стремление к конкретике выступает не просто стимулом для процесса конкретизации, но и основой возникновения цифровых сетей, которые никогда не являются абсолютно конкретными. Со временем, взаимодействуя с окружающей средой и приобретая качества, напоминающие живое сущее, они постепенно утрачивают свою искусственность. В этом случае взаимодействие людей и алгоритмами цифровых сетей, оснащенных искусственным интеллектом, приобретает характер посредничества, соединяя нас с новыми сферами и возможностями. В этой ситуации техническое мышление пронизывает всю деятельность, связанную с цифровыми сетями, и само является формой изобретения. Кроме того, эту техническую мысль можно передавать, и она допускает участие. Более того, такая конкретизация цифровой сети развивается мгновенно, квантово, резко и окончательно, оставляя за собой двойственность: индивида и технико-географическую среду (как в случае движения индивидуации,

которая формируют кристалл из перенасыщенной жидкости). Цифровые сети и коллективы по мере своего развития создают собственную среду, наиболее приспособленную, когда она одновременно является технической и географической, относящейся как к сфере техники, так и к сфере мира. Термин «мир» не следует путать с «природой»: он уже постигнут изобретательной психикой человека; это воспринимаемый извне мир, где потенциалы уже заявлены и связаны с действиями человека. «Это двойное создание объекта и среды, – пишет Симондон, – может также рассматриваться как натурализация человека; между человеком и машиной создается технико-географическая среда, которая становится возможной только благодаря человеческому интеллекту»[\[1, p.56\]](#). То есть конкретизирующее изобретение реализует технико-географическую среду, которая до этого находилось в некой потенции. Однако в дальнейшем такая ассоциированная среда стала определяющим условием функционирования цифровых сетей. Следовательно, цифровые сети могут существовать в виде: элементов, индивидов и ансамблей.

Таким образом, цифровые сети не только предстают как высшая стадия развития техничности, точкой, в которой «мир становится технизированным»[\[4, p.86\]](#), но и отличаются от живых сущих не через призму жизненного порыва, длительности и природы творчества, как предполагает Бергсон[\[12\]](#), а по степени сплоченности. Живой индивид никогда не достигает сплоченности и единства технического объекта, который «кристаллизует» все, что ему нужно, из своих доиндивидуальных сил (предварительное условие как индивидуации, так и конкретизации)[\[4, p.31-32\]](#) и сразу (то есть конкретен с самого начала). Другими словами, генезис цифровых сетей можно сравнивать с генезисом живых сущих в той степени, в которой их индивидуация представляет собой «рекуррентную причинность» с соответствующей средой. Отсюда следует, что цифровые сети – это не просто материальные объекты, а все это напоминает человека. То есть то, что находится внутри цифровых сетей – это всегда некая человеческая реальность, человеческий жест, закрепленный и кристаллизованный в ее рабочие структуры (большие данные, алгоритмы и платформы). Более того, цифровые сети – это отложившиеся, фиксированные человеческие жесты, которые стали стереотипами и возможностями перезапусков. Вот почему цифровые сети – это двойники не человеческой руки, а действий, совершаемых рукой. В дополнение к сказанному, если взглянуть на цифровые сети в контексте их аналогов, то становится ясно, что они связаны с ними через историю своего происхождения. Таким образом, сами цифровые сети представляет собой не просто конкретные технические объекты, а скорее процесс их возникновения и развития, их эволюционный путь.

Эта история, подобно научной классификации видов (филогенетической систематике) прослеживает непрерывное становление цифровых сетей. Она всегда начинается с появления их функционального назначения, которые изначально возникают не как некое элементарное решение, а как реакция на важную задачу. Вместе с тем, опираясь на логику Симондона, можно утверждать, что изобретение – это не просто некий бездушный акт человека, а изобретательность, исходящая от самих цифровых сетей. С этого момента примитивный и изолированный технический объект цифровых сетей начинает эволюционировать и становится предком всего семейства, порождая при этом веер вариантов того же принципа или объединяя этот принцип в новые комбинации. Например, большие данные (Big Data) – это конкретные следы человеческой деятельности, превращения абстрактных действий (мысли, эмоции, перемещения) в цифровые сети. Другой пример: цифровая идентичность человека в социальных сетях не статична – она эволюционирует через лайки, комментарии, алгоритмические

рекомендации, формируя новые фазы его онлайн-присутствия. Подобную эволюцию можно было бы обозначить как естественную техническую эволюцию. Однако в этом техническом эволюционном процессе техническая память надежнее, чем человеческая память [\[13,14,p.162-187\]](#). Техническая память сохраняет и повторяет все то, что в ней зафиксировано, в то время как человеческая память забывает содержание, но способна восстанавливать формы и вводить в действие новые коды. Между тем, нынешние модели и «ансамбли» цифровых сетей, оснащенные искусственным интеллектом, допускают не только получать новые кодировки от людей, но и способны вырабатывать их самим. И это неудивительно, учитывая колоссальный научно-технический прогресс в современном обществе в области создания систем искусственного интеллекта – компьютерных алгоритмов и цифровых платформ со встроенными механизмами глубокого «машинного обучения».

Во-вторых, цифровые сети – это еще и пространственные технические объекты, которые не только являются посредниками (интерфейсом) между человеком и миром, но и сами находятся в трансиндивидуальных отношениях с людьми и другими техническими и природными объектами. Поэтому цифровые сети нельзя рассматривать изолированно от той части мира, которая состоит из людей, природных объектов, социальных контекстов, экономических условий и т.д. Иными словами, цифровые сети способствуют открытию новой технико-географической среды, которую люди разделяет с другими людьми и техническими объектами. В связи с этим цифровые сети могут не только адаптироваться к антропологическим и материальным условиям существования (производству, потреблению или посредничеству), но и адекватно приспособиться к той задаче, для которой они изготовлены. Например, алгоритмы цифровых сетей в технико-географической среде действуют как трансиндивидуальные акторы, которые формируют процессы связности (новые формы социальности), выходящие за пределы отдельного человека, но при этом не сводятся к «коллективному» или «универсальному». В таком контексте цифровые сети и социальные системы не только создают технико-географическую среду для взаимодействия, в которой происходит обмен энергией, информацией и аффектами, но и в этой динамической среде они совместно развиваются, то есть адаптируются друг к другу. Социальные нормы влияют на динамику развития дизайна цифровых сетей (например, регулирование приватности в социальных сетях), а цифровые сети, в свою очередь, трансформируют поведение человека и институтов. В этом случае, с опорой на идеи Симондона, «трансиндивидуальные отношения», необходимо четко отличать от того, что мы называем «межиндивидуальными отношениями». «Межиндивидуальное отношение идет от индивида к индивиду; оно не проникает в индивидов; трансиндивидуальное действие – это, то, что заставляет индивидов совокупно существовать как элементы системы, включающей в себя потенциалы и метастабильность, ожидания и напряжения, а затем открытие некой структуры и функциональной организации, которые интегрируют и разрешают эту проблематику инкорпорированной имманентности. Трансиндивидуальное переходит в индивида как от индивида к индивиду; индивидуальные личности конституируются благодаря перекрыванию, а не благодаря агломерации или благодаря специализированной организации, как разделение труда охватывает биологические единства, являющиеся физическими индивидами в их практических функциях. Трансиндивидуальное не локализует индивидов: оно заставляет их совпасть; оно заставляет индивидов коммуницировать с помощью сигнификаций; именно отношения информации первичны, а не отношения солидарности, функциональной дифференциации» [\[10,c.214\]](#).

В результате трансиндивидуальные отношения, связывающие воедино

доиндивидуальные зоны цифровых сетей, людей и природных объектов, не могут быть поняты в соответствии с существующими репрезентативными схемами мышления. Но это то, что можно пережить только как аффект. Поэтому, например, в описании Симондоном «трансиндивидуального» аффект является воплощенным показателем чрезмерной доиндивидуальной реальности, способной толкать индивидов и коллективы за фазовый порог к новым становлениям. В связи с этим Симондон полагает, что аффект – это дезориентирующее или разобщающее событие, в котором неосуществленные потенциалы всплывают на поверхность технико-географической среды, чтобы усилить настоящее [\[15, p.8\]](#). Иными словами, аффекты – это доиндивидуальные силы, существующие в трансиндивидуальной среде до их присвоения индивидом. Поэтому, например, эмоциональные столкновения, составляющие трансдуктивное становление цифровых идентичностей в социальных сетях (машинно-человеческие гибриды), следует понимать именно как такое событие разобщения, приводящее к мгновенному ослаблению хватки конституированной индивидуальности, которое ставит под сомнение антропоцентрическую фикцию статичного и изолированного человеческого тела. Однако трансиндивидуальность здесь не что иное, как то, что должно быть изобретено. Более того, цифровые сети, оснащенные искусственным интеллектом, могут выполнить эту операцию. Поскольку эта операция содержит в себе что-то от человеческого бытия: непризнанного, материализованного, поработанного, но тем не менее человеческого. Это «нечто человеческое» является собственной доиндивидуальной реальностью цифровой сети, ее границей неопределенности, включающей силы и потенциалы, которыми этот технический объект наделяет коллектив в качестве семян для будущих фаз индивидуации [\[16\]](#).

Итак, опираясь на теоретические положения Симондона, можно отметить, что доиндивидуальные силы (или дотехнические силы) в самих цифровых сетях всегда метастабильны. Такое метастабильное техническое существование содержит в себе различные напряжения и несовместимые потенциалы, которые не стали техническими элементами цифровых сетей. То есть метастабильное состояние является всегда неполным или неустойчивым равновесием цифровых сетей, сохраняющееся до момента внешнего или внутреннего возмущения [\[10\]](#). Например, в социально-техническом контексте это означает, например, что социальные сети никогда не имеют окончательной стабильности, но существуют в состоянии непрерывного становления. Отсюда следует, что цифровые сети являются метастабильными временными техническими объектами, и их технические траектории развиваются в результате трансдуктивных событий путем интеграции и преобразования доиндивидуальных элементов в новые цифровые сети. Кроме того, эти технические элементы (например, большие данные (Big Data), компьютерные алгоритмы или цифровые платформы) являются не позитивными строительными блоками, а процессами диспарации, то есть процессами, которые повторяют предыдущие процессы с небольшими отличиями, благодаря которым становится возможным возникновение новых цифровых сетей. Однако эти новые цифровые сети также остаются такими же проблематичными, временными и изменяющимися, как и предыдущие. Поэтому метастабильный характер цифровых сетей всегда обусловлен сохранением доиндивидуальной нагрузки, то есть наличием определенного заряда потенциальной энергии, превышающего их организационную структуру. Здесь диспарация определяет тип трансдуктивной структуризации, который действует путем вовлечения двух разрозненных реальностей в проблемное напряжение, где технический элемент и цифровая сеть, доиндивидуальная среда и сингулярность – все это подвергается схожей перестройке.

В итоге возникает проблемное напряжение, которое разрешается через появление нового измерения в формировании цифровой сети. Следовательно, конкретизация всегда раскрывается одновременно как решение конфликта, открытие несовместимости и изобретение формы. Поэтому все цифровые сети содержат ассиметричное неравновесие, которое вызывает напряжение и требует новых изобретений для поддержания их равновесия. В этом случае техносоциальная активность эволюционного становления цифровых сетей вписано в некое трансдуктивное отношение. Трансдукция цифровых сетей – это процесс, в котором их техническая деятельность продолжается в непосредственной близости от нее путем работы и организации соседних регионов и создания, таким образом, новых цифровых сетей. Эти глобальные сети также являются временными объединениями разнородных технических элементов (Интернет, Big Data, алгоритмов, цифровых платформ, 5G, систем искусственного интеллекта Интернет-вещей и т.д.). В отличие от индукции и дедукции, трансдукция – это не теоретическое овладение ситуацией, а творческий способ решения практических проблем путем переноса старых технических элементов в новые цифровые сети и, следовательно, изменения самих элементов. Следовательно, трансдукция – это реляционная операция, условия которой не существуют до ее выполнения: они возникают в самом процессе.

Можно отметить, что включение технической реальности в концепцию культуры наряду с наукой и гуманитарными дисциплинами было одной из центральных задач Симондона, поскольку, только приняв во внимание техническое существование в мышлении, можно было рассмотреть отношение к технике, которое не является отчуждающим или разрушительным как для людей, так и для технических объектов. Вот почему в своих работах Симондон проводит различие между техничностью, то есть тем, что делает технологию технической, и полезностью, то есть тем, что делают технологии, что связывает их с потребностями отдельных людей и коллективов. Техничность относится к сущностной природе техники, которой соответствует «технический менталитет», связанный с внутренней логикой технических отношений. Техничность проявляется не только в каждом техническом устройстве и системе, но и сформировала современную культуру. Симондон считает, что полное развитие техничности приведет к примирению людей и машин в более высокой форме общества. В то время как мы обычно считаем технологии полезными, Симондон требует того, что необходимо называть эпохой – приостановкой суждений о полезности. Объяснение технического функционирования не должно путаться с целями человека, но должно основываться на законах развития независимого «способа существования» технологии. Эти законы управляют прогрессивным развитием, кульминацией которого сегодня являются цифровые сети – глобальные технические объекты цифровой эпохи. Следовательно, цифровые сети и повсеместное распространение так называемых «гаджетов» выводят вопрос о технике на первый план. Наше отношение к современному миру не только полностью опосредовано техническими устройствами, но и по большей части опосредовано одним большим устройством – Интернетом, который соединяет практически все виды человеческой деятельности.

Таким образом, несмотря на то, что важное вдохновение, которое мы черпаем у Симондона, – это его образ мыслей о трансиндивидуальности и технике вместе взятых, нам необходимо обрисовать и некоторую критику в его адрес. Поскольку его технический менталитет явно недооценивал техническую роль самого человека и его окружающего природного мира.

Во-первых, Симондон гениально открывая «черный ящик» технического объекта, но видит ли он предпосылки в некой техничности у самого человека? Конечно современные

антропотехники (интерфейсы мозг-компьютер, неокортикальные симуляции, загруженные файлы разума, корпорации как цифровые абстракции и т.д.) все больше начинают рассматриваться лишь в начале XXI века. Однако смысл не в том, чтобы отбросить мышление Симондона вместе с теми технологиями, которые он постигал, а в том, чтобы спросить, помогает ли его философия техники нам понять современные цифровые технологии. Если Ж. Хоттуа прав, отмечая, что Симондон в конечном счете не помогает современной антропотехнике^[17]. И это не потому, что он не догадывался о таких технологических инновациях, а лишь в силу того, что его теория конкретизации техники остается довольно традиционной. Например, в подтверждение этого Б. Стиглер полагает, что когда Симондон постулирует дотехническое происхождение человеческой цивилизации, есть веские причины вместо этого следовать Леруа-Гурану и определять эту цивилизацию как изначально техническое^[18].

Во-вторых, М. Комбс также полагает, что Симондону не удалось продумать эффективные методы, которые нацелены на определенные формы субъективации и преобразования себя и мира^[19, p.98]. Примеры, которые приводит Комбс в обоснование своей критики, направлены на аскетические и шаманские техники самопознания и самосовершенствования. На наш взгляд, в подтверждении такой критики необходимо сослаться не только на техники самосовершенствования в целом, но и на сознательно построенные техники, описанные М. Фуко, а также на все навыки, основанные на привычках, начиная с ходьбы и умения разговаривать. Например, для А. Леруа-Гурана инструмент – это источник человека, и инструмент возможен благодаря прямому положению и короткому лицу, то есть как только человек ходит и разговаривает. Симондон знал более ранние работы Леруа-Гурана и ценил их. Возможно, способ существования предметных техник был бы антропологически богаче, если бы он смог прочитать его фундаментальную работу «Жест и пароль»^[20], опубликованную только в 1964 году.

Можно предположить, что с самого начала своей жизни человек является своим первым инструментом. И поскольку он не изобретает этот инструмент в одиночку, а приобретает его трансиндивидуальным образом, его отношение к нему никогда не может быть полностью сознательным, подлинным, мастерским. Музыкальные или лингвистические навыки дают наглядные примеры этого. Так, например, трансдуктивный процесс обучения говорить на новом языке или играть на инструменте включает в себя не только некие инстинкты, сформированные в детском возрасте, но и «взрослые» размышления об этом процессе. Как мы можем видеть, в области технического менталитета идея технико-географической среды является у Симондона наиболее убедительной и важной идеей. В этом случае такая ориентация на эту динамическую среду и на посредничество технического объекта позволяет ему преодолеть жесткую оппозицию между природным участком и технологическим контекстом. Действительно, в современной техносоциальной реальности кажется все более затруднительным провести четкую грань между природой и технологией, поскольку они слились в единую техноприродную среду, в которой природа обусловлена техникой в такой же степени, как техника – природой. Поэтому Симондон дает очень полезное описание нашей жизни с техническими объектами, которые становятся важными усилителями и регуляторами культуры в современную эпоху цифровых сетей. Однако он явно не принимает во внимание уклончивый и неконтролируемый аспект технических объектов, из-за которого эта техника всегда будет и опасностью, и спасением. И именно здесь Стиглер упрекает Симондона в том, что он не считает технический объект фармаконом: лекарством, которое может быть и ядом.

Библиография

1. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
2. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
3. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.
4. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
5. Свирский Я.И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 111–125.
6. Тинус Н.Н. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации. 2021. № 1 (100). С. 44–59.
7. Скотт И.Д. Трактат о первоначале. М.: Изд-во Францисканцев, 2001. 182 с.
8. Лейбниц Г.В. Монадология. М.: РИПОЛ классик, 2020. 200 с.
9. Юнг К. Эон. Исследования о символической самости. М.: Академический проект, 2009. 340 с.
10. Симондон Ж. Психическая и коллективная индивидуация. М.: ИОИ, 2023. 704 с.
11. Styhre A. The concept of transduction and its use in organization studies // Emergence: Complexity and Organization. 2010. Vol. 12. № 2. P. 115–131.
12. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с.
13. Stiegler B. Technics and time. Part 1. The fault of Epimetheus – Stanford, CT: Stanford University Press, 1998. 316 p.
14. Morizot B. Pour une théorie de la rencontre. Hasard et individuation chez G. Simondon. Paris: Vrin, 2016. 245 p.
15. Simondon G. The position of the problem of ontogenesis // Parrhesia. 2009. №7. P. 4–16.
16. Sauvagnargues A. Simondon, Deleuze, and the construction of a transcendental empiricism // The Warwick Journal of Philosophy (Special volume: Deleuze and Simondon). 2012. P. 1–21.
17. Hottois G. Technoscience et technoesthétique // La philosophie de Simondon. Paris: Vrin, 2003. P. 98–100.
18. Stiegler B. Chute et élévation. Apolitique de Simondon // Revue philosophique de la France et de l'étranger. 2006. Vol. 131 (3). P. 325–341.
19. Combes M. Tentative d'ouverture d'une boîte noire. Ce que referme la 'question de la technique' // In Technique, monde, individuation. Heidegger, Simondon, Deleuze. Hildesheim: Europaeva Memoria, 2006. P. 75–98.
20. Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. Paris: Albin Michel, 1964. 323 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена исследованию теории цифровых сетей через призму концепций «конкретизации» и «трансиндивидуального» в философии Жильбера Симондона. Автор изучает, как эти концепции помогают понять современные техносоциальные системы, процессы их становления и взаимодействия с человеком.

Методология исследования

Автор применяет историко-философский анализ, систематизируя взгляды Симондона и его предшественников на проблему индивидуации. В работе используется методология сопоставительного анализа философских концепций и их приложения к современным цифровым реалиям. Однако методология не эксплицирована достаточно четко, что создает впечатление описательного, а не аналитического подхода к исследованию.

Актуальность

Актуальность исследования несомненна. Возрастающий интерес к философии Симондона связан с его способностью объяснить отношения между человеком, техникой и социумом в эпоху цифровых технологий. Анализ цифровых сетей через концепции конкретизации и трансиндивидуального позволяет по-новому осмыслить современные технологические процессы и их влияние на человека и общество. Особенно ценной представляется попытка автора применить философские идеи Симондона к актуальным проблемам цифровизации.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в оригинальном приложении философии Симондона к анализу природы и функционирования цифровых сетей. Автор предлагает рассматривать цифровые сети не как статичные объекты, а как процессы становления, находящиеся в постоянной эволюции и взаимодействии с человеком и окружающей средой. Однако новизна несколько снижается из-за недостаточно глубокой проработки некоторых ключевых понятий Симондона и их применения к конкретным примерам современных цифровых технологий.

Стиль, структура, содержание

Стиль изложения академический, но местами чрезмерно усложненный, что затрудняет восприятие текста. Структура статьи недостаточно четкая – отсутствует явное разделение на введение, основную часть и заключение. Содержание раскрывает основные концепции Симондона, но некоторые из них трактуются недостаточно глубоко, а переход от теоретических положений к их приложению к цифровым сетям не всегда логически обоснован.

Текст перегружен абстрактными философскими конструкциями, что создает впечатление оторванности от конкретного технологического контекста. Не хватает более детального анализа конкретных примеров функционирования современных цифровых сетей.

Библиография

Библиография достаточно обширна и включает как основные труды Симондона, так и работы других философов, исследовавших проблемы индивидуации и техники. Однако можно отметить недостаток современных источников по теории цифровых технологий и их философскому осмыслению. Библиография могла бы быть дополнена работами современных исследователей цифровой культуры и техники.

Апелляция к оппонентам

Автор справедливо приводит критику идей Симондона со стороны таких мыслителей, как Б. Стиглер, М. Комбс и Ж. Хоттуа. Эта критика касается недостаточного внимания Симондона к технической роли самого человека, отсутствия эффективных методов, направленных на формы субъективации, и традиционности его теории конкретизации техники. Однако автор не предлагает собственного решения обозначенных противоречий и не развивает достаточно глубоко свою позицию относительно

упомянутой критики.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы исследования представляются обоснованными, но не полностью раскрытыми. Автор правильно отмечает ценность идей Симондона для понимания современной техносоциальной реальности, но недостаточно развивает оригинальные перспективы применения его философии к конкретным проблемам цифровых сетей.

Статья представляет интерес для специалистов в области философии техники, теории медиа и цифровой культуры. Она может быть полезна для расширения теоретического понимания природы цифровых технологий, их эволюции и взаимодействия с человеком.

Заключение

Статья "Цифровые сети: между конкретизацией и трансиндивидуальным в философии Жильбера Симондона" представляет собой интересное исследование, предлагающее оригинальный взгляд на природу цифровых сетей через призму философии Симондона.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Рахимова М.В., Кузнецова Т.В. В поисках тезауруса «повседневной театральности» как философско-антропологического феномена: «сценарий», «представление», «персона» // Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.73858 EDN: MVFAIQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73858

В поисках тезауруса «повседневной театральности» как философско-антропологического феномена: «сценарий», «представление», «персона»

Рахимова Майя Вильевна

кандидат философских наук

доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин
Южно-Уральского государственного института искусств им. П.И. Чайковского

454091, Россия, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Плеханова, 41

✉ Mayesta@mail.ru

Кузнецова Татьяна Викторовна

доктор философских наук

профессор; кафедра эстетики; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корпус 4.

✉ estet@philos.msu.ru

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.73858

EDN:

MVFAIQ

Дата направления статьи в редакцию:

28-03-2025

Аннотация: Научная работа посвящена анализу тезауруса повседневной театральности как философско-антропологического феномена. Принципиальный интерес к терминологии обосновывается необходимостью формирования морфологии повседневной театральности как самостоятельного феномена культуры. В качестве ведущих выступают термины «сценарий», «представление», «персона». Выбор определяется конкретными работами поведенческих наук о человеке таких ученых, как

Эрик Берн, Ирвинг Гофман и Карл Юнг. Опыт наук о поведении человека представляется важным в виду его обширной эмпирической базы, врачебной и исследовательской практик, реализуемых учеными на повседневной основе, в тесном общении с людьми. В обсуждении задействованы материалы ученых – социологов Э. Бернса и Ги Дебора, философов Ж. Руссо, И. Канта, Ф. Ларошфуко, А. Шопенгауэра, М. Хайдеггера, положения энциклопедий и словарей. Среди методов исследования следует отметить аналитический, категориальный, компаративистский, а также методы аналогии и обобщения. Аналитический и категориальный методы помогают обозначить логические границы исследуемых терминов. Компаративистский метод необходим для выявления специфики терминов. Методы аналогии и обобщения помогают дифференцировать единичное, особенное и всеобщее в исследовании заданных терминов. Логика структурирования статьи продиктована необходимостью анализа научного потенциала каждого термина отдельно, согласно научным работам ученых с последующим анализом и обсуждением результатов. В качестве промежуточных результатов важно подчеркнуть потенциальную значимость терминов («сценарий», «представление», «персона») для исследования повседневной театральности. «Сценарий» помогает охарактеризовать набор стереотипов поведения человека, которые задействуются им в повседневности, так как зачастую человек живет, опираясь на конкретный набор внутренних программ. «Представление» помогает сценариям осуществляться, чтобы реализовывать социальные роли. В каждом индивиде может находиться несколько социальных личностей, которые человек демонстрирует обществу. «Персона» опирается на сценарий и представление как на психологические инструменты, помогающие ей соответствовать выбранной индивидуальности, в известной степени, театральными средствами выразительности. Персона помогает адаптироваться, выстраивает сложную систему отношений с внешним миром. В исследуемых терминах отражается экзистенциальная (персона), функциональная (представление) и психологическая (сценарий) сторона театральности человека. Следовательно, термины (сценарий, представление, персона) могут составить тезаурус «повседневной театральности» как феномена.

Ключевые слова:

повседневная театральность, театральная природа человека, сценарий, представление, персона, стереотип, образ, маска, социальная роль, самость

Введение

Исследование «повседневной театральности» сложно представить без анализа опыта поведенческих наук о человеке, о природе его артистического поведения в социуме. Поскольку поведенческие науки, согласно их профессиональной (социологической, психологической, врачебной) специфике, находятся в тесном контакте с человеком в его практической деятельности, постольку они обладают не только теоретическим, но и внушительным эмпирическим ресурсом по проблеме, ресурсом, анализ которого способен задать особую глубину исследованию «театральной» природы человека, проявляющей себя в «повседневной театральности».

На данный момент «повседневная театральность» осмысливается автором как комплексный открытый самоорганизующийся феномен адаптации человека к внешним и внутренним вызовам, проявляющий «театральную» природу человека и реализующий ее экзистенциальный потенциал в социуме, как феномен с ярко выраженной социальной, коммуникативной, социокультурной направленностью, реализующий себя в

повседневной культуре общения [\[17, С. 172,173\]](#).

Методология исследования отвечает цели статьи, ориентированной на анализ терминологической структуры «повседневной театральности» как философского феномена. Предмет научной работы отражает поиск подходящей терминологии, раскрывающей содержательный потенциал «повседневной театральности». Среди методов следует отметить дескриптивный, аналитический, категориальный, компаративистский, а также методы аналогии и обобщения.

В качестве методологической основы выступают научные материалы ученых, работавших в парадигме поведенческих наук о человеке – психологии, социологии, психиатрии (Э. Берн, И. Гофман, К. Юнг). Выбор авторов обусловлен необходимостью обоснования научного потенциала терминов «сценарий», «представление», «персона», разрабатывавшихся в трудах ученых.

В качестве критерия выбора терминов выступает их концептуальная близость к исследуемой автором проблеме «театральной» природы человека, их содержательная психологическая глубина, позволяющая более точно раскрыть «повседневную театральность» как инструмент психики и поведения человека.

Важно отметить, что термины «сценарий», «представление», «персона» прежде не рассматривались в качестве структурных элементов «повседневной театральности», хотя и отражали театральные (драматические) способы идентификации и социальной коммуникации человека в обществе.

Каждый из терминов, в известной степени, самодостаточен в своей профессиональной нише. В то же время исследование «повседневной театральности», частью которого является данная работа, предполагает поиск морфологических контуров феномена, в том числе тезауруса, с помощью которого «повседневная театральность» реализует свой содержательный и функциональный потенциал. Это обуславливает определенную актуальность данной работы.

В обсуждении задействованы материалы ученых – социологов Э. Бернс и Ги Дебора, философов Ж. Руссо, И. Канта, Ф. Ларошфуко, А. Шопенгауэра, М. Хайдеггера и др., положения ряда энциклопедий, словарей, в том числе словаря театра П. Пави, – как наиболее соответствующих научному поиску работы.

Обращение к словарям и энциклопедиям представляется важным в виду их терминологической содержательной устойчивости, выверенности и универсализму, отталкиваясь от которых можно выстраивать необходимые аналогии, определять искомый терминологический потенциал.

Логика структуры статьи продиктована необходимостью анализа каждого термина с опорой на конкретную научную работу, в которой термин был представлен впервые. Хотелось бы подчеркнуть необходимость небольшого представления ключевых идей каждого из авторов с последующим анализом терминов и поиском их предполагаемых соответствий с содержанием «повседневной театральности» как феномена.

Могут ли поведенческие науки внести свой вклад в исследование театральной природы человека, и если могут, то какой вклад? Обладают ли научным потенциалом для исследования «повседневной театральности» термины «сценарий», «представление», «персона»? В поисках ответа на вопросы обратимся к научному наследию Э. Берна, И. Гофмана и К. Юнга, исследовавших проблему драматического приспособления человека

к самому себе и к социальной среде с помощью авторской терминологии в том числе.

Повседневная театральность и «сценарий» (Э. Берн)

В работе «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры» Э. Берн сосредотачивает внимание на проблемах транзакционного анализа и особых сценарных программах-установках, которые сопровождают человека с самого детства. Искренность в общении, согласно автору, дается человеку не легко.

Трудности, связанные с подлинной близостью при коммуникации, во взаимоотношениях, как в социуме, так и в семье, во многом продиктованы силой влияния жизненных сценариев, с одной стороны, и сложностью критического самовосприятия, с другой.

Эрик Берн пишет, что в общении люди используют некоторый набор схем поведения, соответствующий определенному состоянию сознания. Отличия в поведенческих схемах позволили автору прийти к выводу о наличии различных состояний Я. В обычной речи данные состояния именуют «Родитель», «Взрослый», «Ребенок» [\[3, С. 19\]](#). В коммуникационных связях и обменах люди проявляют то одно, то другое из заявленных состояний, а также могут переходить от состояния к состоянию, в зависимости от внешних факторов, предлагаемых обстоятельств ситуации, внутренней мотивации и так далее.

Большая психотерапевтическая практика приводит Эрика Берна к мысли, что человек (вообще-то) проводит всю жизнь, обманывая мир и себя. Он живет согласно «сценарию», который есть постоянно действующий жизненный план, созданный в детстве под воздействием родителей [\[3, С. 187,188\]](#).

Согласно Э. Берну, человек постоянно издает сценарные сигналы, сам этого не сознавая. Окружающие реагируют на сигналы, а не на человека или его представления о себе – сценарий действует без его участия. Если человек изучит выражение своего лица в зеркале, он скоро поймет, почему люди реагируют так, а не иначе; более того, он сможет изменить состояние дел, если захочет. Однако, большинство людей настолько сосредоточены на своих сценариях, что находят любые предлоги, чтобы не разглядывать себя в зеркале; они предпочитают развитие своего сценария без их вмешательства вплоть до предопределенного финала [\[3, С. 377,378\]](#).

Не только пластичное лицо проявляет работу сценария, но и подвижное Я, имеющее психологическую природу. Ощущение Я в любой момент может сосредоточиться на любом из трех состояний Я, а также, подобно электрическому заряду, может переходить от одного состояния к другому, осуществляя, таким образом, своего рода путешествие Я. То состояние Я, которое на данный момент активно, ощущается как реальное Я [\[3, С. 379,380\]](#); как «относительно устойчивая, более или менее осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит взаимодействие с другими людьми и относится к себе» [\[10, С. 20\]](#).

Следуя размышлениям автора, можно заметить, что психологические состояния Я есть поведенческие программы, вшитые в сознание событиями жизни индивидуума и его родителей. Вряд ли программы носят театральный характер, что не исключает их игрового начала. Но именно этими состояниями Я человек способен оперировать в артистическом ключе, добиваясь определенного выигрыша (купона) общения, не испытывая в действительности искренних чувств, а только демонстрируя их.

Когда Э. Берн пишет о социальных играх, которые входят в жизненные «сценарии», он пишет о поощрениях и порицаниях со стороны социума. В качестве примера можно привести игру (то есть конкретный пример проявления «повседневной театральности» в современной социальной практике) - «Если бы не он!» В нее (по Э. Берну) принято играть в женском обществе, и если играть «по правилам» (критикуя в беседе своих мужей), то все прекрасно, и можно стать «своим» человеком в сплоченном кругу подруг. Если же отказаться и настаивать на том, что муж хороший, добрый человек, то долго в коллективе не продержаться. Данный пример при всей его психологической нарочитости, не лишен актуальности, хотя, конечно, далеко не каждое женское сообщество обязано играть в «если бы не он». С другой стороны, в практике повседневности сложно избежать манипулятивных состояний общения, особенно в коллективах, не обязательно женских.

Анализ научного потенциала термина «сценарий»

Научный потенциал термина «сценарий» определяется серьезной эмпирической поддержкой, обусловленной врачебной практикой Эрика Берна как психотерапевта, а также функциональной устойчивостью психологических программ-клише, встроенных, согласно его размышлению, в поведение словно по умолчанию.

При обращении к словарям можно заметить, что под сценарием понимается некоторое краткое содержание, указания для исполнения, открытые для импровизации [\[13, С. 337\]](#); сюжетная схема, по которой создается спектакль, детальный творческий план постановки фильма [\[20\]](#); словесный прообраз фильма, предвосхищение его образов, схема-план [\[9\]](#). Другими словами, это некий «план-конспект», следуя которому действие фильма, пьесы достигнет искомой кульминационной точки, что не исключает богатства нюансировки и индивидуальных деталей по ходу «плана-конспекта».

Надо признать, что Эрик Берн не спорит с традиционным толкованием термина, поскольку его сценарий – это тоже план, жизненный план, сформированный под влиянием родителей еще в детстве [\[3, С. 552\]](#), которому в течение жизни следует человек, хоть и наполняя его отдельными индивидуальными событиями, но редко по-настоящему нарушая.

К слову, феномен «жизненного сценария» является самостоятельной единицей анализа, предполагающей целые научные школы и направления. Так, например, в отечественной психологии жизненный сценарий рассматривается как социально-психологический феномен, связанный со способностью планирования, конструирования и структурирования жизни, возможности выбора человеком своего жизненного пути, в то время как для представителей зарубежной школы психологии традиционным является положение о бессознательном характере формирования и реализации человеком своего жизненного сценария, где человек не может в достаточной степени быть хозяином своей судьбы [\[14, С. 124,125\]](#).

В первом случае предполагается некоторый выбор, - следовать либо не следовать жизненному пути, во втором случае, человек по жизненной траектории (которая все равно есть) большую часть времени движется бессознательно (спонтанно или предопределенно).

Как представляется, обозначенные отличия в трактовке жизненного сценария не отменяют общего понимания сценария как плана, схемы судьбы. Общий смысл термина сохраняет устойчивость, универсальность, и это обуславливает его востребованность в

качестве элемента тезауруса театральности.

В контексте «повседневной театральности» «сценарий» (Э. Берна) проясняет характер устойчивых повторяющихся клишированных действий и реакций людей в повседневном общении, согласно отдельным предлагаемым обстоятельствам, в которые время от времени попадают люди: от ситуаций дружеского общения, на рабочем месте и до спонтанных ситуаций в магазине, на общественном транспорте и так далее.

Во всех перечисленных ситуационных фрагментах, прежде чем человек сориентирует себя на подлинное общение, в нем словно срабатывает заложенный по умолчанию механизм коммуникативной ответной реакции, которая выглядит как искреннее общение, но опирается чаще всего на некоторые устойчивые внутренние сценарии.

Кстати, отметим, что, прежде чем профессиональный актер выйдет на сцену, он внимательно наблюдает за повседневной жизнью людей вокруг, и спектр его внимания сконцентрирован не только на уникальных проявлениях характера, но во многом на привычке («на согласии») человека «держаться в рамках дозволенного» (ситуации, шаблона, культурных норм и ценностей). Эти социальные паттерны впоследствии актер воплощает на сцене, тем самым становясь нам понятным и близким, так как мы «узнаем в играемых ситуациях себя». Актера интересуют жизненные сценарии, которые мы воплощаем на сцене повседневности, наша «вовлеченность» в ситуативные шаблоны. На этот момент, в частности, обращает внимание исследователь Элизабет Бернс, когда анализирует социальный контекст «театральности» как феномена, связующего сцену и повседневность [\[4, С. 16,17\]](#).

В результате безупречной работы «встроенных» сценариев, - обмен репликами, эмоциями, реакциями помогает повседневной ситуации проявиться, случиться, разрешиться, закончиться. Поведение общающихся, благодаря сценариям, в известной степени, предсказуемо и считывается носителями похожих программ без особых проблем.

Сценарий как элемент «повседневной театральности», способствует осуществлению предсказуемого взаимодействия людей, общению без глубокого погружения в личность другого, в контекст ситуации. Причем, подобный тип общения не исключает искренности в той степени, в которой общающиеся верят, что они искренни. Другое дело, что проблема искренности, близости в общении, с философской точки зрения является достаточно сложной, требующей от человека известных духовных энергозатрат, не всегда доступных в быстро сменяющихся друг друга ситуациях общения в повседневной жизни.

Повседневная театральность и «представление» (И. Гофман)

В книге «Представление себя другим в повседневной жизни» Ирвинг Гофман сосредотачивает мысль на представлении, образе, который складывает о себе человек, пребывая в обществе, формируя связи, выстраивая взаимодействия. Представление себя другим в повседневной жизни раскрывается с позиции театрального драматургического потенциала, заложенного в представлении.

Каким образом И. Гофман раскрывает проблему «представления»? Прежде всего, автор говорит о потаенной заинтересованности собеседников в информации друг о друге, которую они стремятся добыть в общении, либо сообщить с помощью образов и демонстраций о себе. Получить информацию о другом они желают полезную и правдивую, передать информацию о себе хотели бы соответствующую обстоятельствам и

выгодам.

Термин «представление» используется для обозначения всей деятельности индивидуума, которая происходит в период его непрерывного присутствия перед определенными наблюдателями и которая оказывает на наблюдателей некоторое влияние.

«Представление» предполагает «передний план» как стандартный набор выразительных средств, которые специально или неосознанно индивидуум использует в ходе социальной коммуникации. Передний план определяет ситуацию для тех, кто наблюдает «представление». Стандартные элементы переднего плана — это обстановка, личный передний план, внешность, манеры [\[5, С. 34-36\]](#).

Помимо переднего плана есть и зона заднего плана, «закулисы», где находятся подавляемые факты, скрытые мотивы и интересы. Именно здесь может быть старательно отшлифована способность «представления» выражать что-либо, кроме своего прямого смысла; именно здесь открыто создаются впечатления и иллюзии. Здесь сценический реквизит и элементы личного переднего плана могут храниться в виде компактно «утрамбованного» полного репертуара действий и действующих лиц [\[5, С. 136\]](#).

Конкретный участник выступает как базисная точка отсчета, другие категории исполнителей интерпретируются как «публика», «аудитория», «наблюдатели», «соучастники». «Партия» или «рутина» есть предустановленный образец действия, который раскрывается в ходе исполнения, который сыгран.

Когда индивид или «исполнитель» в разных обстоятельствах играет одну и ту же партию перед одной и той же аудиторией, тогда, вероятно, имеет смысл говорить о возникновении «социального отношения» [\[5, С. 27\]](#). Индивид «вживается» в социальную роль, в житейскую партию, которую исполняет, взаимодействуя с другими, причем образ, который транслируется его поведением, должен восприниматься всерьез, потому индивид внушает этот образ («неявно просит воспринимать всерьез») наблюдателям [\[5, С. 28\]](#). И. Гофман обращает внимание на то, что транслируемая роль разыгрывается не бескорыстно, а ради результата, нужного индивиду (индивидам). А потому стремление убедить аудиторию в правдивости образа востребует инструменты управления людьми и ситуацией, драматические в том числе.

В ролях мы познаем друг друга. Театральные средства выразительности обеспечивают комфортную коммуникацию, дарят чувство безопасности, защищенности [\[5, С. 74\]](#). Здесь хотелось бы заметить, что, будучи занятыми в ролях, люди вряд ли имеют возможность в полной мере познать друг друга, поскольку вводные характеристики роли уже предполагают следование образу, заложенному в ней. Другое дело, что социальные роли помогают говорить на одном «языке», что, действительно, формирует ощущение безопасности. Образы (люди в них) «общаются», следуя понятным сценариям, и неопределенность уступает место стандартам социального взаимодействия, приобретая оттенок артистического общения.

И. Гофман обращает внимание на то, что, когда человек представляет себя перед другими, его «представление» демонстрирует примеры официально принятых ценностей общества, возможно даже в большей степени, чем свойственно его поведению в принципе [\[5, С. 49\]](#). Он подмечает такие черты «представления», как стремление к самоконтролю, артистизм, миметические способности, попытки регулирования и управления ситуативными аспектами [\[5, С. 83,85\]](#).

Кстати, среди современных исследований театральности есть близкие по значению характеристики. Например, Райков В.Н. подмечает такие черты феномена, как репрезентативность, контекстуальность и перформативность [\[16, С. 9, 10\]](#). Андреева И.М. предполагает такие черты театральности, как демонстративность, публичность, развлекательность, сюжетность, двойственность актерского «Я» [\[1, С. 6\]](#). Исследователь Олянич А.В. отмечает сценарность, ритуальность, нарочитость, условность, презентационную эмоциогенность. Театральность реализуется в ролевой структуре дискурса через введение в коммуникацию типизированных участников (коммуникативных типажей, масок, амплуа) [\[12, С. 4,5\]](#).

Наконец, И. Гофман пишет: «...в повседневной жизни исполнитель, как правило, имеет возможность намеренно создавать ложное впечатление практически любого рода, не ставя себя в уязвимое положение явного лжеца. Коммуникативные приемы (недоговаривания, стратегическая неоднозначность и критически важные умолчания) позволяют дезинформатору извлекать выгоду из вранья, технически не произнося его» [\[5, С. 79\]](#).

Для «повседневной театральности», которая зачастую все-таки не ставит целью сознательного обмана собеседника, а действует скорее по некоторому наитию, искреннему наигрышу, также характерны недоговаривание, утаивание, манипулятивность, так как эти свойства помогают держать под контролем ситуацию, возможно, получить выигрыш от общения. Кстати, И. Гофман подмечает схожие функциональные позиции в «представлениях»: «Мы склонны считать настоящие представления чем-то, что было создано без какой-либо определенной цели и является непреднамеренным результатом естественной реакции индивидуума на какие-либо факты в его конкретной ситуации» [\[5, С. 89\]](#). Более того, человеку свойственно даже верить в собственные представления, считать их своей реальностью [\[5, С. 90\]](#).

Когда И. Гофман говорит о примерах «представлений» в современной социальной практике, он говорит об их повсеместности. В обществе любая роль «представительна», не важно, индивидуальная она либо командная, и играть роль нужно по правилам. Официант на работе должен играть роль официанта, бакалейщик, портной, организатор торгов - исполнять «сигнальный танец» бакалейщика, портного, организатора торгов, с помощью которого они стремятся убедить своих клиентов в том, что они не более чем бакалейщик, портной, организатор торгов. Мы видим, что «повседневная театральность» вряд ли возможна без «представлений», без образов, с помощью которых она реализует свой потенциал на социальной сцене повседневности.

Анализ научного потенциала термина «представление»

Научный потенциал термина «представление» так же актуален для формирования морфологического каркаса «повседневной театральности», как и «сценарий».

Термин помогает охарактеризовать практические способы осуществления элементов жизненных сценариев социальных героев – участников повседневного общения. «Представление» не обязано быть искренним, оно должно помогать в достижении конкретных целей социального общения. Помощь «представления» заключается в особом коммуникационном регулировании общения посредством активного использования приемов психологического влияния, убеждения, камуфляжа, которые по своим внешним характеристикам вполне театральны.

Если мы обратимся к словарям, то заметим, что черты, свойственные определению «представления» с разных исследовательских сторон не противоречат определению «представления» И. Гофмана.

Патрис Пави, к примеру, предлагает несколько похожих характеристик «представления»: он говорит о некотором позировании, выставлении напоказ, демонстрации с целью зрелищности, о вовлечении одновременно сцены (все, что до этого подготовило спектакль) и зала (с его способностью к восприятию). Наконец, говорит о том, что представление не есть только спектакль, а есть возможность временно сделать настоящим то, что им не является, сделать настоящим то, чего нет, напомнить о нем нашей памяти, нашей временности (не только взору) [\[13, С. 247, 248\]](#).

Большая российская энциклопедия говорит о «представлении» в широком ключе, не затрагивая напрямую драматический аспект вопроса. Тем не менее, интересной представляется позиция, согласно которой «представление» есть «наглядный чувственный образ предметов и ситуаций..., сопровождающийся чувством отсутствия того, что представляется, или особые идеальные образования, данные сознанию, содержанию которых может что-то соответствовать в действительности, а может и не соответствовать» [\[11\]](#). Одним словом, термин «представление» обладает устойчивым содержательным и функциональным наполнением, проявляющим себя в разных сферах жизнедеятельности схожим способом. И театральность опирается на «представление» в той степени, в которой оно способно обеспечить наглядный образ, обладающий силой демонстрировать то, чего может и не быть на самом деле, но в данный момент востребовано как рабочий инструмент взаимодействия.

Да, конечно, «представление», как феномен философии, во многом ассоциируется с наследием А. Шопенгауэра и других мыслителей, разрабатывавших проблему в онтологическом ключе, потому напомним, что «представление» у Шопенгауэра – это не столько феномен сознания, сколько форма существования самого мира, поскольку он дан в созерцании субъекту. Это мир, положенный как объект для субъекта, мир, изначально «ориентированный», адресованный человеку [\[19\]](#). Мир такой, каким его видит человек, существует лишь в его представлении. Это замечание представляется важным для исследования, поскольку имеет отношение к категории воображения – ключевой для театральных техник преобразования и представления.

М. Хайдеггер обращает внимание на то, что представить – значит, «поместить перед собой наличное, соотнести с собой, представляющим, и понудить войти в это отношение к себе как определяющую область...» [\[21, С. 47\]](#). Учитывая специфику раскрытия «представления» с позиции его онтологической силы, можно понять и его суггестивный потенциал в социокультурном общении. Образ, внушаемый собеседнику, влияет и на его носителя. «Представление» способно быть крайне убедительным, что подтверждает его глубинную связь с театральной природой человека, обладающей «врожденным» даром убеждения и преобразования.

Наконец, «представление» играет ключевую роль в общественной среде, где «общественная личность создается в нас другими людьми». У. Джеймс полагает, что в каждом индивиде может находиться столько социальных личностей (социальных Я), сколько индивидов признают в нем личность и имеют о нем представления. Социальная личность – есть «представления об индивиде других людей; и эти представления воспринимаются самим индивидом как правильные и истинные» [\[15, С. 7-8\]](#). Ги Дебор, в этой связи, уточняет и развивает мысль об «обществе спектакля», полагая, что

«спектакль ... есть общественное отношение между людьми, опосредованное образами» [\[6, С. 32\]](#). Можно сказать, что «повседневная театральность» (в качестве инструмента общения) оперирует представлениями, опирается на них и обеспечивает, таким образом, хрупкий баланс интересов, характеров и амбиций в социуме.

Повседневная театральность и «персона» (К. Юнг)

Согласно К. Юнгу в его работе «Отношения между эго и бессознательным», сознательная личность есть «более - менее произвольный сегмент коллективной психики»; сегмент состоит из суммы психических фактов, которые ощущаются как личные, то есть принадлежащие исключительно данному конкретному лицу. Личное сознание акцентирует собственническое и исходное право на свои содержания и таким образом стремится создать единое целое, - «персону» [\[22, С. 64, 65\]](#).

Обратим внимание на то, как К. Юнг интерпретирует «личное» - он полагает, что это сегмент коллективной психики, пусть и ощущаемый как уникальный, индивидуальный. «Личное» стремится обладать данным сегментом, предъявляет на него права, и на этих собственнических эгоистических началах выстраивает «персону», но оно не свободно от «коллективного» начала, так как все, что есть в «личном», есть и в коллективном (те же психические лекала, шаблоны, содержание, реакции). Тогда можно понять, почему общение, взаимодействие в социуме строится при помощи «персоны», а не самости. Ощущение своей индивидуальности вряд ли совпадает с подлинной сутью человека, которую хранит его самость. «Персона» же формируется на вполне прагматичных основаниях управления, контроля, обладания, что может объяснить ее способность к социальной адаптации человека, и характер адаптации зачастую носит артистический характер.

«Персона» есть маска, — и это сложно игнорировать. Маска умеет симулировать индивидуальность, заставляя других и самого субъекта верить в эту индивидуальность, тогда как на самом деле он просто играет роль, через которую говорит коллективная психика [\[22, С. 66\]](#). Выражения «принять официальный вид», «играть социальную роль» связаны со способностями «персоны» человека выглядеть так или иначе, он может не только прятаться за маской «персоны», но и использовать ее как баррикаду [\[22, С. 98\]](#).

Можно сказать, что «персона» – это сложная система отношений между индивидуальным сознанием и обществом, рассчитанная, с одной стороны, на то, чтобы произвести на других определенное впечатление, а с другой – на то, чтобы скрыть истинную природу индивида [\[22, С. 129\]](#). Юнг уточняет, что в случае, если человек полагает, что скрывать истинную природу излишне, это означает, что человек настолько отождествлен со своей «персоной», что больше не узнает себя.

В случае, если человек не считает нужным производить на других определенное впечатление, означает, что человек не осознает истинную природу ближних [\[22, С. 129\]](#), так как общество ожидает, что каждый индивид будет играть отведенную роль как можно лучше, и «персона» способна удовлетворить это ожидание.

Отметим содержательную близость «персоны» феномену «повседневной театральности». Не претендуя на подлинную глубину (глубину самости), «персона», тем не менее, складывает образ, в который верит сам человек и с которым себя идентифицирует. На основе коллективной психики «персона» формирует вторичную реальность, компромиссное образование, которое служит человеку во внешней среде опорой, выстраивая видимость в виде имени, званий, компетенций, самопрезентаций и так

далее. Причем, не без активного влияния других [\[22, С. 66, 67\]](#).

Конечно, Карл Юнг пытается нащупать и тот самый путь к подлинному себе, который стоит за видимостью и заблуждениями на свой счет; это путь индивидуации, приход к самому себе (к самости) [\[22, С. 95\]](#). Трудный путь, поскольку всякий раз преобладают процессы отчуждения самости, лишения самости ее реальности в пользу внешней роли, в пользу воображаемого значения. И тогда самость отходит на второй план, уступая место социальному признанию, либо аутосуггестивному значению первообраза. И в первом, и во втором случае побеждает коллективное [\[22, С. 95\]](#).

Раз за разом человек имеет дело с «персоной» в себе, четкого представления о себе, как о самости, у него нет. И это, действительно, трудно, потому что попытка понять себя как самость превосходит силу воображения человека – в этом случае часть должна постичь целое: «сколь бы много мы ни осознавали, всегда будет существовать неопределенное и не поддающееся определению количество бессознательного материала, который принадлежит к целостности самости» [\[22, С. 103\]](#).

Здоровое состояние психики подразумевает и «персону», и самость, с особым акцентом на постижении самости на протяжении всей «внутренней» жизни («познай себя!»). В целях индивидуации человеку не только важно различать, кем он является и каким кажется себе и другим, но и совершенно необходимо осознать невидимую систему отношений с бессознательным, дабы иметь возможность отличить себя от нее [\[22, С. 134\]](#).

Итак, «персона» помогает адаптироваться, выстраивает сложную систему отношений с внешним миром. В этом заключается ее выдающаяся миссия как сегмента психики. Однако «персона» не может одним фактом своего существования обеспечить оптимальную защиту в виде той или иной социальной маски. Для этого нужна «повседневная театральность» как целый комплекс средств: нужны театральные средства выразительности, которые по умолчанию составляют содержание «театральной» природы человека; нужен артистизм, с помощью которого «персона» всякий раз другая, соответствующая обстоятельствам и вызовам.

Тогда «персона» выступает своего рода мостом между мирами (внутреннего и внешнего мира), (внутреннего и мира более глубинного, мира «первообразов»); мостом, без которого трансформация чистых игровых потенциалов (мир самости) в театральные их преломления была бы невозможна. Этим можно объяснить адаптационную природу «персоны» и ее крайнюю востребованность в повседневной культуре общения.

Анализ научного потенциала термина «персона»

Научный потенциал термина «персона» определяется его содержательной и экзистенциальной полнотой. Термин отражает специфику сегмента психики, наиболее часто задействованной человеком в повседневном общении, определяемой как «личное», присущее конкретному человеку в качестве его «индивидуальности». Уникальное местоположение, генезис «персоны» как элемента коллективного бессознательного, представляется важным потому, что «театральная» природа человека, на которую опирается «персона», мыслится также, как феномен психики, возможно, все того же бессознательного.

Термин «персона» весьма удачен, ибо первоначально это слово означало маску, в которой появлялся актер и которая показывала, какую роль он исполняет [\[22, С. 64, 65\]](#). Если мы обратимся к словарям, то обнаружим схожие характеристики с имеющими место

быть уточнениями.

Так, к примеру, словарь театра П. Пави, определяет «персону» через «персонаж», который «заимствует облик и голос актера». Однако, персонаж в древнегреческом театре был только маской-персоной, соответствовавшей драматической роли. Постепенно слово стало приобретать значение одушевленного существа, личности, а театральный персонаж стал создавать иллюзию человека.

И если в древнегреческом театре актер отделен от своего персонажа, он только исполнитель, а не воплощение, то в последующем, персонаж все более отождествляется с актером, его воплощающим, и превращается в психологическую и моральную сущность, на которую возложено произведение эффекта идентификации (симбиоз персонажа и актера) [\[13, С. 226\]](#).

Эта характеристика примечательна тем, что свойства «персоны» и в повседневном поведении человека предполагают, как «взгляд со стороны», расщепление роли и ее исполнителя - своеобразное «представление» своего состояния, так и «полное погружение», слияние роли и исполнителя – своеобразное «переживание» состояния.

В Большой российской энциклопедии термин «персона» раскрывается через «личность». Непосредственно «персоне» посвящены несколько абзацев, где, в частности, речь идет о персоне как фундаментальном понятии римской юриспруденции. Здесь человек есть индивид, занимающий конкретное положение в социуме, обладающий, согласно Цицерону, четырьмя «личинами», возложенными на него природой: обладает «разумом и сознанием», т. е. признаками человеческого рода, относится к определённому типу характера, живёт в конкретной среде в определённых обстоятельствах и избирает некую профессию или же образ жизни; при этом каждый «должен быть верен своей натуре» (трактат «Об обязанностях», кн. I, 109–120) [\[2, С. 696-698\]](#).

Данный подход к «персоне» демонстрирует ее социальный, поведенческий, презентационный потенциал. Верность натуре – образу, соответствующему ряду обстоятельств, характеризует игровой, драматический потенциал «персоны» как «личины», помогающей адаптироваться среди других «личин». Характеристики термина не противоречат, а дополняют друг друга, подчеркивая в «персоне» силу маски как сокрытия и преображения.

О необходимости либо неизбежности человека носить «личину» философия размышляет не первое столетие, и в большинстве случаев размышления носят характер критики. Так, к примеру, Д.И. Дубровский, анализируя в своей книге природу обмана, обращается к максимам Ларошфуко, который отмечает, что «каждый человек, кем бы он ни был, старается напустить на себя такой вид и надеть такую личину, чтобы его приняли за того, кем он хочет казаться; поэтому можно сказать, что общество состоит из одних только личин» [\[7, С. 134\]](#).

Вспоминая Ж.-Ж. Руссо с его стремлением «срывать маски» не только с других, но и с самого себя, отметим разочарование трудностью данного процесса, поскольку, согласно философу, «за содранной с мясом маской, как правило, обнаруживает себя другая, еще более «естественная», напрочь сросшаяся с лицом» [\[18, С. 669\]](#).

Ги Дебор говорит о «ложном сознании», формируемом в «обществе спектакля», где маска – необходимый атрибут. Ложное сознание навязывается повседневной жизни, подчиненной спектаклю, и в данных предлагаемых обстоятельствах на место подлинных

«встреч» приходит «иллюзия встречи». Человек не в силах разглядеть «другого», он с трудом справляется со своей реальностью [\[6, С. 199, 200\]](#).

Оптимистичным на этом фоне выглядит И. Кант, согласно которому «все люди, чем они цивилизованнее, тем больше становятся актерами; они усваивают себе внешние признаки любезности, уважения к другим, скромности, бескорыстия, хотя этим решительно никого не обманывают, ибо всякий другой прекрасно понимает, что все это идет вовсе не от сердца, но что в сущности очень хорошо, что дела в этом мире идут именно так; благодаря тому, что люди играют именно эту роль, в конце концов, добродетели, внешние признаки которых в течение долгого времени поддерживались только искусственно, мало по малу могут действительно проснуться в душе человека и перейти в душевное настроение» [\[8, С. 30\]](#).

Можно отметить как деструктивное, так и положительное влияние маски, «персоны», социальных ролей, носителями которых мы являемся. Возможно, проблема заключается не в «персоне-маске» как таковой, а в корректном либо некорректном использовании «персоны» как психического инструмента общения. «Повседневная театральность» опирается на «персону» и нуждается в ней, поскольку для исполнения социальных ролей всегда будут нужны «внутренние актеры».

Выводы:

1. Как представляется, термины «сценарий», «представление», «персона», каждый в известной степени отвечают содержательному потенциалу «повседневной театральности» как философско-антропологического феномена. В терминах отражается экзистенциальная («персона»), функциональная («представление») и психологическая («сценарий») сторона театральности человека. Следовательно, термины («сценарий», «представление», «персона») могут составить тезаурус «повседневной театральности» как феномена.

2. «Сценарий» помогает охарактеризовать набор психологических клише, программных стереотипов поведения человека, которые задействуются человеком в повседневности, выстраивая траектории его социального общения.

3. «Представление» помогает «сценариям» осуществляться, формировать и реализовывать многочисленные социальные роли; способствует успешной социокультурной коммуникации людей.

4. «Персона» (как образ, личина) формирует глубинные психические реакции на внешние вызовы и таким образом выстраивает свой образ для дальнейшего его воплощения. «Персона» опирается на «сценарий» и «представление» как на устойчивые психологические инструменты, помогающие ей соответствовать выбранной видимости, кажимости, индивидуальности, личному, и так реализовывать потенциал своего существования, в известной степени, театральными средствами выразительности.

5. Взаимосвязь терминов обуславливается их концептуальной природой, связанной с феноменами психики и поведения, сегментами которых они являются и потенциал которых реализуют на практике. «Персона» отвечает глубинным аспектам психики, сохраняя паттерны психических реакций на события внутреннего и внешнего порядка. «Сценарий» задействует психические паттерны «персоны» в построении конкретного жизненного пути индивида. «Представление», как в индивидуальном, так и в коллективном формате, способно воплощать «сценарии персоны» на площадках повседневности, как в бытовой, так и в цифровой коммуникативной среде.

Заключение

Феномен «повседневной театральности» может быть морфологически структурирован. Для этого необходимо определиться с тезаурусом, терминологически выверенным словарем, отвечающим проблемному полю «повседневной театральности» как философской проблемы.

Данная работа представляет собой попытку поиска и анализа ряда терминов, представляющих интерес в качестве раскрывающих содержательную специфику «повседневной театральности» как феномена философской антропологии. Для характеристики отобраны термины «сценарий», «представление», «персона», каждый из которых локально отражает стороны и свойства «театральной» природы человека.

Благодаря проделанной работе потенциальные морфологические контуры «повседневной театральности» как самостоятельного феномена культуры получили определенный импульс к существованию, так как термины «сценарий», «представление» и «персона», в известной степени, сопричастны «повседневной театральности», отвечают ее содержательным и функциональным вызовам. Тем не менее, исследование, в том числе категориальное, предполагается продолжить.

Библиография

1. Андреева И. М. Взаимосвязь театра и театрализованного сознания в социуме: автореферат дис. ... доктора философских наук: 24.00.01 / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. – Краснодар, 2006. – 31 с. EDN: NKBVTP.
2. Бандуровский К. В., Леонтьев Д. А. Личность. Большая российская энциклопедия. Т. 17. Москва, 2010. С. 696-698.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Эрик Берн; [пер. с англ. А. Грузберга]. – Москва: Эксмо, 2022. – 560 с.
4. Burns E. Theatricality: A study of convention in the theatre and in social life / [By] Elizabeth Burns. – London: Longman, 1972. – [8], 246 p.
5. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – СПб.: Питер, 2021. – 304 с. – (Серия "Мастера психологии").
6. Дебор Г. Общество спектакля / Ги Дебор; [перевод с французского С. Офертаса]. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 320 с.
7. Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ / Дополненное издание / Д. И. Дубровский. – М.: "Канон +" РООИ "Реабилитация", 2010. – 336 с.
8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения: Пер. с нем. Изд. Стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2024. – 200 с.
9. Кино: Энциклопедический словарь / Гл. ред. С. И. Юткевич. – Москва: Сов. энцикл., 1986. – 637, [3] с., [96] л. ил.; 27 см. Режим доступа: <http://art.niv.ru/doc/encyclopedia/cinema/articles/188/scenarij.htm> (дата обращения 26.01.2025).
10. Корчак А. С. Философия Другого Я: История и современность. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 152 с.
11. Лекторский В. А. Представление // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016); <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3175457> (дата обращения 29.01.2025).
12. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 40 с. EDN: NHUVNB.
13. Пави П. Словарь театра / Патрис Пави; Пер. с фр. под ред. К. Разлогова. – Москва:

Прогресс, 1991. – 480, [1] с.

14. Петросьян С. Н., Рябикова З. И. Современные подходы к проблеме жизненного сценария личности как социально-психологического феномена // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2016. № 3 (183). С. 123-135. EDN: WXBTGX.

15. Психология самосознания: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара: БАХРАХ-М, 2000. – 672 с. – (Хрестоматия по социальной психологии личности).

16. Райков В. Н. Феномен театральности: социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Райков Валерий Николаевич; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2010. – 21 с. EDN: ZOBLGR.

17. Рахимова М. В. Отражение театральности как философско-антропологического феномена в научном дискурсе // Социология. 2024. № 10. С. 172-177.

18. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: В 3 т.: Пер. с фр. / [Сост. и авт. вступ. статьи И. Е. Верцман]; [Ил.: Е. Коган]. – Москва: Гослитиздат, 1961. – 3 т.; Т. 3: [Исповедь]. Т. 3: [Прогулки одинокого мечтателя] / [Коммент. Д. А. Горбова]. – 1961. – 727 с., 1 л.

19. Сафина А. М. Представление как категория социальной философии и феномен общественного бытия // Манускрипт. 2016. № 12-2 (74). С. 150-152. EDN: YHFMKL.

20. Сценарий // Большая Советская Энциклопедия. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A1%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9> (дата обращения 26.01.2025).

21. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Мартин Хайдеггер; [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибикина]. – Москва: Республика, 1993. – 445, [2] с.; 22 см. – (Мыслители XX века).

22. Юнг К. Г. Отношения между эго и бессознательным / Карл Густав Юнг; [перевод А. Чечинной]. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 320 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье ставится задача проанализировать содержание понятий, которые используются при характеристике «повседневной театральности» человека. Избранная тема может быть интересна самому широкому кругу читателей. К сожалению, однако, представленный текст не оправдывает ожиданий, инспирированных его названием, поскольку вместо концептуального анализа автор предлагает читателю пересказ нескольких избранных им в качестве «базовых» источников, сопровождая этот пересказ в каждом случае (в тексте это представлено как «обсуждение и результаты») собственными замечаниями. Вследствие принятия такой «стратегии изложения» (на взгляд рецензента, малопродуктивной) статья оказывается вторичной и лишь описательной по своему характеру. Даже если взгляды и суждения тех или иных мыслителей классической эпохи или современных исследователей представляются принципиально важными для раскрытия темы, они всё равно должны «вплестись» в авторское видение проблемы. В противном случае непонятно, зачем готовить и публиковать статью, ведь даже в раскрытии «камерной» темы читателю интересна позиция автора, «безличные суждения» о «сценарии», «персоне» и т.п. сегодня, в век мобильного интернета, потеряли всякую ценность, электронные энциклопедии предоставляют их мгновенно. Ещё один недостаток статьи – крайне неумелый способ подачи материала. Так, неудачно сформулировано уже первое предложение статьи:

«Исследование повседневной театральности вряд ли представляется возможным...» (зачем «представляется»? – просто «вряд ли возможно»). Второе предложение также следует переформулировать, в нём из того, что «поведенческие науки ... находятся в тесном контакте с человеком в его практической деятельности» (зачем в научной статье столь банальная констатация, как же могло быть иначе?) автор делает вывод, что они обладают «внушительными эмпирическими данными по проблеме», однако, вряд ли по отношению к столь «тонкой теме», как «театральность человека», вообще можно говорить об «эмпирических данных», последние сами могут «открыться» исследователю только через призму определённого теоретико-методологического подхода, по существу, они оказываются всегда не «данными», а результатом интерпретации материала наблюдений, в которых человек, не нацеленный на изучение «артистической природы», вообще не увидит ничего значительного. Чуть дальше пример ещё одной неудачной конструкции: «Логика структурирования статьи продиктована необходимостью анализа научного потенциала каждого термина отдельно...». Автор крайне неаккуратно пользуется таким знаком препинания, как точка с запятой. Этот знак препинания в русском языке разграничивает самостоятельные синтаксические конструкции, в представленном же тексте он, как правило, «разрывает» их, например: «на данный момент повседневная театральность осмысливается как комплексный открытый самоорганизующийся феномен адаптации человека к внешним и внутренним вызовам; как феномен, проявляющий «театральную» природу человека и реализующий ее экзистенциальный потенциал в социуме; как феномен ... и т.д.». Создаётся впечатление, что автор так и не разобрался, когда рассматриваемые им термины следует заковычивать, а когда нет: «в Большой российской энциклопедии термин персона раскрывается...», «данный подход к персоне раскрывает...» и т.п. Если речь идёт о понятии, о термине, слово всегда берётся в кавычки! Много и пунктуационных ошибок, в частности, лишних запятых: «о необходимости, либо неизбежности...», «благодаря проделанной работе, потенциальные морфологические контуры «повседневной театральности», как самостоятельного феномена культуры, получили...», – здесь вообще не нужны запятые! Возможно, статья имеет некоторые перспективы публикации в научном журнале, если автор конструктивно отнесётся к высказанным замечаниям, но её публикация в сегодняшнем виде была бы преждевременной.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования данной статьи является поиск и анализ терминологической структуры феномена «повседневной театральности» в контексте философской антропологии. Автор фокусируется на трех ключевых понятиях – «сценарий», «представление» и «персона», – рассматривая их теоретический потенциал для формирования тезауруса философского осмысления повседневной театральности как проявления театральной природы человека в социальном взаимодействии.

Методология исследования

Автор применяет комплексный методологический аппарат, включающий дескриптивный, аналитический, категориальный и компаративистский методы, а также методы аналогии и обобщения. В качестве теоретической основы выбраны концепции представителей поведенческих наук – Э. Берна, И. Гофмана и К. Юнга – чьи работы имеют

непосредственное отношение к пониманию драматических аспектов человеческой коммуникации.

Методология в целом соответствует поставленным исследовательским задачам, однако отсутствует четкое обоснование критериев отбора именно этих трех концепций и терминов из всего многообразия возможных теоретических подходов к проблеме театральности человеческого поведения.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к проблеме театральности повседневных социальных практик и необходимостью концептуализации этого феномена в рамках философской антропологии. Автор справедливо отмечает, что термины «сценарий», «представление» и «персона» прежде не рассматривались как структурные элементы «повседневной театральности», хотя каждый из них отражает определенные аспекты театрализации социальной коммуникации.

Однако актуальность была бы представлена убедительнее, если бы автор более четко обозначил, каким образом исследование данной проблематики соотносится с актуальными вызовами современного мира, в частности, с трансформацией коммуникативных практик в цифровую эпоху, где театральность повседневности приобретает новые формы и значения.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в попытке систематического осмысления «повседневной театральности» через анализ трех ключевых понятий из области поведенческих наук и их интеграции в философско-антропологический контекст. Автор предлагает рассматривать эти термины как взаимосвязанные элементы единого тезауруса, раскрывающего различные аспекты театральной природы человека.

Вместе с тем, новизна исследования несколько ограничена отсутствием собственной оригинальной концепции автора, которая бы не просто обобщала существующие подходы, но предлагала новую теоретическую модель повседневной театральности.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет логичную структуру, соответствующую поставленным задачам. Текст последовательно раскрывает содержание каждого из трех анализируемых терминов, опираясь на первоисточники и дополнительную литературу.

Стиль изложения академический, но местами излишне описательный, с тенденцией к повторам одних и тех же идей в разных разделах статьи. Некоторые абзацы содержат избыточную информацию, которая не вносит существенного вклада в развитие основной аргументации.

В содержательном плане наблюдается некоторая неравномерность в анализе терминов. Так, анализ концепции «персоны» К. Юнга представлен наиболее развернуто и глубоко, в то время как терминам «сценарий» и «представление» уделено меньше внимания. Это создает впечатление несбалансированности исследования.

Кроме того, в статье недостаточно проработана проблема взаимосвязи между тремя анализируемыми терминами. Хотя автор и указывает на их взаимодополняемость,

конкретные механизмы их взаимодействия в рамках повседневной театральности остаются не вполне ясными.

Библиография

Библиография статьи достаточно обширна и включает как классические работы по проблеме (труды Э. Берна, И. Гофмана, К. Юнга), так и философские труды различных эпох (от Руссо и Канта до Хайдеггера и Дебора). Автор также обращается к словарно-энциклопедическим источникам для прояснения общепринятых значений анализируемых терминов.

Однако в библиографии замечен недостаток современных исследований по проблеме театральности, особенно зарубежных работ последних десятилетий. Отсутствуют ссылки на исследования в области перформативных теорий и теорий социального конструкционизма, которые могли бы существенно обогатить теоретический контекст статьи.

Апелляция к оппонентам

В статье практически отсутствует критический анализ концепций, на которые опирается автор. Хотя автор упоминает о критическом отношении ряда философов к идее «личины» или маски, но не развивает эту линию в отношении самих анализируемых концепций Берна, Гофмана и Юнга. Это создает впечатление некритического принятия их теоретических позиций.

Отсутствие диалога с потенциальными оппонентами и критической рефлексии относительно собственных методологических предпосылок снижает убедительность аргументации и не позволяет полноценно раскрыть сложность и многогранность исследуемой проблемы.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи логически следуют из проведенного анализа и отражают основные результаты исследования. Автор справедливо заключает, что термины «сценарий», «представление» и «персона» могут составить основу тезауруса повседневной театральности, раскрывая ее экзистенциальные, функциональные и психологические аспекты.

Статья представляет интерес для специалистов в области философской антропологии, социальной философии, культурологии и психологии. Исследование может быть полезно для дальнейшей концептуализации феномена повседневной театральности и его включения в более широкий теоретический контекст.

Однако для более широкой читательской аудитории статье не хватает иллюстративных примеров из современной социальной практики, которые могли бы наглядно продемонстрировать проявления анализируемых феноменов в реальной жизни.

Итоговая оценка и рекомендации

Статья "В поисках тезауруса «повседневной театральности» как философско-антропологического феномена: «сценарий», «представление», «персона»" представляет собой попытку систематического осмысления важной философско-антропологической проблемы. Исследование опирается на солидную теоретическую базу и демонстрирует хорошее знание автором классической литературы по данной тематике.

Вместе с тем, работа имеет ряд существенных недостатков:

Ограниченность методологического обоснования выбора именно этих трех терминов для анализа

Недостаточная критическая рефлексия относительно используемых концепций

Несбалансированность в анализе трех ключевых терминов

Отсутствие четкого механизма их взаимосвязи в контексте повседневной театральности

Недостаток современных исследований в библиографии

Отсутствие конкретных примеров из современной социальной практики

Решение: рекомендовать к доработке.

Для доработки статьи рекомендуется:

Уточнить критерии отбора анализируемых терминов

Включить в рассмотрение современные исследования по проблеме театральности

Более четко артикулировать взаимосвязь между анализируемыми терминами

Усилить критическую рефлексия относительно используемых концепций

Добавить конкретные примеры проявления повседневной театральности в современной социальной практике

Сократить повторы и избыточные фрагменты текста

Уравновесить глубину анализа всех трех ключевых терминов

После внесения указанных изменений статья может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает довольно интересная тема концептуализации «повседневной театральности» – судя по контексту, авторского понятия – как философско-антропологического феномена. Изучение и критический философский анализ тезауруса данного явления (терминов «сценарий», «представление», «персона») сохраняет довольно высокую степень актуальности и практической значимости, учитывая достаточно пристальное внимание исследователей к игровым и театральным проявлениям природы человека в повседневной жизни. Единственный момент, на который сразу стоит обратить внимание, это не совсем корректное употребление автором статьи термина «поведенческие науки о человеке». Этот термин после «бихевиористской революции» имеет достаточно чёткую привязанность к бихевиоризму, поэтому упоминать в данном контексте фамилии Э. Бёрна, И. Гофмана, не говоря уже о К. Юнге, достаточно странно. То же можно сказать и относительно «социолога» Ги Эрнеста Дебора, который, безусловно, был талантливым писателем и влиятельным политиком-революционером, но назвать его социологом можно с ОЧЕНЬ большой натяжкой. Так же как и с понятием «поведенческих наук», не всегда автор корректно разводит понятия «научное» и «философское», нередко отождествляя их, например, когда говорит: «Научный потенциал термина "персона" определяется его содержательной и экзистенциальной полнотой». Наверное, в данном случае всё-таки имеет смысл вести речь о философском и/или эвристическом потенциале данного термина, а не о научном. Тем более в строгом смысле «поведенческих наук», представители которых даже о психике говорили с большой

неохотой, предпочитая вести речь о наблюдаемом поведении. Тем не менее, если не цепляться к словам, то можно признать, что автором выбрана весьма интересная и актуальная тема для анализа и вполне адекватный методологический инструментарий: критический концептуальный анализ, морфологический, категориальный и др. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт о выявленном, описанном и концептуализированном отношении между терминами «сценарий», «представление» и «персона» в контексте философско-антропологического феномена «повседневной театральности». Собственно, и сам термина «повседневная театральность» также представляется достаточно новаторским. Наконец, определённый интерес имеют выводы автора о соотношении проанализированных философских и научных концептов с различными сторонами человеческой жизни и общения – культуры, психики, повседневной коммуникации и т. д. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается её актуальность, а также ставятся цель и задачи исследования; - «Методология исследования», где презентуются основные методы, использованные в процессе работы, а также эмпирическая база, которая подверглась авторскому анализу; - далее следуют шесть содержательных разделов – по два на каждое из анализируемых понятий: сценарий («Повседневная театральность и "сценарий" (Э. Берн)» и «Анализ научного потенциала термина "сценарий"»), представление («Повседневная театральность и "представление" (И. Гофман)» и «Анализ научного потенциала термина "представление"») и персона («Повседневная театральность и "персона" (К. Юнг)» и «Анализ научного потенциала термина "персона"»); и завершают текст два заключительных раздела: «Выводы» и «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Конечно, логика автора в выделении специальных разделов «Анализ научного потенциала термина...» не совсем понятна (можно было ограничиться тремя содержательными разделами, по одному на каждое из анализируемых понятий), и ещё менее понятна логика разделения выводов и заключения, но рецензент оставляет право за автором выбора структуры текста. Тем более, что существенных возражений эта структура не вызывает. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический и философский. В тексте встречается незначительное количество стилистических и грамматических погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 22 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении теоретико-методологического выбора автора. Хотя для рецензента остались неясными причины, по которым автор статьи проигнорировал классическую работу Ирвинга Гофмана «Анализ фреймов», где понятие «сценария» является одним из ключевых. Можно порекомендовать автору учесть эту работу в будущих исследованиях. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно оригинальную тему, выбранную для исследования, а также значительный объём эмпирического материала, привлечённого для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки можно квалифицировать в качестве научно-философской работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для философов, антропологов, психологов, социологов, а также для студентов перечисленных специальностей.

Представленный материал соответствует тематике журнала «Философская мысль». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Одинцова Д.Д. Трансформация смыслообразующей части произведения музыкального искусства //

Философская мысль, 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.73926 EDN: MUHYRY URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73926

Трансформация смыслообразующей части произведения музыкального искусства

Одинцова Дарья Дмитриевна

ассистент; кафедра музыкальной подготовки и социокультурных проектов; ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
аспирант; кафедра философии и социальных наук; ЕГУ им. И.А. Бунина

399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 15

✉ darina2008.90@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.73926

EDN:

MUHYRY

Дата направления статьи в редакцию:

01-04-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье является музыка, которая по своей природе одновременно считается самым легко воспринимаемым и труднодостижимым видом искусства. В отличие от других видов искусств таких как живопись, скульптура, поэзия, музыка не имеет материального подтверждения. Звук, с помощью которого проявляется красота мелодии, представляет собой физическое явление, которое имеет свою протяженность во времени и пространстве. В статье производится анализ трансформации смыслового содержания музыкального искусства на протяжении всей истории культуры. К данной проблематике направляли свое внимание философы античного мира (Платон, Плотин), последователи христианства (Августин), современные философы (В. И. Мартынов, З. В. Фомина). Особое отношение к музыке как элементу религиозной культуры позволяет наблюдать глубокое духовное содержание в творчестве на протяжении всего развития искусства. Исследование музыкального содержания производилось посредством анализа научных и религиозных источников, в которых детально рассматривались вопросы касаемые религии и творчества. В качестве основы для статьи автор обращается к трактату «О музыке» Августина, работам по

изучению древнерусского певческого искусства и современной концепции российского музыковеда, философа и композитора В. И. Мартынова. Применяя метод сравнения музыкального мышления различных эпох, возможно сделать заключение о том, что музыка имела не только разное назначение в культурах, но и обладала отличными смысловыми формами. Музыкальное содержание трансформировалось совместно со значимыми историческими событиями такими как формирование древних цивилизаций, появление христианства, секуляризация западного общества, зарождение современных культурных ценностей. Обнаруженные взаимосвязи между историческими процессами и музыкальным мышлением помогут спроектировать будущие направления в области искусства. Поскольку религиозная составляющая присутствует в музыкальном содержании, то можно сделать вывод, что в творчестве сокрыта Божественная истина, которую возможно постичь, посредством мелодии, наполненной духом. При утрате духовного содержания, мелодия перестает быть посредником между Богом и человеком.

Ключевые слова:

музыкальные нотации, древние цивилизации, музицирование, музыкальный строй, Откровение Нового Завета, богослужебное пение, эстетика ритма, тон-функция, додекафония, новая простота

Введение

Музыкальное творчество является предметом дискуссий не только в сфере искусствоведения, но и в различных областях философии. Кризис классической музыкальной традиции обуславливает потребность в поиске новых форм музыкального мышления, что проявляется, в частности в исследованиях смыслообразующей части музыкального произведения. По мнению исследователей, музыка представляет собой особый художественный язык [\[1\]](#), при этом иногда специалисты выделяют несколько теорий происхождения музыкального искусства: «мифологической», «игровой» и «познавательной» [\[2\]](#). В отличие от изобразительного искусства или литературы, музыка имеет темпоральную природу, ее произведения открываются перед слушателем в определенный момент времени и исчезают, оставляя в душе лишь поток впечатлений и чувств. Звук, с помощью которого проявляется красота мелодии, представляет собой физическое явление, однако он характеризуется относительностью своего появления во времени и пространстве.

В разные исторические эпохи музыка имела не только разное назначение в культурах, но и обладала специфическими смысловыми формами. Музыкальное содержание трансформировалось совместно со значимыми историческими событиями, такими как формирование древних цивилизаций, появление христианства, секуляризация западного общества, зарождение современных культурных ценностей.

Теоретические основы предлагаемой статьи складывались в результате осмысления посвященных музыке трудов Августина, исследований в области церковной истории Н. Д. Успенского, музыковедческих работ В. И. Мартынова, концепций, посвященной природе музыкального творчества Дж. Кейджа. Упомянутые теории, сформулированные в разные периоды истории человечества, обнаруживают, тем не менее, некоторое единство. С помощью методов сравнительного анализа удастся установить взаимосвязь и цикличность появления определенных подходов к оценке музыкального творчества. Исследование этих подходов направлено на решение проблемы выявления взаимосвязи

музыки и духовно–религиозных традиций.

Выявление содержательной части в музыкальном искусстве порождает и потребность в исследовании языка музыки и ее символики. Особое отношение к музыке как элементу религиозной культуры позволяет увидеть глубокое духовное измерение музыкального творчества, характерное для всей известной нам истории развития искусства. Прежде чем обратиться к средствам музыкальной выразительности и нотной записи, необходимо уделить внимание тому, как мелодию воспринимали в древних цивилизациях, до появления музыкальной нотации так, как «история музыкальной культуры тесно связана с историей духовной религиозной музыки» [3].

Музыка как связующий элемент «высших субстанций» и человека

Современный исследователь В. И. Мартынов утверждает, что существует два типа воспроизведения музыки: *композиторская* и «*некомпозиторская*» [4, с. 3]. Некомпозиторская музыка представляет собой внушительный пласт духовной культуры, который связан с общественными процессами, жизнью народа, его духовно-нравственными ценностями. В истории музыкального искусства некомпозиторская музыка является предшественницей всего музыкального искусства. Важно подчеркнуть, что во многом на формирование двух типов музыки оказало влияние религиозное сознание и связанные с ним особенности мировосприятия общества. Так, для некомпозиторской музыки характерно преобладание мышления, при котором субъект осмысливает упорядоченность мироустройства. Для достижения порядка человеку необходимо стремиться к воссозданию первичной истинной модели путем систематизации естественного хода событий. Такой способ упорядочивания событий возможен посредством предсказуемых ритуальных действий. В музыкальном пространстве представленная мысль выражается в качестве определенного акта, близкого по своему смыслу к ритуалу. Основным принципом воспроизведения мелодии оказывается повторение точно зафиксированных музыкальных формул или моделей, а их совокупность образуют *канон*. «История высших достижений мировой культуры свидетельствует о том, что совершенства художественной формы любая культура достигает только в условиях жесткого самоограничения установленным канонам» [5]. В. И. Мартынов рассматривает канон в качестве способа построения музыкального произведения, с помощью которого реализуется ритуал [4, с. 5].

В ходе исполнения некомпозиторской музыки акт музицирования может быть представлен в виде своеобразного мелодического потока, который формируется посредством соединения конкретных формул, стремящихся к архетипической модели, первообразу. Такой подход к музыкальному искусству складывается на основании восприятия древним человеком как носителем политеистического сознания действительности. Анализ зафиксированных начертаний музыки Древней Месопотамии (4–3 тыс. лет до н.э.) позволяет сделать вывод, что люди записывали уже услышанную, звучащую музыку, как свершившийся акт. В процессе музицирования человек считал себя причастным высшему миропорядку. При этом происходило воссоединение в музыкальном потоке человека и неких «высших субстанций». По утверждению Д. И. Бахтизиной, «музыка, выступает как проявление первородной стихийности человеческой натуры, всего того, что человек даже не в состоянии осознать в себе; но при этом она не является неким неуправляемой и хаотичной бесформенностью. Напротив, в ней присутствует удивительная стройность и гармоничность. Для того чтобы существовать и успешно функционировать, музыкальное произведение должно обладать логичной формой, соотносенной с возможностями восприятия человека» [6].

Чуть позже, во времена античности, наивысший порядок истолковывается в связи с космическим началом. Древнегреческие философы (Пифагор, Платон, Аристотель) воспринимали космос в качестве математическо-музыкальной структуры. Пифагор как первооткрыватель музыкального строя предположил, что числовые характеристики небесных тел имеют такое же соотношение, как и музыкальные интервалы [\[7, с. 19\]](#).

Продолжил музыкально-числовую теорию Платон. В процессе развития этой концепции музыка стала разделяться на *практическую*, которую можно соотнести с искусством, и *теоретическую*, характерную для научного познания. Музыка отражала истинную гармонию жизни человека в Древней Греции, представляла собой ступень к теоретическому (созерцательному) постижению мира. Философско-теоретическое направление в музыке представляло для античного мира наибольшую ценность, поскольку посредством звука, как предполагали древние мыслители, происходило познание бытия. Правда в учении об идеальном государстве доминирующее значение занимает не теоретическое размышление о музыкальной гармонии, а чисто практический взгляд на роль музыки в обществе; в качестве элемента эмоционально-чувственной сферы человека Платон наделяет музыку функцией воспитания, рассматривает ее как инструмент подготовки граждан к защите общества.

В свою очередь Аристотель обнаруживает в музыке зачатки нравственности. Он уделял особое внимание воздействию музыки на характер и поведение человека. Следуя более древней традиции, Аристотель утверждает, что гармоничная мелодия способна взрастить в душе особое состояние добродетели. Погружаясь в музыку, человек приобщался, полагали античные философы, к гармонии Космоса.

Христианские идеи в музыке

Особое место в философской трансформации музыки занимает период раннего христианства. В. И. Мартынов замечает, что в период становления Нового Завета изменяется мировосприятие человека, создается совершенно новая религия, несвойственная менталитету человека времен античности [\[4\]](#). Изменения наступают и в сфере музыки. В раннехристианский период начинает формироваться богослужебное пение, которое имеет свои отличия от языческого ритуального музицирования. Если в дохристианской культуре человек воспринимал музыку как связь с космосом, при этом Космос понимался в качестве божественной эманации, но не являлся трансцендентным, то первые христиане в полной мере ощущают рациональную непостижимость Божественного начала. Христианин осознает, что Царство Божие находится в душе человека. Данная концепция не согласуется с античным пониманием космоса, что приводит к совершенно новому восприятию бытия. Космос утрачивает свою самодостаточность, его бытие теперь зависит от воли Бога. Воцерковленный человек старается восстановить утраченную в грехопадении святость, стремясь, в конечном счете, к «**обо**жению».

Если в античной традиции звук воспринимался как нечто самостоятельное, то в христианской культуре музыка предстает как способ обращения к Богу, а звук – как носитель молитвенного слова. Музыка наполняется определенными смысловыми интонациями, над которыми главенствует слово как молитвенная речь, в результате образуется артикуляционно-интонационная система. Такую систему В. И. Мартынов отделяет от звуковысотной музыкальной концепции и отводит отдельную нишу церковно-богослужебного пения [\[4, с. 30\]](#).

Важный вклад в понимание музыкального искусства в своем трактате «О музыке» вносит Августин. Имея хорошее античное образование, он на протяжении всей жизни находится в поиске Бога. Его работы несут черты того периода истории культуры, в продолжение которого осуществлялся переход от языческого многобожия к христианству. На примере эстетики ритма Аврелий пытается найти ответ на вопрос «Где же располагается Царство Небесное?» В помощь Церкви христианский философ берет музыку, а точнее, ритм. Музыка способствует тому, чтобы религиозное сознание обрело новое содержание, а его субъект получал возможность самоуглубления. Свойственное музыке обращение к чувственным составляющим мировосприятия человека точно передает и духовные переживания. В трактате «О музыке» можно проследить противоборство и одновременно синтез двух культур – античной и христианской. Это один из удачных образцов для изучения эволюции религиозного сознания.

Изначально Августин разделяет учение о «свободных науках», в которую включается и музыка. Главной целью семи свободных наук (грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, астрономии и музыки) было духовное восхождение человека. Данная концепция не противоречит античному мышлению и связана с идеями пифагорейцев и неоплатоников. Позже, в заключительной VI книге трактата «О музыке», уже будучи епископом, Августин отказывается от прежней теории и полностью воспринимает музыкальное искусство через призму новой религии – христианства.

Эволюция религиозного сознания Августина подтверждается изобилием цитат из библейских текстов. В частности полностью трансформируется античная идея об элитарности образования и возможности постижения божественной истины исключительно «грамматиками» и «поэтами» [8, с. 39]. Уже в качестве епископа Гиппона Августин приходит к мнению, что тот, кто получил наставление в христианской вере, но не образован по всем статусам античного образования, может быть ближе к познанию Откровения. В VI книге трактата «О музыке» Аврелий обращается к нетрадиционному для античного мира музыкальному мышлению. На первый план выходят христианские добродетели души – благоразумие, воздержанность, крепость, справедливость [8, с. 96]. Через призму христианства представленные добродетели преобразуются в вечной жизни в созерцание, освящение, неуязвимость и упорядоченность. Числовые соотношения музыкальных звуков в духе античности наполняются эйдосом. В звучании мелодии присутствует идея. Происходит начало зарождения прекрасного в форме идеи.

Влияние "молитвенного слова" на музыкальное творчество

В Новом Завете над музыкой главенствует Слово как проводник к Божественной истине, а молитва представляет собой диалог между человеком и Богом. Слово имеет своего адресата, таким образом, звук обогащается смыслом и преобразуется в *тонему*. Совокупность осмысленных звуков или *тонем*, приближают христианина к постижению Бытия или Божественного промысла. Так, дохристианские музыкальные формулы перерождаются в наполненные божественным смыслом символы. Одним из примеров «словесного» мелодизма В. И. Мартынов считает систему осьмогласия, в которой мелодия подчинена *тонеме*, а *тонема*, в свою очередь, подвластна Слову.

В качестве примера обратимся к Древнерусскому певческому искусству. Н. Д. Успенский детально изучил формирование музыкально-теоретической мысли церковного пения, которое устанавливается с приходом христианской веры [9]. Д. В. Разумовский предполагает, что возникновение певческого искусства относится к первой половине XI века [9, с. 20]. Еще один исследователь С. В. Смоленский утверждает, что возникновение

русского церковного пения приходится на конец X века [\[10\]](#). Так или иначе, христианство приходит на Русь из Византийской империи намного раньше официального крещения. Первоначально освоение иноземной культуры происходило, главным образом, при княжеских дворах и монастырях.

В процессе становления богослужебного пения, русские традиционные напевы начали взаимодействовать с византийскими элементами. *Знаменный распев* как памятник нематериального исторического наследия сохранился благодаря графическим записям [\[11\]](#). Интонация фиксировалась определенным знаком, который не указывал точную высоту и длительность. Большая часть знаков не подлежит расшифровке, в силу того что вышли из употребления. На основе текстовых записей византийского стиля пения и русского певческого искусства Н. Д. Успенский выдвигает гипотезу об их сходстве между собой [\[9\]](#). Суть знаменного распева заключается в том, что мастера русского певческого искусства совершали перевод религиозных византийских текстов. Задача доместика состояла в точной передаче смысла византийского оригинала, что подтверждает взаимозависимость напевов. На письме преобладала условность знаков, мастера пения могли свободно видоизменять напевы, в результате складывается самобытный стиль русского церковного пения.

Письменная фиксация звука как фактор трансформации музыкально-религиозного мышления

В течение долгого времени религия и музыка были взаимосвязаны между собой. В этот период музыкальное искусство не предполагало авторства в современном смысле. Функционировало единое музыкально-религиозное сознание, которое складывалось на протяжении многих поколений. Опыт музыкального восприятия передавался от человека к человеку, посредством совместного песнопения. Письменная фиксация мелодии вносит некоторые изменения в понимание музыки.

В. И. Мартынов видит в этом утрату принципа послушания. В большей степени музыкальное искусство развивалось при монастырях, где послушание является основой духовной жизни. Письменная фиксация звуков без участия наставника предполагает интерпретацию мелодии. В результате возникают новые мелодии, новые смысловые конструкции. Западная секуляризация общества стимулирует трансформацию мировосприятия социума, в котором постепенно меняется вектор поиска истины. Человек перестает искать истину в Боге и переключает свое внимание на собственную индивидуальность. «Для личности, нашедшей онтологическое основание в себе самой, уже не нужно узреть некий вечный лик, таинственно присутствующий в ней» [\[4, с. 62\]](#). Таким образом, возникают благоприятные условия для формирования авторского начала и композиторской техники.

Богослужебное пение состояло из четко организованных мелодических моделей, которые поддерживали идею мирового порядка. В IV–V веках сформированные модели приняли вид церковных гласов. В свою очередь, гласовая система составила фундамент григорианского пения. Изменения в монашеской жизни приводили к трансформации певческих практик. Н. И. Ефимова выделяет две певческие категории: устная певческая традиция и средневековая система восьми октавных звукорядов [\[12\]](#). Сам факт переноса устной традиции в письменный вариант предполагает определенные изменения. До письменного периода звук воспринимался как наполненный живой энергией, тогда как точная фиксация звука лишает мелодию акта нового перерождения. Исполнение мелодии по точно закрепленным знакам изменяет все музыкальное мышление. Возникает

впечатление, что музыку можно создать с помощью уже имеющегося набора элементов. В результате усиливается рационально-психологическая рефлексия музыканта, приходящего к убеждению, что его "Я" и является источником музыкального творчества.

Поэтапно формируется нотная запись музыки. Такое развитие создает личность композитора в искусстве. Если в древних цивилизациях и в период раннего христианства музыку воспринимали как божественный поток, то рациональное мышление превращает мелодию в четко построенную форму, «вещь». Появление музыкальных записей изображались *невмами*.

Первым этапом к изменению музыкального мышления можно отнести появление многоголосья. Воспроизведение мелодии в форме монодии представляет собой действие религиозного сознания. «Только в условиях монодического пространства, только в условиях единого синергийного потока модусная модель может наиболее чисто и полно удостоверять себя в конкретном варианте мелодии, а каждый новый мелодический вариант — удостоверять себя в модусной модели, в результате чего монодия может быть рассматриваема как сама себя удостоверяющая достоверность спасения» [\[4, с. 72\]](#). Появление «*контрапункта*» создает переходное состояние от чистого религиозного мышления к человеку рациональному. Следующим этапом является формирование «*свободного органума*», в котором основная мелодия имеет отличия от канонического напева. Таким образом, на первый план выходит идея индивидуального развития, самости. Революционным событием оказывается появление «*мелизматического типа композиции*», при котором происходит полное отступление от строго выстраиваемого двухголосья. Окончательным действием изменения музыкального мышления является техника письма на выдержанном звуке и обмен попевок между разными голосами [\[13\]](#).

Усовершенствование идеи записи музыки определенными знаками переросло в изобретение линейной нотации Гвидо Аретинским. Важным моментом становится синтез «*невменной*» и буквенной нотации, который приводит к единению иррационального начала в невме и рационального мышления. Сформированная музыкальная система устанавливает визуальный образ, который возможно проанализировать. Теперь композитор способен с помощью аналитических приемов создавать музыкальные произведения, опираясь не только на чувственное восприятие. И начинается процесс противоположный тому, который существовал прежде. Появляется возможность сочинять музыку первоначально на бумаге, а затем только воспроизводить написанное.

Смена восприятия музыкального искусства включает в себя и иное понимание записанных знаков. Если невма в своем содержании фиксировала интонацию, наделенную смыслом, то новая нотная система передавала только конкретную высоту звука. Появляется новая звуковая реальность [\[4, с. 81\]](#). В древних цивилизациях звук мыслился как проводник к космическому порядку, в новой музыкальной реальности звук имеет свою функциональность. В разных смысловых условиях один и тот же звук обладает несхожими функциями. «Современная западноевропейская линейная система нотации не равна языку музыки» [\[14, с. 203\]](#). В. И. Мартынов вводит для такого звука понятие «*тон-функция*». Такая форма восприятия музыки свойственна западноевропейскому мышлению. Именно в Европе зарождается авторская музыка и намечается расцвет композиторского творчества.

Духовные истоки музыки и роль индивидуальности композитора

Музыкальное произведение, как и любое произведение искусства нуждается в интерпретации. При этом появление в поле интерпретации композитора как

индивидуальности, создателя музыкального произведения, вносит изменения в процесс интерпретации. Поскольку в музыкальном творчестве на первый план выступает индивидуальный замысел, то интерпретатор стремится реконструировать его. Складывается новая форма взаимоотношений между автором, исполнителем и слушателем. Если в традиционных древних культурах музыкант был проводником космической энергии, в богослужебном пении исполнитель мыслился как посредник между субъектом и Божественной благодатью, то новая форма музыкального мышления позволяет музыканту воспроизводить индивидуальную идею автора. В результате происходит дифференциация музыкального творчества на «светское» и «религиозное» направление [\[15, с. 110, 16\]](#).

В. И. Мартынов видит в такой концепции существенный недостаток. Для того чтобы мысль была уникальной, необходимо постоянно находится в поиске новых музыкальных формул. Такое положение вещей приводит к неизбежной исчерпаемости музыкального пространства. Каждый новаторский шаг композитора грозит утратой канонических моделей, связывающих человека с Божественным откровением. «Созданное на основе такого жеста музыкальное произведение хотя и обладает видимым физическим существованием, но уже не несет в себе никакого метафизического обоснования и не имеет метафизической достоверности, что свидетельствует о том, что личность, создавшая это произведение, утратила свой бытийный корень и уже не имеет реального соприкосновения с Бытием» [\[4\]](#).

Но было бы неправильно рассматривать личность композитора лишь в качестве негативного фактора для всего пространства искусства. Большинство авторов, волей-неволей, придерживаются духовно-религиозной тематики в своих произведениях, и было бы абсурдным не принимать ее значимости в творчестве великих русских и европейских композиторов. Так, О. Е. Шелудякова отмечает, что в эпоху романтизма в авторской музыке ярко выражены черты исповедальности [\[17\]](#), а С. И. Хватова определяет целый пласт музыкального творчества, в котором тесно переплетаются черты народной и религиозной культуры [\[18\]](#). О. В. Леонтьева в своих работах рассматривает эпоху "русского ренессанса", в которой проявляется пристальный интерес русских композиторов к религиозно-философским темам [\[19\]](#). В. И. Мартынов указывает, что всякий автор в процессе музыкального творчества независимо от его индивидуальной осознанной позиции исполняет определенной религиозное предназначение. Возникает двойственный процесс, при котором с одной стороны происходит обретение свободы, индивидуальности, а с другой стороны потеря Новозаветных истин. Складывается свободная трактовка Божественного откровения, которая затрудняет возможность увидеть связь музыки с ее духовно-религиозными основаниями. Так, угасание духовной деятельности композитора свидетельствует о завершении его религиозной миссии, вследствие чего, музыка лишается своей божественной сути.

Формирование "нового музыкального мышления"

Кризис авторской музыки намечается уже в XX веке. Деформация тональной структуры выражается в технике авангардного искусства. Предел развития тональности приводит к а-тональному мышлению. Арнольд Шенберг создает новую додекафоническую музыкальную систему, в которой происходит аннулирование тональных отношений между звуками. В данном случае мелодия может воспроизводиться в разных направлениях: от начала к концу и от конца к началу. Нивелируется понятие тематизма, по этой причине всякая индивидуальность теряет свое значение.

Современные искусствоведы и философы представляют движение всей музыкальной мысли таким образом: мышление древних цивилизаций есть движение по кругу, постепенно освобождаясь от своей замкнутости, время трансформируется в спиралевидное движение, которое преобразуется в линейное направление, имеющее вектор, что характерно для композиторского искусства, а далее пространство "проваливается" в единую точку, в которой содержится одновременно «все» и «ничто». Композиторы Штокхаузен и Кейдж предпринимают попытки разрушить идею авторства в музыкальном творчестве. Это становится возможным благодаря распаду вертикальной координации нотной партитуры. Кейдж создает новый принцип исполнения, при котором не важен итог музицирования, а имеет значение только само музыкальное развитие.

Творчество Дж. Кейджа в данной работе представляет интерес потому, что основывается на онтологическом различии объективного мира природы и субъективной социальной реальностью. Новаторское мировосприятие композитора заключается в следующем: он полагает, что необходимо стать скромным свидетелем естественных процессов. Профессор Корнельского университета Б. Пиекут высказывает мнение, что скромность сходна с самоотречением: последнее воспроизводит структуру западного управления, где «невидимость» является ключом к универсальной власти [20]. В современной западной культуре понятию «скромность» приписывается несколько значений: ограниченность действий, смиренность и маскировка для целенаправленного избежания внимания [20]. Французский антрополог Бруно Латур полагает, что ученый или автор всего лишь создает ситуации, при которых действует природа [21]. В данном контексте под термином «природа» понимается универсальный естественный порядок, посредством которого создаются индивидуальные явления [22]. Дж. Кейдж разделяет позицию западных мыслителей, позволяющей природе «говорить» самостоятельно. Его музыкальное творчество предполагает эксперимент, который совершает «субъективный свидетель» по отношению к объективному миру. Экспериментальное действие, в отличие от осознанно-спланированного действия определяется не стремлением избежать ошибок, поскольку оно не имеет заранее созданных мысленных образов, а стремлением открыть новые перспективы творчества. Дж. Кейдж утверждает, что на каждом новом витке истории имеет место возвращение к тому типу восприятия музыки, который был характерен для древних цивилизаций. Б. Пиекут считает, что эксперимент в музыке, как и в науке, более успешен, если роль экспериментатора минимальна. Музыкант-экспериментатор задает лишь направление музыкального движения, а затем позволяет естественным процессам проявлять себя в полной мере, при этом композитор играет роль «провокатора», а затем превращается в свидетеля происходящего действия.

В противовес антигуманным и антирелигиозным представлениям второй половины XX века возникает новая экспериментальная музыкальная форма. В качестве антитезы индивидуальному началу Дж. Кейдж предлагает совершенно иную музыкальную концепцию, которая основана на смирении, послушании и молчании. Композитор искусно использует дискурс молчания, чтобы подорвать возвышенность абстрактного «эго». Тем самым он задает импульс к формированию нового музыкально-религиозного мышления, в котором индивидуальное существование является лишь частью глобальной истории. Б. Пиекут утверждает даже, что Кейдж и его последователи ведут поиски некой альтернативной философии. Так все больше внимание западного музыканта захватывают восточно-азиатские теории, в частности дзен-буддизм.

Дж. Бегби, теолог и музыковед, изучая творчество Дж. Кейджа, приходит к заключению, что композитор отказывается от представлений о музыке как сложной конструкции.

Человечество не является частью природы, так как наделено «эго», поэтому Кейдж пытается нивелировать роль композитора в музыкальном процессе [23]. Музыкальное мышление, основывающееся на религиозных принципах, проводит четкое различие между природой и человечеством. В результате формируются противоположные связи: субъект/объект, случайность/необходимость. Кейдж сознательно управляет случайными звуковыми процессами. В его творчестве «конкретное означающее может иметь бесконечное количество значений означаемого», что приводит к подрыву основополагающих принципов композиторской деятельности [4, с. 129]. Музыка из «продукта» вновь преобразуется в «поток». Как и в период древних культур мелодия может и не иметь логического завершения, оставаясь неким "открытым произведением". Таким образом, музыкальное искусство избавляется от субъективизма и возвращается к своим историческим истокам.

На рубеже XX–XXI веков в музыке вновь на первый план выходит такой стиль, как минимализм. После "агонии авангарда" музыка очищается «новой простотой». Появляется *репетитивная техника*, суть которой заключается в повторении мелодических формул с минимальными отклонениями. Как правило, повторение всегда есть "припоминание" чего-то уже свершившегося, поэтому повтор предполагает обращение к воспоминанию. При этом случае происходит вхождение слушателя в контекст музыкального произведения. В результате складывается абсолютно новое музыкальное мышление, которому еще предстоит длительный путь оформления и утверждения в качестве феномена культуры.

Заключение

На протяжении всей истории культуры музыка существовала в различных формах, при этом содержание оказывалось неотделимым от религиозной, и шире – духовной составляющей жизни культуры; эта связь могла быть непосредственной или опосредованной, но она всегда сохранялась. Поэтому между трансформацией музыкальной мысли и историческими процессами часто обнаруживался параллелизм. Наиболее явственно он проявлялся в переходные эпохи (зарождение христианства, секуляризация Нового Времени, преобразования в современном мире). Исследования истории культуры обнаруживают имплицитные связи, подтверждающие цикличность процессов исторического бытия различных видов искусства, в том числе музыки.

Обнаруженные взаимосвязи между историческими процессами и музыкальным мышлением способны помочь предугадать пути развития музыки. И. Н. Нехаяева высказывает даже предположение, что необходим поиск новых онтологических оснований, которые обеспечат постижение действительности с помощью музыки, как составную часть целостного познания мира [24]. Поскольку религиозная составляющая присутствует в музыкальном содержании, то можно сделать вывод, что в творчестве сокрыта Божественная истина; она может быть постигнута и с помощью мелодии, передающее движение духа; напротив, утрата духовного содержания ведет к тому, что мелодия теряет свою роль посредника между человеком и Богом.

В современном музыкальном мире возникла и укрепляется идея, в соответствии с которой на смену индивидуальной композиторской музыки возвращается первоначальная до-индивидуальная музыкальная культура. Она требует от музыканта самоотречения, обусловленного осознанием необходимости сохранения единства с природой. Актуальность христианского смирения вновь вхожа в музыкально-религиозное сознание человека. А кто будет основателем и автором новых мелодий: индивидуальная

личность, единый этнос, определенная субстанция или может быть искусственный интеллект, покажет время.

Библиография

1. Розин В.М. Сущность и тайна музыки / Философия музыки. AURORA Group s.r.o. (www.aurora-group.eu) & NB-MEDIA Ltd. (www.nbpublish.com). С. 194-218.
2. Кульбижеков В.Н. Музыка в аспекте генезиса искусства // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 70-84.
3. Воеводина Л.П. Культурологический анализ взаимодействия музыки и религии // Серія: філософія, культурологія, соціологія. Вісник Маріупольського державного університету. 2011. ВІП.2. С. 49-56.
4. Мартынов В.И. Конец времени композиторов / Послесловие Т. Чередниченко. М.: Русский путь, 2002.
5. Орлов М.О. Светские и религиозные аспекты современной культуры: социально-философский и теологический анализ // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 34-39. DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-1-34-39. EDN: IHQQFO.
6. Бахтизина Д.И. Музыка как феномен духовности // Система ценностей современного общества. Религиоведение, философская антропология, философия культуры. Общество с ограниченной ответственностью "Центр развития научного сотрудничества", Новосибирск, 2008. № 4. С. 40-43.
7. Фомина З.В. Философия музыки: Учебное пособие для студентов и аспирантов музыкальных вузов. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2011. 208 с. EDN: TPJBMX.
8. Тациан А.А. Эстетика ритма Аврелия Августина: от античной науки к новому искусству: монография. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2012. 258 с. EDN: QXEEIT.
9. Успенский Н.Д. Древнерусское певческое искусство / Н.Д. Успенский; под ред. Ю. Келдыша. Москва: "Музыка", 1965. 216 с.
10. Смоленский С.В. О древнерусских певческих нотациях // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1901.
11. Седова Э.И. Русская хоровая музыка: от средневековой монодии до многоголосия нового времени // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 2. С. 86-96. EDN: KUSPLF.
12. Ефимова Н.И. Раннехристианское пение в Западной Европе VIII–X столетий: К проблеме эволюции модальной системы средневековья. М.: МГК, 1998.
13. Грачев В.Н. Религиозная музыка А. Пярта и В. Мартынова: традиция, стиль: автореф. дис. кандидата наук: 17.00.02 – Музыкальное искусство. Саратов, 2013. 50 с. EDN: ZPBUQR.
14. Ковель А.Н. Когнитивная герменевтика музыкальных образов как невербальных текстов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 1. С. 197-208. DOI: 10.17323/2658-5413-2024-7-1-197-208. EDN: GCULAC.
15. Богомолов А.Г. Типология религиозной музыки // Религиоведческие исследования. 2014. № 9-10.
16. Леонтьева О.В. Феномен религиозного и светского начал в музыкальной культуре // Гуманитарные науки. Вестник СГТУ. 2006. № 4(17). Выпуск 2. С. 184-193.
17. Шелудякова О.Е. Исповедь и проповедь как феномены искусства (на примере музыкальной культуры позднего романтизма) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 1. С. 161-178. EDN: ONZVVP.
18. Хватова С.И. Народное в церковном (об одной разновидности клиросного духовного концерта в русской православной церкви) // Вестник Адыгейского государственного

университета. 2006. № 4. EDN: KAOUSH.

19. Леонтьева О.В. Взаимодействие философско-религиозных и светских идей в творчестве композиторов русского духовно-культурного ренессанса // Сер. Философия. Психология. Педагогика. Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Выпуск 2. С. 27-31.

20. Piekut B. Sound's Modest Witness: Notes on Cage and Modernism // Contemporary Music Review. 2012. Vol. 31, No. 1. P. 3-18.

21. Latour, B. We have never been modern / C. Porter, Trans. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

22. Nakai You. How to Imitate Nature in Her Manner of Operation: Between What John Cage Did and What He Said He Did // Perspectives of New Music. 2014. Vol. 52, No. 3. P. 141-160.

23. Begbie, J. Theology, music and time. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

24. Нехаева И.Н. Философия музыки: особенности и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 52-58. EDN: JUYSRL.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования данной статьи является эволюция смыслообразующих элементов музыкального искусства в историческом контексте. Автор прослеживает изменение понимания музыки от древних цивилизаций до современности, анализируя трансформацию религиозных, философских и культурных оснований музыкального творчества. Особое внимание уделяется переходу от "некомпозиторской" к "композиторской" музыке и дальнейшим изменениям в музыкальном мышлении в XX-XXI веках.

Методология исследования

Автор применяет историко-философский и культурологический подходы, рассматривая музыкальное искусство в широком контексте развития религиозного сознания и мировоззренческих парадигм. Методология включает анализ различных исторических периодов (античность, раннее христианство, Новое время, современность) и сравнительный анализ трансформации музыкального мышления.

Однако методология исследования недостаточно четко артикулирована в тексте. Автор не формулирует явным образом принципы или критерии анализа, что приводит к некоторой размытости и непоследовательности в изложении. Отсутствует четкое обоснование выбора рассматриваемых периодов и концепций.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена современными дискуссиями о кризисе классической музыкальной традиции и поиске новых форм музыкального мышления. Вопросы взаимосвязи музыки и духовных традиций, трансформации музыкального языка и появления новых форм музыкального выражения действительно значимы для современного музыковедения и философии искусства.

Однако автор недостаточно убедительно обосновывает актуальность своего

исследования. В статье отсутствует четкая связь с современными философскими и музыковедческими дискуссиями, нет определения актуальных проблем, на решение которых направлено исследование.

Научная новизна

Научная новизна работы заявлена недостаточно четко. Автор преимущественно опирается на концепцию В.И. Мартынова о "конце времени композиторов", не предлагая существенно новых подходов или интерпретаций. В тексте отсутствует явное обозначение оригинального вклада автора в исследуемую проблематику.

Фактически статья представляет собой компиляцию уже известных идей о трансформации музыкального мышления с опорой на работы других исследователей (В.И. Мартынов, Н.Д. Успенский, Н.И. Ефимова и др.). Отсутствуют собственные теоретические построения или новые интерпретации исторического материала.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет логичную структуру, последовательно рассматривая различные исторические периоды в развитии музыкального искусства. Стиль изложения в целом академический, но не всегда достаточно ясный и точный.

Основные недостатки содержания:

Отсутствие концептуальной оригинальности. Статья в значительной степени воспроизводит идеи В.И. Мартынова без существенной критической оценки или развития этих идей.

Недостаточная проработка ключевых понятий. Такие важные термины как "смыслообразующая часть", "композиторская музыка", "некомпозиторская музыка" используются без четкого определения и концептуализации.

Поверхностность анализа. Многие важные положения остаются на уровне общих утверждений без углубленного анализа. Например, утверждение о том, что "кризис авторской музыки намечается уже в XX веке" требует более серьезного обоснования и детализации.

Несоответствие между заголовком и содержанием. Заявленная тема "трансформации смыслообразующей части произведения музыкального искусства" раскрыта недостаточно. Автор больше сосредоточен на внешних аспектах исторической трансформации музыки, чем на анализе собственно "смыслообразующей части".

Отсутствие четких выводов. Заключительная часть статьи не содержит четких выводов, обобщающих проведенное исследование.

Библиография

Библиография статьи достаточно обширная (20 источников) и включает работы по философии музыки, истории музыкального искусства и религиозным аспектам музыкальной культуры. Однако она имеет ряд существенных недостатков:

Ограниченность современными российскими источниками. Отсутствуют зарубежные исследования по данной проблематике, что сужает теоретическую базу исследования.

Недостаточное использование первоисточников. Автор редко обращается непосредственно к трудам упоминаемых философов (Платон, Аристотель, Августин), предпочитая цитировать современных исследователей.

Неравномерность использования источников. Некоторые работы (особенно В.И. Мартынова) используются чрезмерно, в то время как другие упоминаются лишь формально.

Апелляция к оппонентам

В статье практически отсутствует критический анализ рассматриваемых концепций и дискуссия с оппонентами. Автор принимает позицию В.И. Мартынова о "конце времени композиторов" без серьезного рассмотрения альтернативных точек зрения. Отсутствует анализ критических аргументов против данной концепции, что снижает объективность и глубину исследования.

Особенно заметно отсутствие полемики по таким спорным вопросам, как оценка современной композиторской музыки, интерпретация авангардных течений XX века, роль технологий в современном музыкальном творчестве.

Выводы, интерес читательской аудитории

Статья представляет интерес для исследователей в области философии музыки, истории музыкального искусства и религиоведения. Она может быть полезна студентам и аспирантам соответствующих специальностей как обзорный материал по истории трансформации музыкального мышления.

Однако отсутствие четких выводов, концептуальной новизны и недостаточная аналитическая глубина существенно снижают научную ценность работы. Автор не предлагает собственного видения будущего развития музыкального искусства, ограничиваясь лишь констатацией возможных направлений.

Итоговое заключение

Статья "Трансформация смыслообразующей части произведения музыкального искусства" представляет собой обзорное исследование исторической эволюции музыкального мышления с опорой преимущественно на концепцию В.И. Мартынова. Несмотря на логичную структуру и обширную библиографию, работа имеет ряд недостатков:

Отсутствие четко сформулированной методологии исследования

Недостаточно выраженная научная новизна

Поверхностность анализа ключевых проблем

Отсутствие критического осмысления используемых концепций

Несоответствие между заголовком и содержанием

Отсутствие четких выводов

Рекомендация: направить на доработку.

Для повышения научной ценности статьи автору следует:

Четко сформулировать методологию исследования

Определить собственную позицию относительно концепции В.И. Мартынова

Углубить анализ "смыслообразующей части" музыкального произведения
Рассмотреть альтернативные точки зрения на проблему кризиса современного музыкального искусства
Включить в библиографию международные исследования по данной проблематике
Сформулировать четкие выводы, обобщающие результаты исследования

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена очень интересной теме. Автор пытается реконструировать место музыкального искусства в различных культурах, обращая внимание на «параллелизм» в эволюции культурных практик и «смысла» (функции и предназначения) в них «музыкальных форм». Последнее выражение представляется уместным, поскольку далеко не всегда, как показывает автор, музыка существовала в виде «индивидуальных» произведений, созданных композиторами в качестве выражения своего умонастроения, личного или исторического опыта, художественно-эстетических предпочтений и т.п. Собственно, «индивидуальная», «композиторская» музыка – явление относительно недавнее, до этого же в продолжение веков и тысячелетий существовали музыкальные традиции, соотносившиеся не с содержанием, или душевной жизнью, индивидуальности, её замыслами, устремлениями и т.п., а с до-индивидуальными формами сознания. Отмеченное обстоятельство объясняет, почему автор рассматривает столь широкий культурно-исторический контекст бытования музыки. В другом случае, если бы автор не стремился понять закономерности эволюции представлений о месте музыки в жизни человека как пути, который ведёт к привычной нам «композиторской» музыке, столь широкий охват явлений искусства или исторических фактов мог бы показаться избыточным. Однако в контексте рецензируемой статьи он представляется неизбежным, поскольку речь в ней идёт о связи форм музыкального творчества с известной нам историей человеческой культуры как целым. Итак, если «до-индивидуальная», «не-композиторская» музыка соотносится не с жизнью и мировоззрением личности, то с чем, какое содержание она выражает? Автор статьи рассматривает в качестве «субстанции» музыкального творчества различных исторических эпох смену типов религиозного сознания. При этом музыка как «универсальный язык» оказывается самым естественным способом трансляции тех «смыслов культур», которые в сознании народов исторически отражались, прежде всего, в религиозных верованиях и культах. На протяжении всего изложения автор стремится увидеть и реконструировать связи между «смыслами» существовавших некогда культур и их представлением в образах музыкального творчества. Тот факт, что несмотря на охват широкого историко-культурного материала автору удастся резюмировать содержание статьи в ясном по смыслу заключении, свидетельствует о его способности обобщать этот материал, видеть мировоззренческое содержание в разнообразных феноменах музыкального творчества. В целом работа представляется очень интересной по замыслу и воплощению. Замечания, которые могут быть высказаны, скорее, следует рассматривать как пожелания, которые должны быть учтены в последующих публикациях. Так, в новых исследованиях было бы естественно уделить большее внимание отражению рассматриваемого музыковедческого материала в истории культурологической мысли. Однако и в своём сегодняшнем виде статья как по содержанию, так и по степени охвата и основательности анализа источников соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Англоязычные метаданные

Between image and depiction: The Second Commandment in the Context of Catacomb Painting

Tiurina Svetlana Nikolaevna

Postgraduate student; Aesthetics Sector, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12, building 1, 501

✉ svetlanatyur@bk.ru

Abstract. Catacomb painting, formed in the context of the biblical prohibition on images (the Second Commandment), is a unique phenomenon of early Christian culture. The article analyzes methodological approaches to its study: iconographic analysis, concepts of identity, artistic style, dialogue and the role of the viewer. Special attention is paid to the juxtaposition of an "image" (a material object) and an "image" (a symbol indicating the transcendent), which reveals the apophatic principle of overcoming prohibition. The author criticizes the limitations of existing methods, offering an interdisciplinary analysis combining the context of the funeral space, rethinking ancient motifs and affective perception. Catacomb art is interpreted as an independent system, where prohibition is transformed into the aesthetics of absence, and symbols serve as tools for expressing the sacred. The study highlights the importance of combining art criticism, theological and philosophical approaches to study the visual language of catacomb painting in the context of religious and cultural features of Late Antiquity. The methodology combines iconographic analysis with concepts of identity, viewer, dialogue, style, and affect. Comparative and contextual approaches are used to evaluate methodologies and analyze the perception of the Second Commandment in early Christianity. Their ability to explain the uniqueness of catacomb painting beyond the limits of traditional art studies is evaluated. The relevance of the research is due to the increase in the number of works on catacomb art, including art criticism ("Catacomb" period in the art of early Christians" Kuznetsova-Bondarenko E.S., Tyulyukov D.I., 2020; "Funeral portrait in the art of early Christian catacombs" Obraztsova K., 2021) and cultural studies ("Evidence of painting Roman catacombs on the worldview of Christians of the pre-Constantine era" Chernova A.V., Sharkov I.G.; "Images of early Christian art in the context of the study of Christianity of the I–IV centuries" Lyakh E.E., 2017). However, there are no studies that systematize methodological approaches. The work fills this gap by offering a new perspective based on affective perception and the concept of the image as a means of spiritual communication. This approach allows us to take a fresh look at catacomb painting and the problem of overcoming the Second Commandment, going beyond the traditional art historical analysis.

Keywords: Affective perception, Depiction, Image, Visual narrative, Philosophy of the image, Aniconism, Late Antiquity, Early Christian art, Second Commandment, Catacomb painting

References (transliterated)

1. Dvorzhak M. *Istoriya iskusstva kak istoriya dukha*. SPb.: Akademicheskii proekt, 2001. 336 s.
2. Zakharov A.V. *Katakomby* // *Pravoslavnaya entsiklopediya: v 32 t. T. 31: Verouchenie: Vladimiro-Volynskaya eparkhiya / Pod red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. M.*, 2004. S. 650-673.

3. Maiorov G.G. Formirovanie srednevekovoi filosofii. M.: Mysl', 1979. 320 s.
4. Medennikova A.E. Ivan Vladimirovich Tsvetaev i Dzhovanni Battista de Rossi: ob odnom nauchnom kontakte // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. 2024. T. 14. S. 204-213.
5. Meiendorf I., prot. Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie / per. s angl. L. Volokhonskoi. N'yu-Iork: Izd-vo Svyato-Vladimirskoi seminarii, 1979. 254 s.
6. Mondzen Zh-M. Obraz, ikona, ekonomiya. Vizantiiskie istoki sovremennogo voobrazhaemogo. M.: V-A-C Press, 2022. 328 s.
7. Panofski E. Idea: K istorii ponyatiya v teoriyakh iskusstva ot antichnosti do klassitsizma. SPb.: Andrei Naslednikov, 2002. 237 s.
8. Friken A. fon. Rimskie katakomby i pamyatniki pervonachal'nogo khristianskogo iskusstva. M.: Izdanie K.T. Soldatenkova, 1885. 1031 s.
9. Chernova A.V., Sharkov I.G. Svidetel'stvo zhivopisi rimskikh katakomb o mirovospriyatii khristian dokonstantinovoi epokhi // Nauka XXI veka: voprosy, gipotezy, otvety. 2020. № 1 (29). S. 7-11.
10. Bassett S.G. Review: Elsner J. Art and the Roman Viewer: The Transformation of Art from the Pagan World to Christianity // Journal of the American Academy of Religion. 1999. No. 67 (4). P. 877-880.
11. Finney P.C. The Invisible God: The Earliest Christians on Art. Oxford: Oxford University Press, 1997. 352 p.
12. Grabar A. Christian Iconography; A Study of Its Origins. Princeton N.J.: Princeton University Press, 1980. 202 p.
13. Osborne J. The Roman Catacombs in the Middle Ages // Papers of the British School at Rome. 1985. Vol. 53. P. 278-328.
14. Leatherbury S.V. The Iconography of Early Christian Roman Art // The Oxford Handbook of Roman Imagery and Iconography / Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 465-484.
15. Elsner J. Imperial Rome and Christian triumph: The art of the Roman Empire AD 100-450. Oxford: Oxford University Press, 1998. 320 p.
16. Elsner J. Archaeologies and Agendas: Reflections on Late Ancient Jewish Art and Early Christian Art // The Journal of Roman Studies. 2003. Vol. 93. P. 114-128.
17. Jensen R. M. The Routledge handbook of early Christian art / R. M. Jensen, M. D. Ellison (eds.). London: Routledge, 2018. P. 1-19.

Preservation of political subjectivity in the context of digitalization

Miftakhutdinov Rinat Talgatovich

Lecturer; Law Department; Novosibirsk State University of Economics and Management 'NINH'
Postgraduate student; Novosibirsk State University of Economics and Management 'NINH'

630099, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Central district, Kamenskaya str., 52

✉ rtm.nsk@inbox.ru

Abstract. The subject of the research is the changing role of the individual as a subject of political relations in the digital age. The object of the research is the transformation of the political system under the influence of digitalization, leading to a breakdown of the established system of political relations that has developed over the previous decades.

Political history of the last few decades shows that virtually all global changes around the world have occurred due to the use of digital technologies. The author examines in detail such aspect of the topic as the transition of the political process from real life to the "virtual world," the world of the Internet, where under the influence of digital algorithms, manipulations of information occur distortion of the political. Particular attention is given to the issue of changes in political technologies affecting individuals' ability to make informed political decisions. This creates a danger of turning democratic institutions into a façade, a shield that ensures the legitimization of pre-made decisions. The research process employed comparative and logical-structural analyses, a systemic approach, subjective-objective, and dialectical methods. The article discusses the impact of digitalization on the political system of contemporary society. The aim of the work is to confirm the hypothesis about the negative influence of digitalization on the role of the individual as a subject of political relations. The scientific novelty lies in revealing the correlation between changes in society caused by digitalization and the transformation of the political structure of modern society. The main conclusions reached by the author are as follows: under the influence of digitalization, the traditional political spectrum is becoming blurred, complicating citizens' ability to participate in the political process; the process of information manipulation established by digital algorithms deprives individuals of the ability to make informed choices about their actions and decisions; the erosion of boundaries between the private and public lives of individuals in the modern world under the influence of digitalization also does not contribute to the preservation of full political subjectivity for individuals. In the digital age, individuals deal with technologies that can cause irreparable harm to human relationships. Ignoring the ethical aspects of using digital technologies poses the danger of establishing some form of tyranny, or in the worst-case scenario, totalitarianism.

Keywords: political regime, democracy, political subject, state, political system, politics, digitalization, society, political leadership, social structure

References (transliterated)

1. Kon'kov A.E. Tsifrovizatsiya politiki vs politika tsifrovizatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 13. Vyp. 1. S. 47-68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104> EDN: DOKOFB
2. Dirk Helbing, Sachit Mahajan, Regula Hänggli Fricker, Andrea Musso, Carina I. Hausladen, Cesare Carissimo, Dino Carpentras, Elisabeth Stockinger, Javier Argota Sanchez-Vaquerizo, Joshua C. Yang, Mark C. Ballandies, Marcin Korecki, Rohit K. Dubey, Evangelos Pournaras. Democracy by Design: Perspectives for Digitally Assisted, Participatory Upgrades of Society // Journal of Computational Science. 2023. Vol. 71. P. 102061. <https://doi.org/10.1016/j.jocs.2023.102061>
3. Furs V. A. Vliyanie interneta i sotsial'nykh setei na ustoichivost' liberal'nykh demokratii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie. 2022. T. 39. S. 37-45. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.37> EDN: SHCOLV
4. Schleffer G., Miller B. The Political Effects of Social Media Platforms on Different Regim Types // Texas National Security Review. 2021. Vol. 4. Iss. 3. P. 77-103.
5. Vakhovskii A. M. Politiko-pravovye voprosy regulirovaniya interneta: mirovoi opyt i rossiiskaya praktika // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2016. № 2. S. 3-11. EDN: WEIJXN
6. Avdeeva I. A. Tsifrovizatsiya kak predmet eticheskoi problematizatsii // Filosofiya i obshchestvo. 2023. № 1(106). S. 101-114. DOI 10.30884/jfio/2023.01.07. EDN TYVGYD

7. Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. No. 2. P. 213.
<https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>
8. Floridi L. The Onlife Manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era. 2015: Springer Open. 255 s.
9. Kirchsclaeger P. G. Digital Transformation and Ethics. Ethical Considerations on the Robotization and Automation of Society and the Economy and the Use of Artificial Intelligence. Baden-Baden: Nomos, 2021. 537 pp.
10. Royakkers L., Timmer J., Kool L. et al. Societal and ethical issues of digitization // Ethics and Information Technology. 2018. Vol. 20. P. 127-142.
<https://doi.org/10.1007/s10676-018-9452-x> EDN: TNIHTN
11. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011.
12. Epstein R. How Google Could Rig the 2016 Election // Politico. 2015. August 19. Accessed May 15, 2024. <https://www.politico.com/magazine/story/2015/08/how-google-could-rig-the-2016-election-121548>
13. Jongepier F., Klenk M. (Eds.). The Philosophy of Online Manipulation. 1st ed. Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003205425>
14. Agamben D. Homo sacer: suverennaya vlast' i "golaya" zhizn'. M.: Evropa, 2011. 256 s.
15. Antonov Ya. V. Elektronnaya demokratiya kak politiko-pravovoi mekhanizm soglasovaniya chastnykh i publichnykh interesov // Rossiiskaya yustitsiya. 2017. № 12. S. 38-41. EDN: QHZTBV
16. Kolyushkina L. Yu., Gorgul' V. V. Tsifrovaya demokratiya kak proyavlenie tsifrovizatsii konstitutsionnogo prava // Konstitutsionnoe i administrativnoe pravo: problemy sovershenstvovaniya publichnoi vlasti. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Rostov-na-Donu, 12 dekabrya 2019 goda / otv. red.: A. N. Osyak, Yu. V. Kapranova. Rostov-na-Donu: Rostovskii yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2019. S. 60-64. EDN: FSTBUJ
17. Mal'chenkov S. A., Sudarev A. A. Tsifrovaya demokratiya kak novaya forma narodovlastiya: preimushchestva i nedostatki // Ogarev-Online. 2023. № 8 (193).
18. Khramushin V. V. O perspektivakh razvitiya predstavitel'noi demokratii v epokhu tsifrovoi ekonomiki // Vestnik SGYuA. 2019. № 6 (131).
19. Dagangarov S. V. O razvitiu demokratii v usloviyakh tsifrovizatsii // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudentsiya. 2022. Vyp. 2. S. 13-19. DOI: 10.18101/2658-4409-2022-2-13-19 EDN: UCTUEB
20. Ravochkin N. N., Sergeeva I. A., Stenina N. A. Tsifrovizatsiya sotsial'nykh institutov: vozmozhnosti i ogranicheniya // Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2022. № 4 (36). S. 141-150. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-141-150> EDN: TESTVC
21. Gadzhiev Kh. A. Dialog vlasti i obshchestva v tsifrovuyu epokhu // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2022. T. 28. № 2. S. 81-97. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.7 EDN: BIBKLF
22. Kaminskii M. A. Tsifrovizatsiya kak faktor transformatsii politicheskoi kul'tury // Kul'tura i priroda politicheskoi vlasti: teoriya i praktika. Sbornik nauchnykh trudov. Pod obshchei redaktsiei A.A. Kerimova. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2023. S. 242-248. EDN: BYRGKP
23. Etika i "tsifra": Eticheskie problemy tsifrovyykh tekhnologii. M.: RANKhiGS, 2020. 207 s.
24. Kemp S. Digital 2022: Global Overview Report // DataReportal. 2022. January 26. URL:

<https://u.to/fWwwHA> (last request 24.05.2024).

25. Lührmann A. et al. Autocratization Surges – Resistance Grows: Democracy Report 2020. Gothenburg: Varieties of Democracy Institute, Department of Political Science University of Gothenburg, 2020. 40 p.
26. Shumpeter I. A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. M.: Eksmo, 2008. 864 s. (Antologiya ekonomicheskoi mysli).
27. Khantington S. Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka. Per. s angl. M.: "Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 2003. 368 s.
28. Castells M. Rupture. The Crisis of Liberal Democracy. Cambridge CB2 1UR, UK: Polity Press, 2019. 106 c.
29. Kharari Yu. N. Nexus. Kratkaya istoriya informatsionnykh setei ot kamennogo veka do iskusstvennogo intellekta.
30. Il'in I. A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. T. 1. M.: Airis-press, 2008. 528 s. (Belaya Rossiya).
31. Entsiklopediya Britannika. URL: <https://www.britannica.com/question/What-is-democracy>
32. Solov'ev V. S. Opravdanie dobra. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2012. 656 s. EDN: QXCSYV
33. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii. Moskva: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. 564 s.

Entrepreneurial Identity Narratives: From Heroic Modernity to the Postmodern Multiplicity of Roles

Tolkachev Petr

Postgraduate student, Department of Social Philosophy, M. V. Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, g. Moscow, ul. Leninskie Gory, 1

✉ peter.tolkachev@gmail.com

Abstract. This article examines the evolution of the entrepreneur's identity from the heroic image of the "titan of industry" during the modern era to the multiplicity of roles in postmodernity. The central argument is that, while in modernity the entrepreneur was portrayed as a singular hero of progress, in the postmodern context this identity becomes fragmented and reconfigured through various narratives. The contemporary entrepreneur not only develops technological solutions or manages companies but also actively constructs a public image through the media and social networks, effectively turning into a "brand" of one's own. This reframing of entrepreneurship addresses questions of authenticity, self-presentation, and the influence of digital platforms, where each market participant can be viewed as an "entrepreneur of their own life." Accordingly, the focus of this study extends beyond the entrepreneur's economic role to include their cultural and symbolic function in the conditions of postmodernity and platform capitalism. Methodologically, the paper draws upon postmodern philosophy (Jean-François Lyotard's ideas on the end of "grand narratives," Jean Baudrillard's concept of simulacra, and Michel Foucault's analysis of power discourse), as well as narratology, discourse analysis, and the deconstruction of cultural texts. The research's novelty lies in rethinking the figure of the entrepreneur as the "entrepreneur of oneself" (a term tracing back to Foucault's works), that is, a subject who shapes and promotes their own identity much like a brand. This perspective sheds light on the hidden mechanisms of image

formation in the context of digital platforms, where personal and professional identities fuse into a unified construct and are broadcast to a mass audience. Consequently, it is shown that in the platform economy and consumer society, the entrepreneur increasingly emerges as a project in and of themselves, combining traits of a creator, a product, and a manager of one's own life. This opens new horizons for philosophically interpreting authenticity, self-realization, and the interplay of freedom and self-control in the realm of contemporary entrepreneurship.

Keywords: entrepreneur of oneself, deconstruction, self-realization, digital platforms, self-presentation, multiplicity of roles, heroic narrative, postmodernity, entrepreneurial identity, authenticity

References (transliterated)

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. – M. [i dr.]: Piter, 2008. – 238 s.
2. Bodriyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya. – M.: POSTUM, 2016. – 238 s.
3. Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. – M.: AST, 2020. – 316 s.
4. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni. – M.: Kanon-press-Ts: Kuchkovo pole, 2000. – 302 s.
5. Marks K. G. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. – M.: Progress, 1979. – 491 s.
6. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. – Spb.: Nauka, 2010. – 446 s.
7. Khan B.-Ch. Obshchestvo ustalosti. Negativnyi opyt v epokhu chrezmernogo pozitiva. – M.: AST, 2023. – 158 s.
8. Liotar Zh. F. Sostoyanie postmoderna. – Spb.: Aleteiya, 1998. – 159 s.
9. Rend A. Atlant raspravil plechi. – M.: Al'pina Pablisher, 2008. – 434 s.
10. Shumpeter I. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. – M.: Progress, 1982. – 455 s.
11. Reinert H., Reinert E. S. Creative destruction in economics: Nietzsche, Sombart, Schumpeter // Friedrich Nietzsche (1844–1900) Economy and Society. – 2006. – Pp. 55-85.
12. Carnegie A. Wealth // The North American Review. – 1889. – № 391. – Pp. 653-664.
13. Diamond Jr A. M. Schumpeter's creative destruction: A review of the evidence // Journal of Private Enterprise. – 2006. – № 1. – Pp. 120-146.
14. Josephson M. The robber barons: The great American capitalists, 1861–1901. – Houghton Mifflin Harcourt, 1962. – 474 p.
15. Williams C. C., Nadin S. J. Beyond the entrepreneur as a heroic figurehead of capitalism: re-representing the lived practices of entrepreneurs // Entrepreneurship & Regional Development. – 2013. – Vol. 25. – № 7-8. – Pp. 552-568. DOI: 10.1080/08985626.2013.814715 EDN: YDYZP.
16. Standing G. The precariat: The new dangerous class. – Bloomsbury academic, 2011. – 208 p.

The role of the concept of "abduction of agency" in Eduardo Viveiros de Castro's Amerindian perspectivism and the possibility of applying it to the study of technology

Lecturer; Institute of International Development and Partnership; ITMO University
Postgraduate student; Stasis Center for Practical Philosophy; European University at St. Petersburg

197101, Russia, St. Petersburg, Petrogradsky district, Kronverksky ave., 49

✉ glukhovsky.andrew@gmail.com

Sergienko Aleksey Yurievich

Postgraduate student; Stasis Center for Practical Philosophy; European University at Saint Petersburg

6/1 Gagarinskaya str., A, Saint Petersburg, 191187

✉ asergienko@eu.spb.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of "abduction of agency", a term coined by the Brazilian anthropologist Eduardo Viveiros de Castro in his conception of Amerindian perspectivism. The concept was subsequently borrowed by Castro from the works of British anthropologist Alfred Gell. The central objective of the paper is to clarify the meaning of this concept in Viveiros de Castro's Amerindian perspectivism. This elucidation is undertaken to demonstrate the concept's suitability for philosophical and anthropological scrutiny of human interaction with technology. The paper's objectives are threefold: firstly, to provide a general description of the concept of abduction; secondly, to identify the role of the concept of "abduction of agency" in the works of Gell; thirdly, it will prove that Viveiros de Castro's understanding of the "abduction of agency" overcomes the criticism of this concept by British anthropologist, Tim Ingold. The methodological framework encompasses a historico-hermeneutical analysis of abduction in the history of philosophy (from C. S. Peirce to contemporary authors) and a critical-objective comparison of Gell's and Viveiros de Castro's interpretations. The scientific novelty of the article lies in the systematisation of the concept of "abduction of agency", which eliminates the gap in the research of Viveiros de Castro's work and opens prospects for its integration into the philosophy of technology and ethics of artificial intelligence. The practical significance of the work is related to the possibility of using the concept in the model human-technology interactions, where hypotheses are formed in the process of dynamic adaptation to changing conditions. The conclusions of the paper call into question Ingold's criticism, demonstrating that the "abduction of agency", as interpreted by Viveiros de Castro, does not contradict the idea of creativity as improvisation, but, on the contrary, enriches it, offering a new tool for interdisciplinary research.

Keywords: manipulative abduction, selective abduction, improvisation, creativity, Tim Ingold, Alfred Gell, Viveiros de Castro, Amerindian Perspectivism, abduction of agency, artificial intelligence

References (transliterated)

1. Viveirush de Kastru, E. Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturnoi antropologii. M.: Ad Marginem, 2017. 199 s.
2. Viverios de Castro E. Exchanging Perspectives: The Transformation of Objects into Subjects in Amerindian Ontologies // Common Knowledge. 2004. № 10. P. 463-484.
3. Bobrova A. S. Argumentativnaya skhema dlya abduktsii // Diskurs. 2023. T. 9. № 1. S. 5-17. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-5-17 EDN: EJOYEC.
4. Hintikka J. Inquiry as Inquiry: a Logic of Scientific Discovery. Dordrecht: Kluwer, 1999.

290 p.

5. Bobrova A. S. Abduktivnyi shag v dialogakh. Neformal'nyi podkhod // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2022. № 67. S. 5-16. DOI: 10.17223/1998863X/67/1 EDN: WZMMQW.
6. Vasyukov V. L. Nauchnoe otkrytie i kontekst abduksii // Filosofiya nauki i tekhniki. 2003. № 1. С. 180-205. EDN: TPEYMP.
7. Ingol'd T. Pogruzhaya veshchi v zhizn': tvorcheskie perepleteniya v mire materialov // Neprikosnovennyyi zapas. 2021. № 2 (136). S. 31-49. EDN: FQRKZM.
8. Delez Zh., Gvattari F. Tsyacha plato: kapitalizm i shizofreniya. M.; Ekaterinburg: Astrel'; U-Faktoriya, 2010. 895 s.
9. Pirs Ch. Nachala pragmatizma. T. 2. SPb.: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta SPbGU; Aleteiya, 2000. 318 s.
10. Pirs Ch. Nachala pragmatizma. T. 1. SPb.: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta SPbGU; Aleteiya, 2000. 352 s.
11. Beitson G. Razum i priroda: Neobkhodimoe edinstvo. Shvetsiya: Philosophical arkiv, 2016. 214 s.
12. Magnani L. Abductive Cognition. The Epistemological and Eco-Cognitive Dimensions of Hypothetical Reasoning. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. 535 p.
13. Magnani L. The Abductive Structure of Scientific Creativity: An Essay on the Ecology of Cognition. Cham, Switzerland: Springer Verlag, 2017. 230 p.
14. Pirs Ch. S. Izbrannyye filosofskie proizvedeniya. M.: Logos, 2000. 448 s.
15. Negarestani R. Rabota nechelovecheskogo. Logos. 2021. T. 31.
16. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. London: Macmillan, 1984. 242 p.
17. Gell A. Art and Agency: An Anthropological Theory. Oxford: Clarendon, 1998. 271 p.
18. Levi-Stross K. Put' masok. M.: Respublika, 2000. 399 s.
19. De Laet A., Mol A. Zimbabviiskii vtulochnyyi nasos: mekhanika tekuchey tekhnologii // Logos. 2017. T. 27. № 2. S. 171-232. EDN: YMICDF.
20. Glukhovskii A. S., Durnev A. D., Chirva D. V. Raspredelennaya moral'naya otvetstvennost' v sfere iskusstvennogo // Eticheskaya mys'l'. 2024. T. 24. № 1. S. 129-143. DOI: 10.21146/2074-4870-2024-24-1-129-143 EDN: USICEU.
21. Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1995. 381 p.
22. Shipovalova L. V. Raspredelennoe poznanie - analitika i problematizatsiya kontsepta // Tsifrovoye uchenye: laboratoriya filosofa. 2019. T. 2. № 4. S. 175-190. DOI: 10.5840/dspl20192460 EDN: XIWLNT.

Palliative systems with simulation activity: resilience factors and management scenarios

Gribkov Andrei Armovich

Doctor of Technical Science

Leading researcher; Scientific and production complex 'Technological Center'

124498, Russia, Moscow, Shokin square, 1, building 7

✉ andarmo@yandex.ru

Abstract. A significant area of research within system theories is the problem of ensuring the survivability of damaged and incomplete (with missing elements) systems. A typical

characteristic of such systems is their existence in a palliative state, where the system continues to function but loses (either completely or partially) its functionality while maintaining the external signs of a "healthy" system. Various management options for damaged and incomplete systems are considered, allowing them to be preserved, as well as mechanisms for ensuring the stability of such systems. The article pays particular attention to the consideration of two main tools for replacing damaged and missing elements in systems: plugs and elements with simulation activity. The nature of their functioning, application possibilities, and activity options are defined. For externally controlled systems, three possible management scenarios for a damaged or incomplete system are discussed. The foundation of the research is based on theoretical models developed by the author in previous works concerning the stability of the system through the resources of the supersystem, the restoration of the system using preserved functional subsystems, and other systems within one supersystem, among others. As a result of the research conducted in the article, dedicated to issues that previously remained outside theoretical analysis, the variability of scenarios for effective management of damaged and incomplete systems is noted. The choice of the optimal option depends on whether the significance of the functions lost due to the damage remains during the system's development, the system's adaptability, the utility of a system with incomplete functionality, the complexity of correction, and the resources required for this. The evaluation of the feasibility of a palliative system is based on two criteria: the necessity to maintain the system in a state of limited functionality or, in extreme cases, to ensure survival; and the practicality of nominally preserving the system that reproduces the responses of an undamaged system. The novelty of the results obtained in the work lies in raising the question of the necessity for theoretical analysis of the management issues of damaged and incomplete systems, the advisability of maintaining their palliative state, and scenarios for transitioning systems to states with full functionality. The results obtained in the work may be useful in managing damaged and incomplete systems across various domains: in regulating technical systems, in enterprise management, macroeconomic regulation, and others.

Keywords: control, subsystem, supersystem, resilience, adaptation, functionality, placeholder, simulation activity, palliative, system theory

References (transliterated)

1. Makhutov N.A., Reznikov D.O. Mnogourovnevaya otsenka zhivuchesti slozhnykh tekhnicheskikh sistem s uchetom masshtabno-strukturnoi ierarkhii protsessov nakopleniya povrezhdenii i razrusheniya // Bezopasnost' v tekhnosfere. 2016. № 4. S. 3-17. DOI: 10.12737/23757. EDN: YGHMDH.
2. Khaliullina D.N., Bystrov V.V. Teoreticheskie osnovy otsenki zhiznesposobnosti regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Tekhnicheskie nauki. 2022. T. 13. № 2. S. 78-92. DOI: 10.37614/2949-1215.2022.13.2.007. EDN: HQCDCX.
3. Barthou É. The "Survival Economy" or How to Adapt to the Rise of Capitalism in Romania // Autrepart. 2008. No 48. Pp. 101-112.
4. Tsolas S., Hasan M. Survivability-aware design and optimization of distributed supply chain networks in the post COVID-19 era // Journal of Advanced Manufacturing and Processing. 2021. No 3. DOI: 10.1002/amp2.10098.
5. Anisimov I.I., Tolmachev A.A., Chashchin S.V. Podkhod k otsenivaniyu zhivuchesti slozhnykh organizatsionno-tekhnicheskikh sistem razlichnogo naznacheniya // Naukoemkie tekhnologii v kosmicheskikh issledovaniyakh Zemli. 2013. T. 5. № 4. S.

24-28. EDN: THBRCX.

6. Cherkesov G.N., Nedosekin A.O., Vinogradov V.V. Analiz funktsional'noi zhivuchesti strukturno-slozhnykh tekhnicheskikh sistem // Nadezhnost'. 2018. № 18(2). S. 17-24. DOI: 10.21683/1729-2646-2018-18-2-17-24. EDN: USQARX.
7. Sevast'yanov A.M. Sotsial'naya nespravedlivost' v otnosheniyakh vlasti i obshchestva: opyt sotsiologicheskogo izmereniya // Sotsiologiya vlasti. 2012. № 1. S. 159-166. EDN: PCJHPV.
8. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' sem'i: novyi ob'ekt i kontseptual'nye predposylki issledovaniya // Psikhologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladanie / red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.V. Tarabrina, N.E. Kharlamenkova. M.: Institut psikhologii RAN, 2016. S. 350-375. EDN: XIFBMP.
9. Gribkov A.A. Empiriko-metafizicheskaya obshchaya teoriya sistem: monografiya. M.: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya, 2024. 360 s. DOI: 10.17513/np.607. EDN: QTOCDS.
10. Khlebnikov M.V. Sintez obratnoi svyazi po vykhodu v diskretnykh sistemakh upravleniya kak zadacha optimizatsii // Avtomatika i telemekhanika. 2024. № 12. S. 3-22. DOI: 10.31857/S000523102412001. EDN: XUOEAAQ.
11. Eremin E.L., Nikiforova L.V., Shelenok E.A. Mnogosvyaznaya kombinirovannaya sistema dlya funktsional'no-parametriceski neopredelenennogo ob'ekta s neaffinnost'yu i zapazdyvaniem po upravleniyu // Informatika i sistemy upravleniya. 2021. № 2(68). S. 84-97. DOI: 10.22250/isu.2021.68.84-97. EDN: CHPAVO.
12. Davydova E.N., Koppalina A.A. Razrabotka modeli sistemy bezopasnosti dlya avtomatizirovannoi sistemy upravleniya predpriyatiem // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnicheskie nauki. 2021. № 4(14). S. 13-16. EDN: ZLFBPP.
13. Vlasov V.V., Vorob'ev P.E. Mir RNK: vchera i segodnya // Nauka iz pervykh ruk. 2012. № 3(45). S. 40-49. EDN: PBTTEL.
14. Orkin V.V., Nesterenko O.E., Platonov S.A. Model' sistemy situatsionnogo upravleniya v avtomatizirovannoi sisteme podderzhki prinyatiya reshenii // Voprosy oboronnoi tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu. 2021. № 1-2(151-152). S. 40-45. EDN: SUWLQK.
15. Chechkin A.V. Pyat' printsipov mnogoagentnoi avtomatizirovannoi sistemy iskusstvennogo intellekta // Intellektual'nye sistemy. Teoriya i prilozheniya. 2024. T. 28. Vyp. 1. S. 31-49.
16. Smith H.F., Fisher R.E., Everett M.L., Thomas A.D., Bollinger R.R., Parker W. Comparative anatomy and phylogenetic distribution of the mammalian cecal appendix // Journal of Evolutionary Biology. 2009. Vol. 22. Issue 10. Pp. 1984-1999. DOI: 10.1111/j.1420-9101.2009.01809.x.
17. Lisitsyn A.A., Zemlyanoi V.P., Velikanova L.I., Nakhumov M.M., Shafigullina Z.R. Opyt primeneniya organosokhranyayushchikh khirurgicheskikh vmeshatel'stv na nadpochechnikakh // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. 2020. № 3(75). S. 46-49. DOI: 10.19163/1994-9480-2020-3(75)-46-49. EDN: RWGGJM.
18. Ivanova G.E., Polyayev B.A., Chogovadze A.V. Fizicheskaya rehabilitatsiya bol'nykh s zabolevaniyami i travmami nervnoi sistemy // Lechebnoe delo. 2005. № 3. S. 22-29. EDN: OOPHJZ.
19. Bauer E.S. Teoreticheskaya biologiya. M.-L.: Izd. VIEM, 1935. 151 s.
20. Glensdorf P., Prigozhin I. Termodinamicheskaya teoriya struktury, ustoichivosti i

fluktuatsii. M.: Mir, 1973. 280 s. EDN: PCHHYT.

21. Pross A., Pascal R. The origin of life: what we know, what we can know and what we will never know // Open Biology. 2013. Vol. 3. Issue 3. 120190.

The static Nature of the Absolute combined with the process Theism of God the Father in a new ontological perspective

Chekrygin Oleg

PhD in Philosophy

Independent researcher

24 Serpukhovval str., Moscow, 115419, Russia

✉ ochek@bk.ru

Nadeina Dar'ya Aleksandrovna

Postgraduate student; Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University

59 Orekhovy St., Moscow, 115682, Russia

✉ Bogoslovblog@gmail.com

Abstract. This study examines the application of the dialectical method developed by the authors, which allows us to deduce ontological levels through the principle of mutual reflection of entities and their negations. According to this principle, each higher ontological level, passing through a double denial of oneself ("not-not-I = I-am-I"), generates a lower level of being through comparing oneself with one's own non-existence. This process illustrates the transition from the static Absolute, the First Principle, to God the Father. The reflection of the mind that has come to know God leads to the emergence of an immortal soul that does not exist in a material body, but in the transcendent world of the Spirit, in the Kingdom of the Father. The Father is ready to fulfill the will of those who are "born again" (John 3:5). Thus, human free will is realized through coordination with the will of God: at the request of his "children" born into Eternity, God changes Providence, and the world is transformed without the direct intervention of the Spirit in matter. The methodological basis of the research includes a historical and philosophical analysis of the basic concepts of the Absolute, as well as the application of systemic and interdisciplinary approaches. In addition, the work uses the method of analogies, which is based on conceptual and phenomenological analysis, as well as natural philosophical approaches that take into account modern achievements of natural science, including parallels with the principles of quantum mechanics. World existence, like all higher ontological levels, exists "inside" God, and not beyond him, as is often assumed in various philosophical systems. It represents a picture of the development of worlds that exists in the "imagination" of God. The worlds act as peculiar mirrors in which God contemplates Himself. These reflections acquire an independent and eternal life in the eternal "memory" of God, which is the Kingdom of Heaven, which also resides "inside" God, and not "outside" Him. At the same time, the development of worlds in God's "imagination" and their stay in His eternal memory represent two sides of the same process that do not interact directly. This approach also develops a consistent concept of the existence of the world as a reflection of God in Himself, and Salvation as the eternal abiding of a mature person in the memory of God, which is the essence of the Kingdom of Heaven.

Keywords: being born again, the mind, process theism, love, free will, soul, spirit, Father,

References (transliterated)

1. Platon. Dialog ob idee "bessmertie" filosafo klassich. drevnosti Platona. Moskva: Universitetsk. tip., 1891. 104 s.
2. Aristotel'. O dushe. Perevod i primechaniya P.S. Popova, predislovie V.K. Serezhnikova. M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937.
3. Egipetskaya Kniga mertvykh. Papirus Ani Britanskogo muzeya. Perevod, vvedenie i kommentarii E.A. Uollesa Badzha. M.: Aleteia, 2003. 416 s.
4. Syrkin A. Ya. Upanishady, perevod s sanskr., predisl. i komm. V 3-kh knigakh. M.: Nauka, 1992.
5. Avgustin Avrelii. Ispoved'. M.: "Dar'", 2005. 544 s. ISBN 5-485-00011-8.
6. Foma Akvinskii. Summa Teologii. Perevod s lat. S.I. Eremeeva, A.A. Yudina. Kiev: El'ga; M.: Nika-Tsentr, 2002. Ch. II-I. Voprosy 49-89. 2008. 536 s.; Ch. II-I. Voprosy 90-114. 2010. 432 s.
7. Dekart R. Rassuzhdenie o metode. Dekart R. Sochineniya v 2 tomakh. M., 1989–1994. T. 1.
8. Kant I. Sobr. soch. v 8 t. M., 1994. T. 3.
9. Artur Shopengauer. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. Tom pervyi. Perevod Yu. I. Aikhenval'da pod redaksiei Yu. N. Popova. M.: "Moskovskii klub", 1992.
10. Yung Karl Gustav. Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2019. 496 s.
11. Chekrygin O.V., Nadeina D.A., Mezentsev I.V. Problematika neoplatonicheskogo raskrytiya gipotez «Parmenida» i reshenie «aporii transtsendentnosti» // Filosofskaya mysl'. 2024. № 12. S. 161-174. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.12.72346 EDN: ETWSWS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72346
12. Mesyats S. V. Neoplatonizm. Pravoslavnyaya entsiklopediya. M.: TsNTs "Pravoslavnyaya entsiklopediya", 2017. S. 657-672.
13. Nikolai Kuzanskii. Ob uchenom neznanii. Sochineniya. M.: Mysl', 1979. T. 1. S. 47-142.
14. Evlampiev I. I. Anri Bergson: filosofiya gryadushchei epokhi. SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 2020. 360 s. ISBN 978-5-907309-20-3.
15. Chekrygin O.V., Mezentsev I.V., Nadeina D.A. Kritika logiki gipotez dialoga "Parmenid" i formirovanie novoi "ontologicheskoi perspektivy". Teologiya: teoriya i praktika. 2024. T. 3. № 1. S. 79-96.
16. Chekrygin O.V., Nadeina D.A., Mezentsev I.V. Problematika neoplatonicheskogo raskrytiya gipotez "Parmenida" i reshenie "aporii transtsendentnosti". Filosofskaya mysl'. 2024. № 12. S. 161-174.
17. Chekrygin O.V., Nadeina D.A., Mezentsev I.V. Opyt protsessual'noi interpretatsii absolyuta na osnove ucheniya Iisusa // Filosofskaya mysl'. 2024. № 12. S. 139-160. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.12.72508 EDN: EWJWPC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72508
18. Nadeina D.A., Chekrygin O.V. Problema predopredeleniya i svobody v istoriko-filosofskom kontekste. Vestnik nauki. 2025. № 2 (83) tom 1. S. 903-925. ISSN 2712-8849. Elektronnyi resurs: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/21326> (data obrashcheniya: 05.03.2025).
19. Chekrygin O.V., Nadeina D.A., Mezentsev I.V. Kontseptsiya boga kak sozertsatelya: kosmologicheskie, antropologicheskie i etiko-soteriologicheskie aspekty // Filosofskaya

- mysl'. 2025. № 1. S. 67-93. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.1.73209 EDN: UGSTHO
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73209
20. Chekrygin O.V., Nadeina D.A., Mezentsev I.V. *Primenenie matematicheskikh analogii v interpretatsii samopoznaniya bozhestvennoi Sverkhshchnosti // Filosofskaya mysl'*. 2025. № 2. S. 26-42. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.2.73077 EDN: ANFTHC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73077
 21. Schrödinger E. Die gegenwärtige Situation in der Quantenmechanik (nem.). *Naturwissenschaften*. 1935. Bd. 23, H. 48. S. 807-812. ISSN 0028-1042. doi:10.1007/BF01491891.
 22. Plotin. *Traktaty*. M.: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina, 2007. 444 s.
 23. Eriugena I.S. *Perifyuseon. Filosofiya prirody v antichnosti i v Srednie veka*. M.: Progress-Traditsiya, 2000. S. 480-530.
 24. *Istoriya filosofii: Uchebnik dlya vuzov*. Pod red. V.V. Vasil'eva, A.A. Krotova i D.V. Bugaya. M.: Akademicheskii Proekt, 2005. 680 s.
 25. Asmus V. *Metafizika Aristotelya. Aristotel'. Sochineniya*. T. 1. M.: Mysl', 1976. S. 5-49.
 26. Khoking S. *Vse li predopredeleno? Chernye dyry i molodye Vselennye*. SPb.: Amfora, 2001. 187 s.
 27. *Sovremennaya entsiklopediya*. 2000. Arkhivirovano 11 sentyabrya 2016 goda. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Dialektika>. Poslednee obrashchenie 01.01.25.
 28. Mark Tullii Tsitseron. *O starosti. O družbe. Ob obyazannostyakh*. M.: "Nauka", 1993 (reprint teksta izdaniya 1974 g.).
 29. *Chtenie na kazhdyi den' Velikogo posta*. Dement'ev D.V. M.: Sretenskii monastyr', 2009. 448 s.
 30. Uaitkhed A. N. *Izbrannye raboty po filosofii*. Per. s angl. M.: Progress, 1990. 716 s.
 31. Hartshorne C. *The Divine Relativity: A Social Conception of God*. Charles Hartshorne *Philosophy*. 1948. № 24 (91). S. 358-359.
 32. Fokin A.R. "Psikhologicheskaya teoriya" Troitsy Avreliya Avgustina v istoriko-filosofskom kontekste. [Elektronnyi resurs]. *Azbuka very*. 22.02.2024. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej-Fokin/psihologicheskaja-teorija-troitsy-avrelija-avgustina-v-istoriko-filosofskom-kontekste/>. Poslednee obrashchenie 01.03.25.
 33. Androsova V. A. *Nebesnye knigi v Apokalipsise Ioanna Bogoslova*. Moskva: PSTGU, 2013. ISBN 978-5-7429-0863-0.
 34. Platon. *Fedr*. Perevod A. N. Egunova. *Redaktsiya grecheskogo i russkogo tekstov, vstupitel'naya stat'ya, kommentarii, khronologiya, indeksy imen i naibolee upotrebitel'nykh terminov* Yu. A. Shichalina. M.: Progress, 1989.
 35. *Aristotel'. Metafizika. Aristotel'. Sochineniya*. T. 1. M.: Mysl', 1976. S. 63-368.
 36. Terstegen Gerhard. *Zhizneopisanie. Izbrannye pis'ma*. Moskva: Izdatel'skii dom Praktika, 2022. ISBN: 978-5-89816-189-7. 512 s.
 37. Martin Khaidegger. *K filosofii (O sobytii)*. Per. s nem. El'fira Sagetdinova. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2020. 640 s.
 38. Dugin A.G. *Martin Khaidegger: filosofiya drugogo Nachala*. M.: Akademicheskii Proekt; Fond "Mir", 2010. 389 s.
 39. Bergson A. *Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniya. Sbranie sochinenii v chetyrekh tomakh*. T. 1. M.: Moskovskii klub, 1992.
 40. Caldirola, Pierro. *The introduction of the chronon in the electron theory and a charged lepton mass formula*. *Lett. Nuovo Cim*. 1980. P. 225-228.

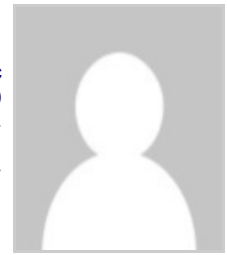
Kant's Pre-Critical Thought Experiments and the Vis Viva Controversy

Fuentes Gonzalez Sergio Alberto

Postgraduate student; Graduate School of Philosophy, History and Social Sciences; Immanuel Kant Baltic
Federal University (BFU)
Researcher; Kantian Academy; I. Kant Baltic Federal University.

236041, Russia, Kaliningrad region, Kaliningrad, Alexander Nevsky St., 14

✉ Gfuentes1@kantiana.ru

Abstract. This article investigates the role played by thought experiments in Kant's evaluation of the vis viva controversy. The vis viva debate revolved around differing conceptions of force, with the Cartesian tradition interpreting force quantitatively as momentum, while Leibnizians viewed it qualitatively as kinetic energy. Kant's pre-critical writings, particularly his essay "Thoughts on the True Estimation of Living Forces," are examined to elucidate his methodological approach to this historical scientific dispute. The paper reconstructs Kant's strategy of employing thought experiments to mediate between the opposing Cartesian and Leibnizian camps, thereby addressing fundamental questions regarding the nature of force and movement. Through this reconstruction, the study clarifies how Kant leveraged imaginative reasoning to challenge existing theories and propose a cohesive methodological stance. The article adopts a rational reconstruction approach, systematically analyzing Kant's pre-critical arguments as thought experiments. By employing comparative analysis, Kant's reasoning is contextualized within both historical scientific discourse and contemporary philosophical interpretations of thought experimentation, particularly engaging with secondary literature on Kantian epistemology and philosophy of science. The novelty of this research lies in its explicit treatment of Kant's early arguments as genuine thought experiments, which has been overlooked in prior scholarship. The analysis demonstrates that Kant intentionally constructed his proofs as "experiments" – despite their hypothetical and counterfactual character—and considered them decisive even in the absence of empirical testing. The flexibility inherent in Kant's imaginative approach enabled him to simultaneously critique and reconcile Leibniz's dynamic and Descartes's kinematic frameworks from a unified methodological perspective. Key conclusions include the recognition that Kant's employment of thought experiments involving infinite variations, idealized experimental setups, and counterfactual conditions was crucial in shaping his methodological stance. Consequently, the article contributes significantly to understanding the continuity in Kant's philosophical development from the pre-critical to the critical periods, emphasizing the methodological coherence underpinning his epistemological evolution.

Keywords: imagination, momentum, incongruent counterpart, functional a priori, kinetic energy, Descartes, Leibniz, Kant, thought experiment, living force

References (transliterated)

1. Kant I. Thoughts on the true estimation of living forces // Kant: Natural Science / E. Watkins (red.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. S. 1-155.
2. Kant I. Vseobshchaya estestvennaya istoriya i teoriya neba // Sochineniya v shesti tomakh. T. 1. Moskva: Mysl', 1963. S. 117-262.
3. Kant I. O pervom osnovanii razlichiya storon v prostranstve // Sochineniya v shesti tomakh. T. 2. Moskva: Mysl', 1964. S. 370-379.
4. Kant I. O forme i printsipakh chuvstvennogo vosprinimaemogo i umopostigaemogo

- mira // Sochineniya v shesti tomakh. T. 2. Moskva: Mysl', 1964. S. 382-425.
5. Kant I. Prolegomeny ko vsyakoi budushchei metafizike, mogushchei vzniknut' v smysle nauki // Sochineniya v shesti tomakh. T. 4 (ch. I). Moskva: Mysl', 1965. S. 71-799.
 6. Kant I. Metafizicheskie nachala estestvoznaniya // Sochineniya v shesti tomakh. T. 6. Moskva: Mysl', 1966. S. 53-176.
 7. Kant I. Natural Science / E. Watkins (red.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 802 s.
 8. Dlugach T. B. I. Kant: ot rannikh proizvedenii k "Kritike chistogo razuma". Moskva: Nauka, 1990. 136 s.
 9. Watkins. Editor's Introduction // Kant I. Natural Science / E. Watkins (red.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. S. 182-187.
 10. Schönfeld M. The Philosophy of the Young Kant: The Precritical Project. New York: Oxford University Press, 2000. 348 s.
 11. Vasil'ev V. V. Podvaly kantovskoi metafiziki (deduktsiya kategorii). Moskva: Nasledie, 1998. 160 s. EDN: THIHCV
 12. Vasil'ev V. V. Istoriya filosofskoi psikhologii. Zapadnaya Evropa - XVIII vek. Kaliningrad: Stoa Kantiana, 2003. 559 s. EDN: QWFUBZ
 13. Ørsted H. C. First Introduction to General Physics: A Prospectus of Lectures in this Science // Selected scientific works of Hans Christian Ørsted / K. Jelved, A. D. Jackson, O. Knudsen (red.). Princeton, N.J: Princeton University Press, 1998. S. 282-309.
 14. Buzzoni M. Empirical Thought Experiment: A Transcendental-Operational View // Epistemologia. 2010. № XXXIII. S. 5-26.
 15. Buzzoni M. Kantian Accounts of Thought Experiments // The Routledge Companion to Thought Experiments / M. T. Stuart, Y. Fehige, J. R. Brown (red.). London; New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2018. S. 327-341.
 16. Buzzoni M. Thought Experiments from a Kantian Point of View // Thought Experiments in Philosophy, Science, and The Arts / M. Frappier, L. Meynell, J. R. Brown (red.). New York: Routledge, 2013. S. 90-106.
 17. Fehige Y. The Relativized a priori and The Laboratory of The Mind: Towards a neo-Kantian Account of Thought Experiments in Science // Epistemologia. 2013. T. 36. № 1. S. 55-73.
 18. Fehige Y., Stuart M. T. On the Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun // Perspectives on Science. 2014. T. 22. № 2. S. 179-220.
 19. Virvidakis S. On Kant's Critique of Thought Experiments in Early Modern Philosophy // Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts. History of Science and Medicine Library / K. Ierodiakonou, S. Roux (red.). Leiden; Boston: Brill, 2011. S. 127-142.
 20. Witt-Hansen J. H. C. Ørsted: Immanuel Kant and The Thought Experiment // Kierkegaard and His Contemporaries: The Culture of Golden Age Denmark / J. Stewart (red.). Berlin: de Gruyter, 2003. S. 62-77.
 21. Brendel E. Intuition Pumps and the Proper Use of Thought Experiments // Dialectica. 2004. T. 58. № 1. S. 89-108.
 22. Moue A. S., Masavetas K. A., Karayianni H. Tracing the Development of Thought Experiments in the Philosophy of Natural Sciences // Journal for General Philosophy of Science / Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie. 2006. T. 37. № 1. S. 61-75. DOI: 10.1007/s10838-006-8906-8 EDN: DHJEUN

23. Hitchcock C. (Red.). Contemporary debates in philosophy of science. Malden, MA: Blackwell Pub, 2004. 348 s.
24. Friedman M. Kant, Kuhn, and The Rationality of Science // Philosophy of Science. 2002. T. 69. № 2. S. 171-190.
25. Filatov V. P. Myslennye eksperimenty i apriornoe poznanie // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2016. T. 49. № 3. S. 17-27. EDN: WMT0CP
26. Smith G. E. The vis viva dispute: A Controversy at the Dawn of Dynamics // Physics Today. 2006. T. 59. № 10. S. 31-36.
27. Leibniz G. W. Critical Thoughts on the General Part of the Principles of Descartes // Leibniz: Philosophical Papers and Letters / L. E. Loemker (red.). Dordrecht: Springer Netherlands, 1989. S. 383-412.
28. Vanzo A. Kant on Experiment // Rationis Defensor: Essays in Honor of Colin Cheyne. Studies in History and Philosophy of Science / J. Maclaurin (red.). Dordrecht; New York: Springer, 2012. S. 75-95.
29. Brown J. R. The Laboratory of the Mind: Thought Experiments in the Natural Sciences. New York: Routledge, 2011. 226 s.
30. Meynell L. Images and Imagination in Thought Experiments // The Routledge Companion to Thought Experiments. Routledge Philosophy Companions / M. T. Stuart, J. R. Brown, Y. Fehige (red.). London; New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2018. S. 498-511.

Digital networks: between specification and transindividual in the philosophy of Gilbert Simondon.

Sayapin Vladislav Olegovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

✉ vlad2015@yandex.ru

Abstract. In this paper, an attempt is made to use the theoretical propositions of the French philosopher Gilbert Simondon to investigate the theory of digital networks at the intersection of the concept of "concretization" (as the process of embodying abstract structures in material practices) and the concept of "transindividual" (a collective dimension that goes beyond the individual). This allows for a new perspective on modern digital technologies and society. Furthermore, the article asserts that by developing the theory of technicality as a way of human existence alongside religion, science, and art, the evolution of technicality reaches its culmination precisely in digital networks, through which the world itself becomes not only networked but also technosocial. In this case, digital networks are not only a result of concretization, akin to the formation of a crystal, but are rather similar to a technical ensemble, a deeply interconnected technological and social formation. The research employed general scientific methods, among which the descriptive method, dialectical method, as well as methods of analysis, observation, and synthesis are highlighted. It should be emphasized that this work is research-oriented and aims to conceptualize the digital network as a unique technosocial object that is in constant evolutionary development. In this regard, the work proposes three key cognitive structures for studying digital networks: the process of concretization, a triadic model that unites elements, people, and technical ensembles, and an analysis of technicality that traces the evolution from the initial rupture of magical unity to

the role of elements within digital networks as supports for transindividual relationships. Additionally, it is worth noting that very recently, the concept of transindividuality has become a central analytic for studying interactions between big data, algorithmic systems, and digital platforms within network infrastructures. The aim of this work is to deepen contemporary interpretations of transindividuality by proposing two directions for research: first, the application of Simondon's logic to the study of the concept of the digital network, and second, a deeper examination of the role of transindividuality in modern digital networks.

Keywords: singularity, digital identity, disparity, transduction, transindividual, concretization, hylomorphic scheme, metastability, digital networks, being

References (transliterated)

1. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
2. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
3. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.
4. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
5. Svirskii Ya.I. Kontseptual'nye osobennosti filosofskoi strategii Zhil'bera Simondona // Idei i ideal'y. 2017. T. 1. № 3 (33). S. 111–125.
6. Tinus N.N. Protsess i otnoshenie: istoki avtonomistskoi teorii individuatsii. 2021. № 1 (100). S. 44–59.
7. Skott I.D. Traktat o pervonachale. M.: Izd-vo Frantsiskantsev, 2001. 182 s.
8. Leibnits G.V. Monadologiya. M.: RIPOL klassik, 2020. 200 s.
9. Yung K. Eon. Issledovaniya o simvolike samosti. M.: Akademicheskii proekt, 2009. 340 s.
10. Simondon Zh. Psikhicheskaya i kollektivnaya individuatsiya. M.: IOI, 2023. 704 s.
11. Styhre A. The concept of transduction and its use in organization studies // Emergence: Complexity and Organization. 2010. Vol. 12. № 2. P. 115–131.
12. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'. Mn.: Kharvest, 1999. 1408 s.
13. Stiegler B. Technics and time. Part 1. The fault of Epimetheus – Stanford, CT: Stanford University Press, 1998. 316 p.
14. Morizot B. Pour une théorie de la rencontre. Hasard et individuation chez G. Simondon. Paris: Vrin, 2016. 245 p.
15. Simondon G. The position of the problem of ontogenesis // Parrhesia. 2009. №7. P. 4–16.
16. Sauvagnargues A. Simondon, Deleuze, and the construction of a transcendental empiricism // The Warwick Journal of Philosophy (Special volume: Deleuze and Simondon). 2012. P. 1–21.
17. Hottois G. Technoscience et technoesthétique // La philosophie de Simondon. Paris: Vrin, 2003. P. 98–100.
18. Stiegler B. Chute et élévation. Apolitique de Simondon // Revue philosophique de la France et de l'étranger. 2006. Vol. 131 (3). P. 325–341.
19. Combes M. Tentative d'ouverture d'une boîte noire. Ce que referme la 'question de la technique' // In Technique, monde, individuation. Heidegger, Simondon, Deleuze. Hildesheim: Europaea Memoria, 2006. P. 75–98.

20. Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. Paris: Albin Michel, 1964. 323 p.

In search of a thesaurus of everyday theatricality as a philosophical and anthropological phenomenon: «scenario», «performance», «persona»

Rakhimova Maya Vil'evna

PhD in Philosophy

Associate professor, Department of Social Sciences, Humanities and Psychological-Pedagogical Disciplines;
South Ural State Institute of Art named after P. I. Tchaikovsky

454091, Russia, Chelyabinskaya Oblast' oblast', g. Chelyabinsk, ul. Plekhanova, 41

✉ Mayesta@mail.ru

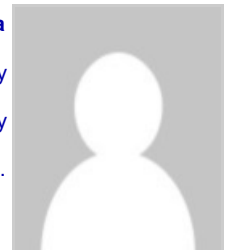
Kuznetsova Tat'yana Viktorovna

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Aesthetics; Lomonosov Moscow State University

Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27, building 4.

✉ estet@philos.msu.ru

Abstract. The scientific work is devoted to the analysis of the thesaurus of everyday theatricality as a philosophical and anthropological phenomenon. The fundamental interest in terminology is justified by the need to build a morphology and identify the content of everyday theatricality. The leading terms for the study are «scenario», «presentation», and «persona». The choice is determined by specific works of human behavioral sciences (psychology and psychiatry) scientists such as Eric Bern, Irving Hoffman and Carl Jung. The experience of the sciences of human behavior is important in view of its extensive empirical base, medical and research practices implemented by scientists on a daily basis, in close communication with people. Everyday theatricality is understood as a complex phenomenon of human being adaptation to external and internal challenges; as a phenomenon that manifests the «theatrical» nature of a human being and realizes its existential potential in society; as a phenomenon with a pronounced social, communicative, sociocultural orientation, realizing itself in the daily culture of communication.

Among the methods of scientific work, analytical, critical, historical-problematic, categorical methods should be identified. As intermediate results, it is important to emphasize the potential significance of the terms («scenario», «performance», «persona») for the study of everyday theatricality. The «scenario» helps to characterize a set of stereotypes (programs) of human behavior that they use in everyday life. «Representation» helps scenarios to be implemented in order to realize social roles. The «persona» relies on the script and representation as psychological tools that help it match the chosen personality, to a certain extent, by theatrical means of expression.

Keywords: social role, mask, image, stereotype, persona, scenario, performance, everyday theatricality, theatrical human nature, The self

References (transliterated)

1. Andreeva I. M. Vzaimosvyaz' teatra i teatralizovannogo soznaniya v sotsiume: avtoreferat dis. ... doktora filosofskikh nauk: 24.00.01 / Krasnodar. gos. un-t kul'tury i iskusstv. – Krasnodar, 2006. – 31 s. EDN: NKBVTP.

2. Bandurovskii K. V., Leont'ev D. A. Lichnost'. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. T. 17. Moskva, 2010. S. 696-698.
3. Bern E. Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry / Erik Bern; [per. s angl. A. Gruzberga]. – Moskva: Eksmo, 2022. – 560 s.
4. Burns E. Theatricality: A study of convention in the theatre and in social life / [By] Elizabeth Burns. – London: Longman, 1972. – [8], 246 p.
5. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni. – SPb.: Piter, 2021. – 304 s. – (Seriya "Mastera psikhologii").
6. Debor G. Obshchestvo spektaklya / Gi Debor; [perevod s frantsuzskogo S. Ofertasa]. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2024. – 320 s.
7. Dubrovskii D. I. Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz / Dopolnennoe izdanie / D. I. Dubrovskii. – M.: "Kanon +" ROOI "Reabilitatsiya", 2010. – 336 s.
8. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya: Per. s nem. Izd. Stereotip. – M.: LENAND, 2024. – 200 s.
9. Kino: Entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. S. I. Yutkevich. – Moskva: Sov. entsikl., 1986. – 637,[3] s., [96] l. il.; 27 sm. Rezhim dostupa: <http://art.niv.ru/doc/encyclopedia/cinema/articles/188/scenarij.htm> (data obrashcheniya 26.01.2025).
10. Korchak A. S. Filosofiya Drugogo Ya: Istoriya i sovremennost'. – M.: LENAND, 2006. – 152 s.
11. Lektorskii V. A. Predstavlenie // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Elektronnaya versiya (2016); <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3175457> (data obrashcheniya 29.01.2025).
12. Olyanich A. V. Prezentatsionnaya teoriya diskursa: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19 / Volgogr. gos. ped. un-t. – Volgograd, 2004. – 40 s. EDN: NHUVHB.
13. Pavi P. Slovar' teatra / Patris Pavi; Per. s fr. pod red. K. Razlogova. – Moskva: Progress, 1991. – 480, [1] s.
14. Petros'yan S. N., Ryabikina Z. I. Sovremennye podkhody k probleme zhiznennogo stsenariya lichnosti kak sotsial'no-psikhologicheskogo fenomena // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya. 2016. № 3 (183). S. 123-135. EDN: WXB TGX.
15. Psikhologiya samosoznaniya: Khrestomatiya / Red.-sost. D. Ya. Raigorodskii. – Samara: BAKhRAKh-M, 2000. – 672 s. – (Khrestomatiya po sotsial'noi psikhologii lichnosti).
16. Raikov V. N. Fenomen teatral'nosti: sotsial'no-filosofskii analiz: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk: 09.00.11 / Raikov Valerii Nikolaevich; [Mesto zashchity: Sarat. gos. un-t im. N.G. Chernyshevskogo]. – Saratov, 2010. – 21 s. EDN: ZOBLGR.
17. Rakhimova M. V. Otrazhenie teatral'nosti kak filosofsko-antropologicheskogo fenomena v nauchnom diskurse // Sotsiologiya. 2024. № 10. S. 172-177.
18. Russo Zh.-Zh. Izbrannye sochineniya: V 3 t.: Per. s fr. / [Sost. i avt. vstup. stat'i I. E. Vertsman]; [Il.: E. Kogan]. – Moskva: Goslitizdat, 1961. – 3 t.; T. 3: [Ispoved']. T. 3: [Progulki odinokogo mechtatelya] / [Komment. D. A. Gorbova]. – 1961. – 727 s., 1 l.
19. Safina A. M. Predstavlenie kak kategoriya sotsial'noi filosofii i fenomen obshchestvennogo bytiya // Manuscript. 2016. № 12-2 (74). S. 150-152. EDN: YHFMKL.
20. Stsenarii // Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya. Rezhim dostupa: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A1%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0>

%B8%D0%B9 (data obrashcheniya 26.01.2025).

21. Khaidegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya / Martin Khaidegger; [sost., per., vstup. st., komment. i ukaz. V. V. Bibikhina]. – Moskva: Respublika, 1993. – 445, [2] s.; 22 sm. – (Mysliteli XX veka).
22. Yung K. G. Otnosheniya mezhdu ego i bessoznatel'nym / Karl Gustav Yung; [perevod A. Chechinoi]. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2023. – 320 s.

Transformation of the semantic part of a piece of musical art

Odintsova Darya Dmitrievna

Assistant; Department of Musical Training and Socio-Cultural Projects; P.P. Semenov-Tyan-Shansky LGPU
Postgraduate student; Department of Philosophy and Social Sciences; I.A. Bunin YSU

15 Kommunarov St., Yelets, Lipetsk region, 399770, Russia

✉ darina2008.90@mail.ru

Abstract. The subject of the research in the article is music, which by its very nature is simultaneously considered the most easily perceived and difficult to comprehend art form. Unlike other types of art such as painting, sculpture, poetry, music has no material evidence. The sound that manifests the beauty of melody is a physical phenomenon that has its own extent in time and space. The article analyzes the transformation of the semantic content of musical art throughout the history of culture. The philosophers of the ancient world (Plato, Plotinus), followers of Christianity (Augustine), and modern philosophers (V. I. Martynov, Z. V. Fomina) directed their attention to this problem. A special attitude to music as an element of religious culture allows us to observe a deep spiritual content in musical creativity throughout the development of art. The study of musical content was carried out through the analysis of scientific and religious sources, which dealt in detail with issues related to religion and creativity. As a basis for the article, the author refers to the treatise "On Music" by Augustine, works on the study of ancient Russian singing art and the modern concept of the Russian musicologist, philosopher and composer V. I. Martynov.

Using the method of comparing musical thinking from different eras, it is possible to conclude that music had not only different purposes in cultures, but also had different semantic forms. The musical content has been transformed along with significant historical events such as the formation of ancient civilizations, the emergence of Christianity, the secularization of Western society, and the emergence of modern cultural values. The discovered interrelations between historical processes and musical thinking will help to design future directions in the field of art. Since the religious component is present in the musical content, it can be concluded that there is a Divine truth hidden in creativity, which can be comprehended through a melody filled with the spirit. With the loss of spiritual content, melody ceases to be an intermediary between God and man.

Keywords: Dodecaphony, tone function, aesthetics of rhythm, liturgical singing, The Revelation of the New Testament, making music, musical structure, ancient civilizations, musical notation, A new simplicity

References (transliterated)

1. Rozin V.M. Sushchnost' i taina muzyki / Filosofiya muzyki. AURORA Group s.r.o. (www.aurora-group.eu) & NB-MEDIA Ltd. (www.nbpublish.com). S. 194-218.
2. Kul'bizhekov V.N. Muzyka v aspekte genezisa iskusstva // Filosofiya istorii filosofii. 2022. T. 3. S. 70-84.

3. Voevodina L.P. Kul'turologicheskii analiz vzaimodeistviya muzyki i religii // Seriya: filosofiya, kul'turologiya, sotsiologiya. Visnik Mariupol'skogo derzhavnogo universitetu. 2011. VIP.2. S. 49-56.
4. Martynov V.I. Konets vremeni kompozitorov / Posleslovie T. Cherednichenko. M.: Russkii put', 2002.
5. Orlov M.O. Svetskie i religioznye aspekty sovremennoi kul'tury: sotsial'no-filosofskii i teologicheskii analiz // Izvestiya saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2022. T. 22, vyp. 1. S. 34-39. DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-1-34-39. EDN: IHQQFO.
6. Bakhtizina D.I. Muzyka kak fenomen dukhovnosti // Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva. Religiovedenie, filosofskaya antropologiya, filosofiya kul'tury. Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva", Novosibirsk, 2008. № 4. S. 40-43.
7. Fomina Z.V. Filosofiya muzyki: Uchebnoe posobie dlya studentov i aspirantov muzykal'nykh vuzov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni L.V. Sobinova, 2011. 208 s. EDN: TPJBMX.
8. Tashchian A.A. Estetika ritma Avreliya Avgustina: ot antichnoi nauki k novomu iskusstvu: monografiya. Krasnodar: Kuban. gos. un-t, 2012. 258 s. EDN: QXEEIT.
9. Uspenskii N.D. Drevnerusskoe pevcheskoe iskusstvo / N.D. Uspenskii; pod red. Yu. Keldysha. Moskva: "Muzyka", 1965. 216 s.
10. Smolenskii S.V. O drevnerusskikh pevcheskikh notatsiyakh // Pamyatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva. SPb., 1901.
11. Sedova E.I. Russkaya khorovaya muzyka: ot srednevekovoi monodii do mnogogolosiya novogo vremeni // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2009. № 2. S. 86-96. EDN: KUSPLF.
12. Efimova N.I. Rannekhristskoe penie v Zapadnoi Evrope VIII–X stoletii: K probleme evolyutsii modal'noi sistemy srednevekov'ya. M.: MGK, 1998.
13. Grachev V.N. Religioznaya muzyka A. Pyarta i V. Martynova: traditsiya, stil': avtoref. dis. kandidata nauk: 17.00.02 – Muzykal'noe iskusstvo. Saratov, 2013. 50 s. EDN: ZPBUQR.
14. Kovel' A.N. Kognitivnaya germenevtika muzykal'nykh obrazov kak neverbal'nykh tekstov // Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog. 2024. T. 7, № 1. S. 197-208. DOI: 10.17323/2658-5413-2024-7-1-197-208. EDN: GCULAC.
15. Bogomolov A.G. Tipologiya religioznoi muzyki // Religiovedcheskie issledovaniya. 2014. № 9-10.
16. Leont'eva O.V. Fenomen religioznogo i svetskogo nachal v muzykal'noi kul'ture // Gumanitarnye nauki. Vestnik SGTU. 2006. № 4(17). Vypusk 2. S. 184-193.
17. Sheludyakova O.E. Ispoved' i propoved' kak fenomeny iskusstva (na primere muzykal'noi kul'tury pozdnego romantizma) // Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii. 2011. Vyp. 1. S. 161-178. EDN: ONZVVP.
18. Khvatova S.I. Narodnoe v tserkovnom (ob odnoi raznovidnosti klirosnogo dukhovnogo kontserta v russkoi pravoslavnoi tserkvi) // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 4. EDN: KAUSH.
19. Leont'eva O.V. Vzaimodeistvie filosofsko-religioznykh i svetskikh idei v tvorchestve kompozitorov russkogo dukhovno-kul'turnogo renessansa // Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2009. T. 9. Vypusk 2. S. 27-31.

20. Piekut B. Sound's Modest Witness: Notes on Cage and Modernism // Contemporary Music Review. 2012. Vol. 31, No. 1. P. 3-18.
21. Latour, B. We have never been modern / C. Porter, Trans. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.
22. Nakai You. How to Imitate Nature in Her Manner of Operation: Between What John Cage Did and What He Said He Did // Perspectives of New Music. 2014. Vol. 52, No. 3. P. 141-160.
23. Begbie, J. Theology, music and time. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
24. Nekhaeva I.N. Filosofiya muzyki: osobennosti i perspektivy razvitiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 314. S. 52-58. EDN: JUYSRL.